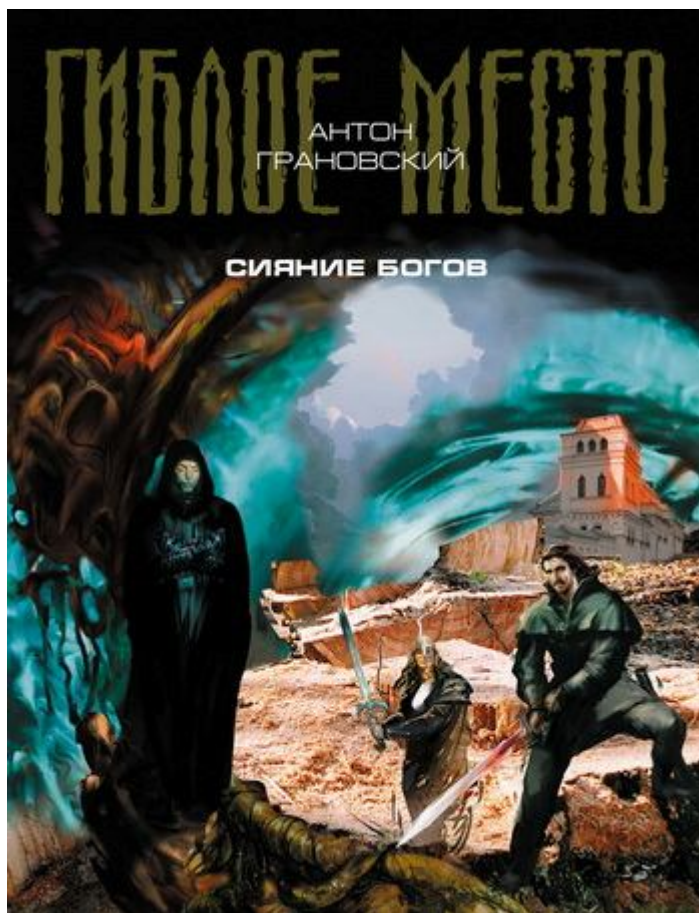

Антон Грановский Сияние богов

Гиблое место – 10

Антон Грановский Сияние богов

Пролог

Сивуш-град, Кривичское княжество

– Хороший постоялый двор, – сказал одноглазый купец, потягивая из берестяной кружки сладкий сбитень.

– Да, неплохой, – подтвердил его рыжий товарищ, вытирая рукавом кафтана смоченные в сбитне желтые усы.

– А кружечная изба при нем и того лучше, – веско заметил третий купец, чернявый, как болгарин. – Вот только кабаньи головы тут ни к чему. Это ж надо додуматься – отрезать от скотинки голову, набить ее соломой и повесить над стойкой.

– Таковы здешние нравы, – изрек одноглазый купец. – И не нам с тобой им перечить.

– И то верно, – согласился болгарин. Он прищурил глаза и лукаво посмотрел на довольные лица товарищей. – Что, братья, выпьем еще по одной и продолжим игру?

– Давай, – кивнул одноглазый.

– И я не против, – одобрил рыжий.

Булгарин, самый старший из троицы и по возрасту сивый, повернулся к дубовой стойке и окликнул целовальника:

– Эй, дружок! Наполни-ка наши кружки сбитнем и дай по сладкому калачу на закуску!

Целовальник, огромный безбородый мужик с широким, насмешливым лицом, кивнул и потянулся за кувшином. Одет он был в сермяжный кафтан, но шапка на нем была такая же дорогая, как на купцах. Разве что мех на ней был чуть трочен молью.

Когда целовальник подошел к столу, желтоусый купец окинул его рослую фигуру восхищенным взглядом и спросил:

– И в кого ж ты такой здоровый уродился, друг? В отца или в мать?

– Ни в мать, ни в отца, а в лихого молодца, – пробасил целовальник, разливая сбитень по кружкам. – Подкидыш я, дядя. Кем рожден – неведомо.

– Нам бы такого битюка в охоронцы, мы бы и ночью в лесу стоять не боялись, – сказал одноглазый. – Слышь-ка, брат, иди к нам в охоронцы. Платой не обидим.

– Благодарствую, но мне и здесь хорошо. Хозяин меня ценит, платит больше всех. И столуюсь я у него бесплатно. – Целовальник покачал светлой, короткостриженной головой. – Нет, ребята, я свою жизнь ни на какую другую не променяю.

Он сунул под мышку опустевший кувшин, смахнул полотенцем со стола хлебные крошки, повернулся и зашагал обратно к стойке. Купцы же, мирно беседуя, принялись потягивать сбитень.

В кружале было безлюдно и тихо. Кроме трех проезжих купцов в зале был всего один посетитель – хмурый, темноволосый парень в дорогом кафтане и с едва наметившейся бородкой. Он сидел за самым дальним столом, в темной стенной нише, и, ни на кого не глядя, цедил из кружки брагу.

Допив сбитень, купцы отставили кружки в сторону и вернулись к игре в бусы, прерванной полчаса назад. Однако стоило одноглазому купцу высыпать бусы из коробки на стол, как темноволосый незнакомец встал из-за стола и двинулся к купцам.

Остановившись возле их стола, незнакомец кашлянул в кулак и сказал:

– Вечер добрый, купцы. Пустите в круг?

Купцы окинули незнакомца любопытными взглядами. Выглядел он странно. Волосы густые и мягкие, будто у юноши. Лицо тоже не старое. А вот глаза такие, будто за плечами у незнакомца долгая-предолгая жизнь, полная тягот, радостей, ужасов и восторгов – короче, всего того, чем полна любая человеческая жизнь.

Был незнакомец осанист, но в его фигуре, юной и гибкой на вид, чувствовалось что-то надломленное, вялое и усталое. Булгарин улыбнулся и ответил за себя и своих товарищей:

– И тебе добрый вечер, странник! Значит, хочешь с нами поиграть?

– Хочу, коли не прогоните.

– Не прогоним. Садись за стол.

Незнакомец сел.

– Что же у вас за игра такая? – осведомился он.

– А ты не знаешь? – удивился желтоусый. – Вишь, на каждом бусе дырочки наколоты?

Странник посмотрел на бусочки и кивнул.

– Вижу.

– Мы бусочки эти переворачиваем, дырочками книзу, а засим перемешиваем. А после – каждый берет себе по четыре бусочка. Коли выпадет на двух бусочках одинаково дырочек – считай, повезло. Коли на трех – повезло еще больше. Ну, а ежели на всех четырех одинаково, то, почитай, схватил ты, парень, лешего за бороду. Но самое большое везение – это ежели выпадет так, что на каждом бусочке на одну дырочку больше, чем на прежнем. У кого везения больше, тот и забирает весь куш. Понял ли?

– Понял. Как не понять. Игра немудреная.

– Ну, коли так, то давай начнем.

Пока одноглазый купец, пожевывая ус, перемешивал бусочки, булгарин с любопытством разглядывал странника.

– Кто ты, добрый человек? – осведомился он.

– Я-то? – Странник хмыкнул. – Да никто. Просто прохожий.

- И по каким землям проходишь, прохожий?
- По разным.
- Судя поговору, ты древлянин?
- Был когда-то. Но то было давно.
- А имя у тебя есть? – спросил рыжий купец.
- Было, – хмуро ответил странник. – Да давно потерял.
- Ишь ты. – Рыжий качнул головой и пригладил пальцем свои пушистые желтые усы. –

Ну, ладно.

Одноглазый тщательно перемешал брусочки и распорядился:

- По два медяка от начала.

Каждый из купцов кинул на середину стола по две медяшки. Незнакомец тоже достал из кармана кожаный кошель и отсчитал две медные монетки.

- Берем, – разрешил одноглазый.

Играющие потянулись за брусками.

...Булгарин, проигравшийся больше других, выглядел подавленным. Кончики его черных усов были уныло опущены вниз.

– Прости, брат, – виновато проговорил странник. – Мне не везло весь последний год. Должно быть, удача нынче решила вознаградить меня за мои мытарства.

- За мой счет? – уныло усмехнулся булгарин.

Странник лишь развел руками.

Одноглазый и желтоусый купцы тем временем поднялись из-за стола. Лица у обоих были суровы, на странника они старались не смотреть.

- Ты с нами? – окликнул одноглазый купец булгарина.

– Да. Сейчас. – Булгарин облизнул пересохшие от досады и расстройства губы. – Вот выпью кружку сбитня и сразу за вами.

Он дал знак целовальнику. Тот кивнул в ответ и повернулся к полке с кувшинами.

– Ну, давай, не засиживайся, – сказал булгарину желтоусый купец. Затем перевел взгляд на незнакомца, обыгравшего их в пух и прах, кашлянул в кулак и, пересилив себя, вежливо пожелал: – Покойной ночи, странник.

- Покойной ночи, братья, – хмуро проговорил тот в ответ. – Не обессудьте.

- Да чего уж там, – пробурчал желтоусый и, махнув рукой, зашагал к двери.

Одноглазый последовал за ним.

Дверь за купцами захлопнулась. Целовальник поставил перед булгарином полную кружку сбитня и оставил его наедине с удачливым странником.

- Ты позволишь мне заплатить за твой сбитень? – вежливо обратился к купцу странник.

– Заплати, коли хочется. – Булгарин отхлебнул из кружки, почмокал губами, исподлобья глядя на странника, а потом сказал: – Слышь-ка, брат?

- Ну? – отозвался странник.

- Дай отыгаться.

- Я бы дал. Но что на кон-то поставишь? Ведь нет у тебя больше ничего.

– Верно, нет, – уныло prorонил булгарин. Потом на мгновение задумался и вдруг стянул с головы шапку и показал ее страннику. – Почти новая, – сказал он. – По кругу соболю, поверху – куница. Чудо, а не шапка.

Странник исподлобья посмотрел на булгарина и покачал головой.

- Нет, брат, не нужна мне твоя шапка.

– Не нужна, говоришь? – Булгарин нахмурился. – Ну, так возьми ножны. У меня отличные ножны. Принесть?

– И ножны не надобны, – отрезал странник. – Ничего мне от тебя не надобно. Вот разве что... – Он на мгновение задумался, а затем качнул головой: – Нет, ты не согласишься.

- Чего? – насторожился булгарин. – Про что ты говоришь? Ну, не томи!

- Да нет, это глупость. Ты не станешь даже слушать.

- Ты скажи, а я уж решу. Чего тебе надобно, странник? Говори же!

Странник несколько секунд пристально смотрел на булгарина, как бы раздумывая, стоит ли признаваться ему в своей надобности или нет, потом вздохнул и заявил:

– Ладно, скажу, раз просишь. Поставь на кон свои годы, купец. На них я готов сыграть.

Булгарин растерянно захлопал глазами.

– Как это?

– Просто. Ты мужик нестарый, тебе до смерти еще лет тридцать осталось. Коли бражничать будешь в меру. Вот и поставь из этих тридцати на кон... лет так пять. И тебе убыль небольшая, и у меня интерес появится.

Купец неуверенно улыбнулся.

– Нешто можно на кон годы поставить?

– А ты попробуй.

– Да я-то с радостью. Но не хочу, чтоб ты меня потом жуликом обзывал. Скажи хоть, что не шутишь.

– Не шучу, – твердым голосом произнес странник.

– Гм... – Булгарин слегка приободрился и даже подкрутил пальцами черный ус. – Ну, смотри, брат, не говори потом, что я тебя вокруг уса обвел. Ты сам вызвался. А ты сам-то что поставишь?

– Против каждого твоего года поставлю серебряную резанку. Идет?

– Идет.

– Ну, значит, договорились. Мешай бруски, купец.

Булгарин, все еще не веря своему счастью, быстро перемешал бруски и отсчитал себе четыре штуки. Странник тоже взял себе четыре бруска...

Взглянув на свои бруски, булгарин взволнованно облизнул губы, посмотрел поверх брусков на соперника и сказал:

– Хочу еще пять лет на кон поставить – против пяти твоих резанок. Позволишь ли?

Странник усмехнулся и кивнул:

– Позволю. Сколько хочешь, столько и ставь. Я резанками поддерживаю.

– Тогда ставлю сразу двадцать.

Странник невозмутимо отсчитал двадцать резанок. Купец с жадностью посмотрел на кучу серебра.

– Слышь, странник, а ведь у меня еще десять лет осталось, верно?

– Верно.

– Ну, так я и их на кон поставлю.

– Видать, хорошие брусочки у тебя на руках, купец, коли хочешь поставить все, что есть. Что ж, мешать и перечить твоему счастью не буду. Принимаю твою ставку.

На всех брусочках у купца было по четыре дырочки.

Странник прищурил глаза и стал выкладывать на стол свои брусочки – один за другим. На первом была одна дырочка. На втором – две. На третьем – три.

На секунду замешкавшись, странник выложил на стол четвертый брусочек, и на нем было четыре дырочки.

Булгарин вздохнул и отер рукою потный лоб.

– Проиграл я тебе тридцать лет жизни, странник, – с напускной горечью проговорил он. – Плохо, но ничего не поделаешь. Видать, такая у меня судьба. Ладно, пойду вздремну.

Он поднялся из-за стола, повернулся и двинулся прочь. «Дешево я отделался, – думал купец, шагая к выходу из кружала. – Ой дешево».

На душе у него, однако, было нехорошо. Странник оказался везуч, но слаб умом. И теперь купца немного мучила совесть: ведь играл он со странником на просто так, а тот в ответ ставил настоящие деньги.

«Ладно, чего уж теперь казнить. Все равно ведь не выиграл».

Булгарин вышел на улицу, посмотрел на звездное небо и вдохнул полной грудью свежий ночной воздух, пронизанный запахами мерзлой земли и сухих листьев.

За спиной у него скрипнула дверь.

- Эй, купец, – раздался негромкий голос странника.
– А, это ты, странник. Чего тебе?
– Да вот, хочу забрать свой выигрыш. Не возражаешь?
Купец улыбнулся.
– Ничуть. Что проиграно, то проиграно.

Странник шагнул к купцу, улыбнулся и вдруг схватил его за плечи и резко притянул к себе. Губы странника впились в губы булгарина крепким поцелуем.

«Что ж ты творишь, собака!» – хотел крикнуть купец, но не успел. Ноги его подкосились, грудь сдавило, дыхание сперло, и он рухнул к ногам странника семидесятилетним, морщинистым, седым как лунь старцем.

А странник вытер рукавом кафтана рот, подставил лицо лунному свету и улыбнулся. На лице его, разгладившемся и словно бы засветившемся, застыло выражение крайнего наслаждения, сутуловатые плечи расправились.

За спиной у странника скрипнули двери. Кто-то протопал сапогами мимо. Странник опустил взгляд и увидел, что двое купцов – желтоусый и одноглазый – схватили седого булгарина под руки и оттащили его к кружалу.

– Что ж это... – с ужасом проговорил один. – Совсем сед... И морщины... Брат, да что с тобой?

Дверь снова скрипнула, и на улицу вышел верзила целовальник. Посмотрел на купцов, потом перевел взгляд на странника и сказал:

– Вот оно что. Значит, ты и есть тот темный выродок, который выпивает из людей силу и жизнь.

– Он состарил нашего товарища! – крикнул одноглазый купец.

– Не дай ему уйти! – рявкнул желтоусый.

Целовальник, крепкий, могучий, широкоплечий, холодно улыбнулся и вынул из-за пояса кинжал.

– Давно я хотел с тобой встретиться, темный выродок, – процедил он сквозь зубы и медленно двинулся вперед.

– Зря ты это задумал, – тихо отозвался странник, глядя на приближающегося здоровяка холодными, мерцающими, как мерцает на железе снежная изморось, глазами. – Я всего лишь получил свой выигрыш.

Целовальник улыбнулся и кивнул, словно принял слова странника к сведению, а потом вдруг стер улыбку с губ и ринулся вперед. Однако пробежать верзила успел всего два шага. Странник вскинул правую руку и быстро наставил ее ладонью на целовальника. В тот же миг бугай остановился, словно наткнулся на невидимую стену, и изумленно уставился на странника. На мгновение купцам показалось, будто с ладони странника слетели прозрачные, как слюда, нити и мигом оплели могучее тело здоровяка.

А в следующее мгновение видение прозрачных нитей исчезло, но туловище целовальника затряслось и заходило ходуном, будто в припадке падучей. А потом вдруг стало сдуваться, как бурдюк, из которого выливают вино.

Глаза бугая ввалились в череп, щеки вжались, он постоял еще пару мгновений, а затем повалился на землю и затих. Странник устремил взгляд на перепуганных купцов.

– Ну? – угрюмо спросил он. – Кто-нибудь еще хочет?

– Я хочу, – ответил у него за спиной чистый, ясный, молодой голос.

Купцы и странник одновременно обернулись. Возле дерева, освещенный призрачным, серебристым светом луны, стоял невысокий человек с копной белых, кудрявых волос и улыбчивым лицом.

Странник посмотрел на него хмурым, неприязненным взглядом и раздраженно отчеканил:

– Я тебя не знаю. Чего тебе нужно, незнакомец?

Кудрявый, словно одуванчик, парень усмехнулся, блеснув белой полоской зубов, и сказал:

– Мне нужен ты, игрок.
– Я?
– Да, ты. Тебя кличут Тиш, верно?
Странник напрягся.
– Ты знаешь, как меня зовут?
– Выходит, что знаю. И ты тоже про меня слышал. Я Облакаст.
Игрок мрачно усмехнулся и облизнул сухие губы.
– Зачем же я тебе нужен, Облакаст?
– Ты зашел на мою землю. Здесь... – незнакомец обвел рукой окрестности, – мои охотничьи угодья.
Тиш некоторое время разглядывал белокурого выскочку, потом сплюнул себе под ноги, снова поднял взгляд и сказал:
– Это мой тебе ответ.
– Ну, пеняй на себя.
Кудрявый Облакаст вскинул руку и крикнул что-то громовым голосом. Небо стремительно заволокло тучами. Громыкнул раскат грома, и хлынул дождь. Все это произошло так быстро, что купцы испуганно присели на корточки и обмахнули себя охоронными знаками.
Новый раскат грома прокатился по небу, и в землю, в двух аршинах от игрока, ударила ослепительно-белая молния. В ответ игрок вскинул правую руку, и в свете так и не исчезнувшей луны блеснули таинственные слюдяные нити, но Облакаст ловко вильнул в сторону и увернулся от них. А после прокричал какое-то заклинание, и мощный порыв ветра ударил игрока в грудь, поднял его в воздух, пронес несколько сажень и швырнул на забор.
Однако на этот раз слюдяные, полупрозрачные нити, со свистом прошив воздух, настигли Облакаста, опутали его по рукам и ногам и повалили наземь. А потом все потонуло в грохоте грома, завываниях урагана, шуме бешеного ливня и визге летающих невидимых нитей.
Купцы при виде таких ужасов попадали на землю и закрыли головы руками.
– Чур меня, чур, – забормотал один.
А второй, вжавшись животом в землю, хрипло выдохнул:
– Правду говорят, что боги живут среди людей неузнанными! Великий Сварог, спаси нас от лютоостей детей твоих!

Глава первая ПРИЗРАК

1

Много лет назад жизнь Глеба Орлова, успешного московского журналиста из двадцать первого века, закончилась. На смену ей пришла другая – жизнь средневекового охотника на нечисть, разбивающего головы упырям и вырывающего сердца оборотням. Потом была третья жизнь – жизнь фаворита княгини и полновластного хозяина Хлынского княжества. А потом он на три года погрузился в кошмарный сон. Это была четвертая жизнь. (Или – смерть?... Впрочем, если верить буддистам, жизнь и смерть – это одно и то же.)

Какую из трех этих жизней Первоход мог с полным основанием назвать своей?

О журналисте Глебе Орлове он давно уже не думал как о себе самом. А только как о давнем знакомом (настолько давнем, что даже лица его Глеб не мог как следует припомнить). Но иногда прежняя жизнь являлась Глебу Первоходу в снах, и сны эти всегда были кошмарными.

После расправы, которую он из мести учинил над князем Доброволом и его людьми, Глеб решил уехать из Хлын-града. Хлынским княжеством снова правила княгиня Наталья, и бояться Глебу теперь было вроде бы нечего. Однако воздух города душил его. И слишком

живо было воспоминание о том, чем закончилась попытка улучшить этот мир.

Три года, проведенные в самой страшной из темниц мира, отрезвили Глеба и навсегда отбили у него жажду преобразований. Пусть этот чертов мир остается таким, какой он есть. Изменить в нем ничего нельзя, а значит, не стоит и пытаться.

В свой дом на берегу Эльсинского озера Глеб возвращаться тоже не захотел. За те три года, что его не было, дом наверняка разграбили, теплицы – разломали, а его роскошный сад, в который он вложил столько сил, скорее всего, вырублен завистливыми соседями.

Отомстив князю Доброволу, Глеб понял, что уткнулся лбом в тупик, выхода из которого он не видел. Справиться с депрессией помог алкоголь, но однажды, протрезвев от винных паров, Глеб с удивлением обнаружил, что теперь он – охоронец купеческого каравана, а его сумка набита серебром и золотом.

Поразмыслив, Глеб решил, что охранять купеческие караваны – дело как раз для него, и, вновь обретя видимость душевного спокойствия, отставил алкоголь в сторону – до лучших (или же до худших?) времен.

Сейчас он ехал рядом с обозом на гнедом, крепком жеребце и пребывал в странном состоянии. После трех недель отсутствия караван возвращался в Хлын-град, и чем ближе они подъезжали к городу, тем беспокойнее и тревожнее делалось на сердце у Глеба. И дело тут было не в прошлом, а скорее в будущем. Душу Первохода томили неприятные предчувствия.

«Что-то случится, – твердил ему внутренний голос. – Что-то обязательно случится».

Купец Онгудай, ехавший в пустой телеге, взглянул на Глеба и проговорил:

– Повезло нам с тобой, ходок. Кабы не ты, порубили бы нас душегубы в Еланском лесу.

– Может, да, – сказал Глеб. – А может, нет.

– Точно порубили бы. Но вместо этого ты порубил их. И как ловко порубил! Любо-дорого было посмотреть! Скажи-ка, Первоход, где ты так здорово научился махать мечом?

– В Гиблом месте, – ответил Глеб. – Всем, что я умею, я обязан ему.

– Эвона как... Стало быть, тебе Гиблое место принесло не зло, а пользу. Бывают же чудеса на свете! А скажи-ка, Первоход, что такое это Гиблое место?

– Никто не знает, Онгудай, – нехотя отозвался Глеб.

– А верно говорят, что получилось оно от того, что тысячу лет назад на Кишень-град упала с неба железная звезда?

– Думаю, что да, – ответил Глеб. – Но проверить это никто уже не сможет.

– Да, дела... Слышал я еще, что на той звезде были боги и что боги те пали на землю вместе со звездой. Это тоже правда?

Глеб хмуро покосился на купца. Провернув несколько выгодных сделок, Онгудай из скупого на слова и деловитого купца превратился в болтливую бездельника. Впрочем, он мог себе это позволить.

– Я не знаю, купец, – ответил ему Глеб. – Может быть, это и были боги. Но, судя по тому, сколько дряни они оставили в Гиблой чащобе, я бы скорее назвал их разгильдяями.

Купец Онгудай нахмурился, лениво обмахнул себя охоронным знаком против злых сил, потом зевнул, лег на рогожу и закрыл глаза. День выдался теплый, безветренный, они ехали по открытому большаку, и солнце слегка припекало. Вскоре Онгудай задремал, но Глебу не суждено было проехать остаток пути до города в молчании.

Один из молодых купцов, сопровождавших Онгудая (их было двое, и Глеб до сих пор не смог запомнить их имен, поскольку оба казались ему на одно лицо), нагнал Глеба и поехал рядом, переведя свою каурюю крепконогую кобылу на шаг.

– Можно тебя спросить, Первоход?

– Спрашивай, – нехотя разрешил Глеб.

– Твоя жизнь наполнена приключениями, большинство которых были крайне опасными. Многие молодые купцы тебе завидуют, но я... Я не знаю, хотел бы я себе такую жизнь, как твоя, или нет.

Несколько секунд они ехали молча, потом Глеб спросил:

– Так в чем вопрос, купец?

– Нравится ли тебе такая жизнь, Первоход? Доволен ли ты ею?

«Похоже, что болтливость Онгудая заразна», – с неудовольствием подумал Глеб. А вслух сказал:

– Я не выбирал эту жизнь. Она сама выбрала меня.

– Но ты можешь ее переменить?

Глеб покачал головой.

– Нет, не могу. Каким бы ни был мой путь, я должен пройти его до конца.

Молодой купец обдумал слова Глеба, потом снова с любопытством посмотрел на него и уточнил:

– И куда ведет твой путь, Первоход?

Глеб усмехнулся.

– Подозреваю, что никуда.

– Тогда почему ты по нему идешь?

– Потому что я ходо, а не купец и не землепашец.

Молодой купчик улыбнулся, затем прищурил любопытные глаза и заявил:

– Быть может, у меня больше никогда не будет возможности поговорить с тобой, великий Первоход. Ты ответил мне в шутку, но я хочу услышать, что ты думаешь на самом деле. Для меня это важно.

Глеб на мгновение задумался, потом сказал:

– Что ж... Пожалуй, я могу ответить серьезно. Я иду по своему пути, потому что мираж, который я вижу впереди, внушает мне больше надежд, чем темная неопределенность, которую я оставляю за спиной. Хотя, скорее всего, все будет ровно наоборот.

Молодой купец на всякий случай обернулся, опасаясь, по всей вероятности, увидеть за спиной «темную неопределенность», о которой говорил Первоход, потом нахмурился и вздохнул:

– Боюсь, что я не понял ни слова из того, что ты сказал, Первоход.

– Понял ты или нет, это ничего не изменит, – отчеканил Глеб. – Ни в твоей жизни, ни тем более в моей.

Однако любопытный купчик не намерен был сдаваться. Он улыбнулся, давая понять, что оценил юмор ходока, а потом в третий раз повторил свой вопрос:

– И все-таки, ходо, что будет в конце твоего пути?

Глеб почувствовал раздражение. Скосив глаза на купца, он ответил:

– В конце пути нас всех съедят, друг. А задашь еще хоть один вопрос, я сам тебя сожру.

Угроза подействовала, и любопытный купчик, нахмурившись, осадил лошадку и отвязался от Глеба.

Проехав полем, они снова углубились в тенистый лес. На душе у Глеба становилось все тревожнее. Он стал внимательнее всматриваться в лес и прислушиваться к его шорохам, но не видел и не слышал ничего подозрительного. Это должно было успокоить Глеба, но странным образом растревожило его еще больше.

Он чувствовал – что-то должно случиться, но не мог определить, откуда ждать беды. На всякий случай Глеб пустил коня в рысь и обогнал обоз, чтобы встретить опасность первым, если таковая появится.

Не успел он проехать и двадцати метров, как резко осадил коня и вскинул руку кверху, призывая караван остановиться. Знак этот был обговорен заранее, и караван послушно встал. Кто-то из купцов окликнул было Глеба, но он подал новый знак – «Всем молчать!».

Затем внимательнее пригляделся к тому, что лежало на дороге. Это было человеческое тело, и выглядело оно ужасно. Птицы и мелкие грызуны изрядно над ним потрудились. Судя по всему, оно лежало тут не первые сутки.

Глеб не торопился делать выводы. Он вновь пристально оглядел деревья и кустарники, наострил слух и долго вслушивался в звуки леса, стараясь вычленить из них что-то чуждое

и необычное. Но и на этот раз он ничего не почувствовал.

«Уж не изменяет ли мне моя интуиция?» – пронеслось в голове у Глеба.

Он нахмурился и осторожно пустил коня вперед, но конь, пройдя пару шагов, остановился как вкопанный и возмущенно и испуганно захрапел, не желая идти дальше.

«Конь что-то чувствует, – подумал Глеб. – А я – нет».

Он быстро и бесшумно спешил, подвел коня к ближайшему дереву и закинул узду на торчащую кверху ветку. Затем стал медленно и осторожно приближаться к телу, оглядывая ближайшие кусты придирчивым, недоверчивым взглядом.

Наконец, он остановился возле тела, присел на корточки и оглядел его получше. Это была девушка. Молодая и когда-то красивая. Судя по состоянию тканей, уже тронутых тлением, она и впрямь была мертва не меньше суток. Горло бедняжки было перерезано от уха до уха.

Мертвый и ограбленный странник – зрелище довольно обычное для большака. В былые времена разбойники оттащивали убитых в кусты, но то было раньше. Нынешние душегубы со своими жертвами не церемонились.

Однако чаще всего на пути попадались мертвые купцы или путешественники, но молодая, красивая девушка... Как могла она забрести в такую глушь? Отправилась в лес за грибами? Одна?... Да и не походила она на деревенскую простушку. Одежда на ней была небедная и почти роскошная. Такую одежду носят дочери оборотистых купцов.

Глеб еще раз оглядел кусты и деревья и снова перевел взгляд на мертвую девушку. У него неприятно засосало под ложечкой. Что-то во всем этом было не так.

Поначалу Глеб не понял, что именно его встревожило, но через несколько секунд догадался. Мертвая, тронутая тлением, обьединная животными и поклеванная птицами, девушка совсем не источала смрад. Она вообще не пахла – никак и ничем, словно была не мертвецом, а глиняной куклой.

И вдруг покойница открыла глаза и уставилась на Глеба. От неожиданности он попятился и едва не упал.

Девушка улыбнулась и сказала:

– Привет!

– Кто ты? – хрипло спросил обалдевший Глеб. – Кто ты такая?

Девушка прищурила черные, чуть раскосые глаза и тихо пробормотала, подражая голосу Глеба:

– Кто ты? Кто ты такая?

Лицо ее стало быстро преображаться, и вот уже на Глеба смотрело его собственное лицо, только гораздо моложе и милее, чем оно было на самом деле.

Первоход тряхнул головой. «Надо завязывать с водкой и олусом», – подумал он. А вслух растерянно пробормотал:

– Что все это значит?

Девка снова стала девкой, улыбнулась и ответила:

– Это значит, что ты попался! Доставай кошель, купец! И гляди мне, потянешься за мечом – убью!

Острые кинжала ткнулись Глебу в шею.

2

Сжимая в одной руке кинжал, другую девушка поднесла к лицу, сунула два пальца в рот и громко свистнула. Послышался громкий треск, и из леса высыпала ватага разбойников, вооруженная мечами, луками и топорами.

Купцы, их помощники, а также трое охоронцев, с которыми Глеб за всю дорогу не перекинулся ни словом, соскочили с телег, закричали и выхватили мечи. Все произошло быстро, почти молниеносно. Еще несколько секунд назад лес был тих, а большак спокоен, и вот уже на большаке, вокруг стоящих телег, завязалась кровавая бойня.

Девушка рывком села и хотела что-то сказать Глебу, но он быстро отпрянул, сильным ударом руки выбил кинжал из ее тонких пальцев и, резко качнувшись вперед, въехал разбойнице лбом в переносицу. Затем вскочил на ноги, выхватил из-за спины обрез охотничьего ружья и первым же выстрелом прострелил самому могучему из разбойников плечо.

Тот вскрикнул и выронил топор, а Глеб еще дважды спустил курок, и еще два разбойника повалились на землю.

Возле уха Глеба просвистела стрела, он резко развернулся и сшиб лучника с ног выстрелом в грудь.

Грохот выстрелов заставил разбойников умерить прыть, а когда четверо из них остались лежать в пыли, прочие снова брызнули в кусты, как шакалы, бросившие добычу, испугавшись появления разъяренного медведя.

Глеб оглянулся на девку. Никакой девки на большаке не было. Зато с того места, где она только что лежала, взвился маленький вихрь, похожий на смерч, пронесся по большаку и сбил с ног одного из охоронцев.

Глеб грубо выругался, в два прыжка настиг смерч, сбросил с плеч свой плащ и накрыл им кружащееся черное облако. Однако в следующий миг грозная сила выбила у ходока из рук ольстру и отшвырнула его в сторону, а из-под плаща, грузно махнув крыльями, вылетела небольшая, но жутко зубастая спуржун-птица.

Чудовище щелкнуло пастью, и один из охоронцев с криком отскочил к обочине дороги, а из плеча у него брызнула кровь. Глеб, рывком вскочив на ноги, подбежал к спуржун-птице. Чудовище рванулось вверх, но Первоход схватил ее одной рукой за когтистую лапу, а второй рукой выхватил из ножен меч.

Ходок рубанул взлетающую птицу мечом, но она увернулась и стремительно спикировала вниз. Ударившись об утопанную землю большака, спуржун-птица превратилась в крупную рысь.

Раненый охоронец, сжав в руке меч, встал у нее на пути, но рысь одним ударом мощной лапы сшибла его с ног и ринулась в сторону леса. Однако Глеб был уже рядом. Он вскочил рыси на спину и обхватил ее шею руками. Рысь протащила его на себе пару сажений, а потом завалилась набок и снова превратилась в девуку.

Руки Глеба крепко сдавили ей шею, и девка засучила ногами, захрипела.

– Ольстру! – крикнул Первоход бешеным голосом. – Дайте мне ольстру!

Купец Онгудай быстро поднял с земли ольстру, подбежал к Глебу и сунул ольстру в его протянутую руку. Глеб выпустил из пальцев нежную шею девушки и приставил дуло ольстры ей к затылку.

– Только дернись, тварь! – грозно пророкотал он. – Отстрелю башку к едрене фене!

Девка затихла под ним, хрипло дыша и уткнув лоб в землю.

Глеб огляделся и оценил потери. Один молодой купец был ранен в руку. Один охоронец убит. Еще один ранен. Купцу Онгудаю меч разбойника оцарапал щеку.

* * *

После того как Глеб в третий раз брызнул в лицо разбойнице водой, она наконец открыла глаза. Глеб убрал в сторону бурдюк с водой и снова приставил дуло ольстры к голове разбойницы. Девушка скосила глаза на ствол, удивленно приподняла брови и спокойно осведомилась:

– Это что?

– Посох Перуна, – в тон ей ответил Глеб. – Слыхала про такой?

Девка качнула головой.

– Нет.

Глеб прищурился.

– Не здешняя?

Разбойница несколько секунд молчала, спокойно и даже слегка насмешливо разглядывая Первохода, потом ответила:

– Мы с ватагой пришли из Зельцких лесов.

– Вот оно что. А...

Девка странно улыбнулась.

– Думаешь, ты поймал меня?

Глеб тоже усмехнулся, но усмешка у него вышла холодной и безжалостной.

– А на что, по-твоему, это похоже?

– На то, что ты дурак, – сказала девка и вдруг стала прозрачной, как стекло. Длилось это мгновение, а потом разбойница обрушилась на землю водой.

Бурлящий ручеек воды устремился в овраг, и не успел Глеб прийти в себя от изумления, а уже на земле перед ним было одно лишь пустое и сухое место.

– Ускользнула! – ахнул один из купцов.

– Просочилась! – воскликнул другой.

– Колдунья! – прохрипел выживший охоронец.

Глеб пощупал землю, понюхал пальцы и озадаченно нахмурился. С таким колдовством ему еще не приходилось встречаться.

– Первоход, что за тварь это была? – дрогнувшим голосом спросил с телеги купец Онгудай.

Глеб молчал, размышляя.

– Надо думать – русалка, – проговорил охоронец таким же голосом, как Онгудай.

Первоход снова осмотрел пустое место перед собой, задумчиво нахмурил лоб и покачал головой:

– Нет, братцы. Это была не русалка.

– Но ведь она темная тварь, верно? – снова спросил кто-то из обоза.

Глеб поднялся на ноги, повернулся и ответил:

– Темные твари обычно не заходят так далеко от Гиблого места.

– Но ведь эта зашла, – возразил охоронец.

– И не только зашла, но и спуталась с разбойниками, – проговорил угрюмо купец Онгудай. – Вот чудеса-то.

Первоход еще несколько секунд думал, потом покачал головой и сказал:

– Нет, купцы, тут что-то другое.

Взгляды купцов и охоронцев устремились на него.

– Что ж? – тихо спросил охоронец.

Глеб еще больше нахмурил лоб, вздохнул и ответил:

– А вот этого я пока не знаю.

3

В кружале былолюдно, столы почти все заняты, но Глебу вполне хватало деревянной стойки, за которой колдовал с кувшинами, кружками и стаканами бородатый целовальник.

Первоход успел выпить... Впрочем, никто, кроме целовальника, не знал, сколько он успел выпить (включая и самого Глеба). Поэтому следует сказать обтекаемое: выпив кружок безмерно и стаканов бесчисленно, Глеб почувствовал, что настроение его слегка приподнялось, а история с превратившейся в воду девкой слегка стерлась из памяти.

Он отхлебнул олуса и оглядел зал.

Зал как зал, ничего интересного. Обычные бородатые физиономии купцов, крепких землепашцев и заезжих путешественников. Когда Глеб снова повернулся к стойке, он увидел, что по другую сторону от него уселся на высокую лавку сгорбленный человек в просторном темном плаще. Голову и лицо его прикрывал капюшон.

Глеб отхлебнул олуса, облизнул губы и вновь покосился на согбенного странника.

– Эй, старец, издалека ли пришел? – окликнул он.

– Издалека, молодец, – ответил странник хрипловатым, надтреснутым голосом.
– И как тебе у нас, в Хлынь-граде?
– Да так же, как везде. Мир одинаков. Повсюду живут люди, а среди них есть добрые и злые.

Глеб улыбнулся.

– И кого же в мире больше – добрых или злых?
– Да ведь это как когда. Коли время спокойное, то добрых больше.
– А коли беспокойное?
– Тогда, конечно, больше злых.
– И отчего же так, отец?
– Оттого, сынок, что зло делать проще, чем добро. Оно не требует усилий, а человек ленив и не любит напрягаться.

Глеб вновь отхлебнул из своей кружки, швырнул в рот соленый сухарик, раскусил его зубами и сказал:

– А ты, дедуля, и впрямь мудрец. Вот только зло иногда тоже требует усилий. Чтобы что-то сломать, тоже приходится напрягаться.

– Верно, – согласился странник. – Только ведь люди этого не понимают.

Глеб тихо засмеялся.

– Ты мне нравишься, отец! Выпьешь со мной?

– Нет. Я хмельного не пью, а жажда меня не мучит.

– Ну, как знаешь.

Глеб потянулся за кувшином, чтобы наполнить кружку, но странник быстро выпростал руку из-под плаща и перехватил запястье Первохода. Хватка у старца была невероятно крепкой. Глеб удивленно посмотрел на торчащую из-под капюшона бороду и хрипло спросил:

– Кто ты такой, старик?

– А с чего ты взял, что я старик?

Выпустив руку Глеба, странник взялся за край капюшона и откинул его с головы. С молодявого, испещренного шрамами лица на Глеба смотрели спокойные серые глаза.

– Охотник Громог? – Глеб не поверил своим глазам, тряхнул головой и провел перед лицом рукой, надеясь, что наваждение рассеется. Но не рассеялось.

Глеб хмыкнул:

– Ясно. Коли я тебя вижу, значит, я и впрямь чертовски сильно пьян.

– Ты думаешь?

– А чего тут думать? Прости, охотник, но в трезвом виде я с мертвецами не разговариваю.

– Так ты думаешь, что я мертвец?

– А разве нет?

Призрачный охотник посмотрел на свои загорелые руки, перевел взгляд на Глеба и сказал:

– Все не так просто, Первоход. Мир людей и мир Тьмы разделяет граница. Тьма постоянно делает попытки прорваться к людям. Гончие смерти, Призрачные всадники – все это были ее посланники. Но мы с тобой сумели их остановить, верно?

– Это было не слишком сложно, – сказал Глеб.

Охотник холодно усмехнулся.

– Да, ты прав. Но на этот раз все гораздо страшнее. Зло, которое рвется сейчас через эту границу, столь могуче, что в сравнении с ним Гончие смерти – жалкие бродячие шавки, а Призрачные всадники – всего лишь мотыльки-переростки. Все эти твари были порождениями Тьмы, но теперь к нам рвется сама Тьма. Если ты не поможешь ее остановить, всему здесь придет конец.

Глеб почувствовал раздражение. Дернув плечом, он сухо проговорил:

– Ну и пусть приходит. Эта седая древность – не мой мир. Это всего лишь идиотское

прошлое, в которое меня занесло дурацким колдовским ветром.

– Без прошлого нет и будущего, – веско возразил охотник. – Если этот мир погибнет, твой никогда не появится.

Лицо Глеба потемнело.

– И что я должен делать? – хмуро спросил он. – Препградить Тьме дорогу и надавать ей по шее? Что ж, это я могу.

Охотник Громол покачал головой и сказал:

– На этот раз все слишком серьезно. Ты не сможешь противостоять Тьме в одиночку. Тебе понадобятся помощники.

– Будь по-твоему, – немедленно согласился Глеб. – Ты иди вперед, а я соберу банду и отправлюсь за тобой вдогонку. Вот только допью свой олус и сразу же...

– И кого ты хочешь «собрать»? – перебил Громол.

Глеб пожал плечами.

– Да мало ли отребья в княжестве? Дай каждому из местных бродяг по серебряной резанке, и он пойдет за тобой в огонь и в воду.

Охотник долго молчал, пристально и холодно глядя на Первохода, потом вздохнул и сказал:

– Ты ничего не понял. Но это моя вина. Видимо, я плохо тебе объяснил. Когда я говорил о помощниках, я не имел в виду бродяг.

– Правда? Кого же ты имел в виду?

Громол выпятил вперед подбородок и торжественно произнес:

– Тех, кто наделен силой богов!

Глеб усмехнулся:

– Ох, старина, сбавь пафос. И умоляю: не говори зловещими загадками. Или ты думаешь, что стоит мне свистнуть, и боги слетятся на мой свист, как дрессированные голуби?

– Я говорил не о богах, Глеб. Я говорил о тех, кто наделен их силой.

– И кто же это? – прищурился Глеб. – Упыри? Стригои? Оборотни? А может быть, какие-нибудь особенные люди?

Громол снова выставил подбородок и произнес прежним торжественным голосом:

– Я называю их детьми падших богов. А если проще – детьми хвостатой звезды.

– Да, это действительно «проще», – заметил Глеб с иронией в голосе. – А теперь дай-ка сообразить. Значит, перед тем, как рухнуть на землю и окочуриться, падшие боги успели настрогать детишек? Быстро это у них получилось.

Взгляд Громола снова похолодел.

– Не время шутить, Первоход, – серьезно проговорил он. – Слушай и запоминай: ты должен собрать отряд. Когда ты это сделаешь, я снова появлюсь перед тобой и провожу вас к тому месту, откуда Тьма начнет свой поход против мира людей. Остальное будет зависеть от тебя и от тех, кого ты приведешь с собой.

– Но ты так и не сказал, кого я должен привести, – напомнил Глеб.

– Разве не сказал? Что ж, тогда скажу сейчас. Они – потомки жителей Кишень-града, рассеянные по всему свету. Они выглядят в точности как люди. Много сотен лет их способности дремали. Но два года назад в небе пролетела хвостатая звезда, и она пробудила их способности. Я наделю тебя даром особого чутья, Первоход. Так, чтобы ты смог разыскать потомков падших богов.

– Их много? – уточнил Глеб.

– Десятки. Но большинство из них слишком слабы, и способности их лишь немногим отличаются от обычных. По-настоящему сильных всего семеро. Найди их, Глеб. Ты должен уложиться в две седмицы. И помни – Тьма уже у ворот. И на этот раз ее усилия могут увенчаться успехом. Отправляйся в путь сегодня же!

Громол сунул руку за пазуху и достал небольшую берестяную коробку.

– Возьми это, – сказал он и протянул коробку Глебу.

Глеб посмотрел на коробку и, подозрительно прищурившись, осведомился:

– Что в ней?

– Жуки, – ответил Громол.

– Это что, шутка? Ты шутишь, Громол?

Однако лицо охотника оставалось серьезным. Глеб тоже согнал усмешку с губ.

– Вижу, что нет, – констатировал он. – И на кой черт мне сдались жуки?

– Это не обычные жуки. Их челюсти способны разгрызть даже железо. И они очень послушны. Покорми их один раз мясом, и они станут считать тебя своим хозяином. А дальше – желай, что хочешь, они исполнят все. Все, на что способны, разумеется.

Глеб взял коробку, повертел ее в руках, затем сунул в карман.

– Прости, что не выручил тебя из Мории, – сказал Громол, чуть понизив голос. – Я пытался явиться к тебе во сне, но так и не смог пробиться через стену, воздвигнутую волхвами.

Глеб положил охотнику руку на плечо и проникновенным голосом произнес:

– Не казни себя, друг. Я уверен, что ты сделал все, что мог. Ты и сейчас делаешь все, что можешь. Дал мне дельные советы, подарил жуков... Если на нас нападет орда божьих коровок, я пущу этих жуков в арьергарде своей армии. Будь за нас спокоен.

Громол прищурил серые глаза и усмехнулся.

– Узнаю прежнего Глеба Первохода. Теперь я точно могу уйти. Не злоупотребляй водкой и олусом. Теперь тебе понадобятся не только крепкие мускулы, но и ясная голова. Прощай!

Охотник поднялся с лавки, опустил капюшон на голову, повернулся и зашагал к двери, выцветая по пути и теряя очертания. Еще не дойдя до двери, он растворился в воздухе. Его тень сделала еще несколько шагов, но затем исчезла и она.

Глеб посмотрел на бородатого целовальника, с отвлеченным видом протирающего рушником оловянный стаканчик, и спросил:

– Эй, целовальник! Ты его видел?

– Кого? – ответил тот вопросом на вопрос.

– Охотника. Он сидел рядом со мной.

Брови целовальника слегка приподнялись.

– Ты все время был один, Первоход, – сказал он.

– Ты уверен?

– Конечно.

Глеб провел ладонью по лицу. Затем снова взглянул на целовальника и спросил:

– И что я делал?

– Ничего. Просто пил свой олус и что-то тихонько бубнил себе под нос.

– Что бубнил?

Толстяк пожал плечами:

– Не знаю. Я разобрал только одно слово.

– Какое?

Целовальник поставил стаканчик на поднос, посмотрел Глебу в глаза и ответил:

– Это было слово «тьма». Ты выпил целый кувшин крепкого, как вино, олуса, – сказал целовальник. – Тебе многое могло привидеться.

– Ты прав, – согласился Глеб. – В последнее время я слишком много пью. Пора с этим завязывать.

Несколько мгновений он мрачно раздумывал над словами целовальника, затем, вспомнив что-то, сунул руку в карман и достал берестяную коробку.

– Смотри! – сказал он целовальнику и потрянул коробкой. – Это доказательство того, что я не сумасшедший!

– И что там? – осведомился целовальник.

– Жуки! После того как я покормлю их мясом, они выполняют любое мое приказание! Теперь ты видишь, что я не сумасшедший?

Целовальник отвел взгляд.

– Да, Первоход, – спокойно сказал он. – Теперь я это вижу.

– То-то же! – И Глеб с торжествующим видом убрал коробку в карман.

Целовальник, давно привыкший к странностям своих клиентов, кивнул на кувшин и спросил:

– Хочешь чего-нибудь на закуску, Первоход?

Глеб вздохнул, потом с улыбкой посмотрел целовальнику в лицо и ответил:

– Да, друг. Подай мне кувшин ледяной воды, жареного цыпленка и блюдо с тушеными овощами. Я не ел со вчерашнего вечера, а чувствует мое сердце – мне теперь понадобятся силы. Много сил. Да, и убери от меня олус. Сегодня мне больше не хочется хмельного.

4

Глеб шагал по пустынной, грязной улице и размышлял о своем разговоре с Громолом. Появления Призрачного охотника не сулили ничего хорошего. Каждый раз, когда Гролом вот так же неожиданно появлялся перед Глебом, бедному ходоку приходилось идти в какое-нибудь жуткое место, кишачье темными тварями, и рисковать жизнью.

Одно было хорошо: если Глеб справлялся с очередным заданием, на его правом предплечье, иссеченном шрамами, становилось на один шрам меньше. На один шрам меньше – и на один шаг ближе к возвращению домой, в свой мир, в свое время...

Место, по которому шагал Глеб, было безлюдное. А потому – дорогая, крытая роскошными тканями телега, вынырнувшая из-за угла, выглядела здесь совсем неуместно. Телега остановилась рядом с Глебом. Первоход тоже остановился, посмотрел на телегу и громко воскликнул:

– Здравствуй, княгиня!

Шторка крошечного окошка отъехала в сторону, и в нем появилось лицо княгини Натальи.

– Здравствуй, Первоход.

Глеб не видел княгиню больше трех лет, и за это время она сильно сдала. Прежде красивое лицо ее стало резким и неприятным. Несмотря на отсутствие морщин, в нем проступило что-то старушечье.

– Мне сообщили, что ты вернулся в город, но я не поверила. Хотела убедиться своими глазами. Позволь задать тебе вопрос, Глеб.

– Задашь. – Первоход сузил глаза. – Но сперва я. Что слышно о князе Доброволе? Он по-прежнему числится в «пропавших без вести»?

По лицу княгини пробежала тень.

– Я послала на его поиски трех лучших своих охотников, а с ними – лучших псов из псарни Добровола. Вернулся лишь один охотник. Он сказал, что псов разорвала и съела неведомая тварь. А двух его товарищей... – Княгиня запнулась и с усилием договорила: – Их обглоданные кости с остатками одежды мои слуги нашли в овраге, за черным яром.

– Плохо дело, – сказал Глеб. – Боюсь, твой муж окончательно превратился в чудовище.

– Не будь так жесток, Глеб, – проговорила Наталья дрогнувшим голосом. – Ведь это *ты* сделал его таким. Поверь мне, Добровол был вовсе не так плох, как ты о нем думал. А то, что он отправил тебя в Морию, было просто ошибкой. Он погорячился. Поспешил, понимаешь?

Глеб молчал, разглядывая лицо княгини странным взглядом. Она выдавила из себя улыбку и тихо спросила:

– Что ты на это скажешь, Первоход?

– Что скажу?... – Глеб сделал серьезное лицо и продекламировал: – Суслик Володя жил у подружки. Долго мечтал он о мягкой подушке.

На лице княгини появилось недоумение.

– Чего?

– Ничего, кроме того, что ты слышала. Мне пора, княгиня. И умоляю тебя: ну не попадайся ты больше у меня на пути. Я всегда относился к женщинам лояльно, но когда я вижу тебя, я чувствую, что моя лояльность тает, как сливочное масло на сковороде. Да, и кстати. Позволь тебе напомнить, что Добровол вскарабкался на княжеский трон, пока я дрался с нечистью и спасал ваше гребаное княжество от сил Тьмы.

– Ты уже достаточно отомстил ему, – тихо проронила Наталья. – И если ты приехал сюда, чтобы выследить его и убить...

– Я тебя умоляю, – скривился Глеб. – «Убить». Да твой любезный Добровол давно мертв. Он совершил сделку с лесной ведьмой Мамелфой и отдал ей свое живое сердце в обмен на обещание вечной жизни.

И вновь по бледному, гладкому лицу княгини пробежала темная рябь.

– Первоход, я...

– Княгиня, я устал от ваших дрызг, – устало заявил Глеб. – И не хочу больше связываться ни с боярами, ни с тобой. Оставьте меня в покое. Я пойду своей дорогой, а вы с Доброволом – своей. Прощай!

Он повернулся и хотел идти, но Наталья высунулась в окошко и взволнованно окликнула:

– Подожди, Первоход!

Глеб остановился.

– Что еще?

– Не сердись на меня. Ты в нашем городе почетный гость. Вчера, едва узнав о том, что ты вернулся, я отдала приказ, чтобы тебя встречали и угощали в каждом кабаке Хлынь-града бесплатно. И чтобы на каждом постоялом дворе для тебя всегда готова была комната.

– Какая трогательная забота, – усмехнулся Глеб. – Что ж, я непременно воспользуюсь благами, которые дает мне мое новое положение. Всего доброго, пресветлая княгиня!

Он церемонно поклонился, поправил на плече ольстру и зашагал дальше.

Княгиня проводила его взглядом и устало откинулась на спинку скамеечки.

– Он не поверил в твою искренность, княгиня, – сказала старуха-служанка, сидевшая рядом.

– Не поверил, – тихо повторила Наталья.

Старуха усмехнулась.

– Мужчины уверены, что видят нас насквозь, а сами не замечают даже очевидного. Ты все еще любишь этого ходока, и за время разлуки любовь твоя стала только крепче. Хочешь, я догоню этого слепца и попытаюсь все ему втолковать?

Наталья покачала головой.

– Нет, Каргета. У нас все равно ничего не выйдет. Даже если мы попытаемся снова. Я княгиня, а он – ходок.

– Когда-то ты считала его самым сильным и красивым мужчиной в княжестве.

– Я и сейчас так считаю, – тихо и горестно проговорила Наталья. – И я... я боюсь его. Каждый раз, когда Глеб Первоход появляется в городе, здесь начинают происходить страшные и необъяснимые события. И каждый раз, когда Глеб уходит, он оставляет за спиной выжженную пустошь.

– Как ты можешь так говорить, княгинюшка? Первоход борется с нечистью. Он много раз спасал нас.

– Неужели ты не понимаешь, что он притягивает к нашему городу беды? Неужели только я одна это вижу?

Старуха пожала обвисшими плечами, а Наталья вздохнула и холодным, властным голосом отчеканила:

– Ладно, не стоит больше об этом говорить. Каргета, напомни мне, когда приедем в терем, чтобы я приказала выпороть охоронцев. Они не должны были отпускать нас одних на эту темную, страшную улицу.

– Княгиня, но ведь ты сама приказала им...

Наталья дернула бледной щекой.

– Мало ли что я приказала. Они обязаны всегда, в любое время дня и ночи, быть подле меня. Эй, возчик, вези нас обратно в терем! Да поживее!

5

Глеб Первоход не был в Гиблом месте три года, однако он слышал, что промысел ходоков продолжает приносить неплохие барыши. Количество чудных вещей в аномальной чашобе не уменьшилось.

Купцы рассказывали, что в последние месяцы ходоки и добытчики частенько находили в Гиблом месте нескораемые поленья, тлеющие нескончаемым огнем. Очень полезная вещь – хоть щи сварить, хоть горницу согреть.

Кроме того, ходоки стали часто находить палки-глумки. Берешь такую палку в руки – а она мягкая, как веревка, хоть на руку ее наматывай. Но стоит хлестнуть глумкой об землю или пол, и она тут же становится крепкой, как железо. С такой дубиной и на врага, и на зверя. Только в воду окунать нельзя, потому как тут же снова становится мягкой.

За три года Глеб порастерял больше половины полезных знакомств. Иных барыг зарезали разбойники и душегубы, после того как получили в обмен на свои деньги «некачественный товар» (а как определить – качественный «товар» или нет, когда имеешь дело с чудной вещью?). Других убили сами чудные вещи (случалось и такое). А третьи разбогатели и ушли из опасного промысла, вложив заработанные деньги в добычу огневого зелья или производство рыбьего клея.

И все же Глеб был уверен, что самый ловкий из барыг, одноглазый Бельмец, все еще в деле. Он был так же отравлен Гиблым местом, как ходоки и добытчики, и работал не только за вырубку, но и за азарт.

Бельмеца Первоход нашел возле сгоревшего амбара Маросея Хромого. Одноглазый барыга сидел на лавке и щелкал орехи. Он был один, но Глеб знал, что где-то неподалеку притаились верные телохранители Бельмеца, которым он отстегивает за охрану четверть своего барыша.

– Здравствуй, Бельмец, – поприветствовал барыгу Глеб и остановился перед лавкой.

– Кого я вижу! – Барыга усмехнулся. – Давненько тебя не было в наших краях, Глеб!

– Всего неделю, – сухо возразил Первоход.

Одноглазый барыга кивнул.

– Верно. Но я-то не видел тебя целых три года. Я слышал, после смерти князя Добровола княгиня вновь простила тебя и отменила награду за твою голову. Это приятная новость!

Глеб прищурил недобрые, холодные глаза.

– Для кого?

– Для всех, – подобострастно улыбнулся Бельмец. – Больше не будет охочих заполучить твою голову и преподнести ее князю на серебряном блюде. А значит, мертвецов в Хлынь-граде заметно поубавится. Ведь каждый, кто решается бросить тебе вызов, погибает от твоей руки.

Глеб улыбнулся.

– А ты, я вижу, ничуть не изменился, Бельмец. Такой же болтун, как и три года назад.

Барыга сипло засмеялся.

– Верно, болтаю я много! Но отчего же не поболтать со старым другом?

– Врешь ты, Бельмец, – спокойно произнес Глеб. – Никогда мы с тобой не были друзьями. И никогда не будем. А теперь кончай ржать и поведай мне, какие чудные вещи у тебя имеются?

Одноглазый барыга вмиг напустил на себя деловой вид.

– Чудных вещей нынче много, Глеб, – сказал он. – С тех пор как князь Добровол скончался от удара, ходоки шастают в Гиблое место едва ли не каждый день. Кордоны

охранцев еще стоят, но стражу несут из рук вон плохо. Тебе нужно что-то особенное?

Глеб подумал и кивнул:

– Пожалуй, да.

– И что же?

Первоход посмотрел барыге в лицо и спокойно произнес:

– Силки Зигвуда.

Брови одноглазого барыги взлетели вверх.

– Силки Зигвуда? – Он присвистнул. – Давненько у меня их не спрашивали. На кого же ты собираешься охотиться с этими Силками, Первоход? Неужели в Гиблом месте объявилась новая страшная тварь?

Глеб прищурил карие глаза и холодно осведомился:

– Давно ли ты стал отвечать вопросом на вопрос, барыга?

Бельмец примирительно улыбнулся и захлопал ресницами.

– Прости, ходок. Ты ведь в курсе, что Силки Зигвуда – товар редкий и опасный? Знавал я двух ходочков, которые не справились с Силками. Один из них лишился рук, а второй расстался с жизнью.

– И снова ты болтаешь лишнее, – одернул его Глеб. – Так есть у тебя Силки Зигвуда или нет?

Бельмец несколько секунд разглядывал Первохода пытливым взглядом, а затем осторожно, чтобы не вызвать у Глеба гнев, осведомился:

– Прежде чем ответить тебе, позволь я все же спрошу. При деньгах ли ты нынче, Первоход? Ибо товар, о котором ты спрашиваешь, редок и стоит чрезвычайно дорого.

Глеб сунул руку в карман и достал тугой кожаный кошель. Взгляд Бельмеца устремился на кошель, а его единственный зрячий глаз замерцал алчным светом.

Глеб ослабил тесму кошель, сунул туда пальцы и достал три золотых монеты.

– Золото! – хрипло вымолвил Бельмец и облизнул пересохшие от волнения губы. Затем поднял взгляд на ходочка и тихо произнес: – В наше время даже серебро нечасто встретишь. А золотых монет я не видел много месяцев, Первоход. Даже успел позабыть, как эти прелестные шутовины выглядят.

– Ну, так я тебе напомним, – небрежно произнес Глеб и подбросил монеты на ладони. – Видишь, как ярко они сияют, Бельмец? Свой блеск они переняли у солнца! И, Сварог свидетель, эти монеты могут стать твоими. Конечно, если ты этого пожелаешь.

Несколько секунд Бельмец сидел молча, неотрывно глядя на монеты и о чем-то усиленно размышляя, затем поднялся с лавки и сказал:

– Подожди меня здесь, Первоход. Я схожу за товаром и мигом вернусь.

– Сходишь за товаром? – Зрачки Глеба сузились. – Если мне не изменяет память, ты всегда держишь товар при себе – в сумке, в кармане или за пазухой.

Бельмец тонко улыбнулся.

– Силки Зигвуда – вещь особая, – объяснил он. – Если хочешь купить их, Первоход, тебе придется меня подождать.

Похоже было на то, что Бельмец говорит искренне, однако что-то в его голосе Глебу не понравилось. Глеб кивнул подбородком в сторону изрытого кротовыми норами пригорка и сказал:

– Видишь вон те норы?

– Вижу, – даже не посмотрев на пригорок, ответил Бельмец.

– Я заткну одну из них твоей башкой, если вздумаешь со мной шутить.

Барыга усмехнулся.

– Что ты, ходок, какие могут быть шутки? Я еще не свихнулся, чтобы шутить с великим Первоходом.

С этими словами Бельмец отвернулся и заковылял к небольшой рощице деревьев, видневшейся неподалеку. Глеб проводил его недобрым взглядом, потом сел на лавку и достал из кармана берестяную коробку с бутовыми сигаретами.

Прошло около минуты после ухода барыги, и вдруг прямо перед Глебом выросли четыре долговязых, широкоплечих молодца в дорогих кафтанах и в собольих шапках набекрень. На перевязи у каждого висел длинный кинжал. И это было странно. Почему кинжалы, а не мечи? Да и рукояти кинжалов выглядели как новенькие. Будто их никогда не брали в руки.

Окинув молодцев спокойным взглядом, Глеб стряхнул с сигареты пепел, улыбнулся и вдруг одним махом вскочил на ноги, выхватил из ножен меч и, сделав молниеносный выпад, вонзил клинок ближайшему парню в горло.

Трое других отшатнулись от неожиданности, а раненый парень упал на колени, схватился руками за окровавленное горло и прохрипел:

– Заговоренный... меч.

Затем рухнул на землю, дернулся и замер. Глеб, крепко стиснув в пальцах рукоять меча, оглядел лица оставшихся трех. Маскироваться далее не имело смысла, и они приняли свой истинный облик. Кожа на сухих, костлявых лицах натянулась, верхние губы приподнялись, и в оскаленных ртах блеснули клыки.

– Мы не налетчики, – проговорил один и облизнул тонкие губы черным языком. – Мы охоронцы Бельмеца.

От взгляда Первохода не укрылось, что стригои незаметно рассредоточились, а клыки их еще больше удлинились.

– Вот как? – Глеб внимательно следил за каждым их движением. – Кажется, до вас тоже дошел отблеск золотых монет, которые я показывал Бельмецу. Вашему хозяину это может не понравиться.

Еще один стригой сделал попытку прыгнуть, но Глеб легко увернулся от его когтей, рассек ему мечом живот, а когда тот рухнул на землю – отрубил ему одним ударом голову.

Двое оставшихся стригоев по-прежнему стояли на своих местах, пристально глядя на Первохода и стараясь найти в его обороне слабое место.

Ходок оглядел лица налетчиков медленным, спокойным взглядом и сказал:

– Я буду считать до пяти. Если на счет «пять» вы все еще будете здесь, я вас убью. Один... Два...

Один из стригоев шевельнул плечами и выдохнул:

– Кажись, этот парень – сумасшедший. Свяжешься с ним – себе же будет дороже.

– Точно, – кивнул второй. – Он сумасшедший. А сумасшедших охраняет бог Сурган.

– Три...

Стригои втянули когти и сомкнули губы, и в этот миг Глеб бросился в атаку. Самоуверенные стригои не ожидали от потенциальной жертвы (пусть даже жертвы сильной и умеющей за себя постоять) такой дерзости, и Глебу удалось застать их врасплох.

Первому стригою он разрубил голову пополам вместе с дорогой, украшенной яхонтами шапкой, а второму с разворота вспорол кончиком клинка шею. Затем опустил меч и отступил назад.

Еще несколько секунд оба стригоя стояли неподвижно, затем рухнули в траву и оцепенели. Глеб сорвал пучок травы и тщательно вытер заговоренный клинок, после чего вложил его в ножны и процедил сквозь зубы:

– Ненавижу нечисть. – Затем поднял голову и хмуро проговорил: – Однако куда подевался Бельмец? Где носит этого прохвоста?

– Я здесь, Первоход.

Барыга вышел из сумрака и боязливо подошел к лавке. Посмотрел на трупы четырех стригоев, сглотнул слюну и сказал:

– Обычно они ведут себя смирно. Видимо, почуяли в тебе ходока.

Глеб прищурил недобрые глаза и холодно произнес:

– Значит, так ты теперь ведешь свои дела, Бельмец?

Бельмец сделал постное лицо и пробормотал:

– Виноват.

– Виноватых бьют. И плакать не дают. Какого лешего ты связался с темными тварями? Бельмец некоторое время молчал, затем проговорил, не глядя ходоку в глаза:

– В тяжелое время живем, Первоход. Людям нынче доверия нет.

– А стригоям есть?

– Я знаю, чего от них ждать. Им, окромя кровушки, ничего не надобно. А с людьми – страшно. Улыбнется тебе в лицо, а как повернешься – ножик под лопатку воткнет. Другие барыги тоже начали себе нечисть в подручные брать. С темными тварями спокойнее.

– Правильным путем идете, товарищи, – с холодной иронией процитировал знакомый слоган Глеб. – Но мне с вами не по пути. Я уж лучше по старинке, с людьми. Где товар, за которым ты бегал? – холодно осведомился он.

– Силки Зигвуда? – поднял голову барыга. – Изволь!

Он сунул руку в карман дорогого кафтана и осторожно, словно вещь, сделанную из тончайшего стекла, извлек из него мерцающий, полупрозрачный клубок ниток.

– Вот твои Силки, друг. – Он так же осторожно протянул клубок Глебу.

Тот, однако, не спешил брать вещь в руки.

– Эти Силки и вправду так опасны, как о них говорят?

– Да, Первоход. Никогда не знаешь, как эта штука поведет себя в сражении и кого она выберет в качестве жертвы. Ходок, который продал мне ее, сказал, что тут все дело в душе. Но я так и не понял, что он имел в виду.

Глеб осмотрел клубок, потом сунул его в карман охотничьей куртки и поднялся с лавки. Бельмец подобострастно улыбнулся.

– Первоход, кажется, ты кое-что забыл.

– О чем ты?

Барыга вытянул вперед правую руку и легонько потер большим пальцем об указательный.

– Деньги, Первоход. Ты должен мне три золотых.

– Ах да.

Глеб вложил в протянутую ладонь Бельмеца три золотые монеты.

– Бывай здоров, барыга! Желаю, чтобы твои темные охоронцы не срезали тебе голову с плеч!

Он повернулся, прошел несколько шагов и растворился в сумерках.

6

День выдался теплый и почти по-летнему солнечный. Гулять в такой день по лесу – одно удовольствие. Впрочем, Первоход не гулял, он сидел в засаде. Час, другой, третий... На исходе третьего часа сквозь ветки бузины он увидел то, что ожидал увидеть. На обочине большака появилась черноволосая девушка с чуть раскосыми глазами. Одета она была как дочь зажиточного купца.

Некоторое время девушка стояла, напряженно к чему-то прислушиваясь, затем неторопливо пошла по большаку в направлении чащи.

Глеб быстро поднялся на ноги, раздвинул кусты и вышел на большак.

– Эй, колдунья! – окликнул он.

Девушка остановилась и резко оглянулась. При виде Глеба на лице ее отобразилась тревога. Впрочем, длилось это всего секунду, а уже через мгновение лицо ее вновь приобрело дерзкий и спокойный вид.

– А, это ты, ходок! – насмешливо проговорила она.

И вдруг – исчезла. Глеб с растерянным видом завертел головой. Откуда-то со стороны послышался звенящий, словно колокольчик, девичий смех. Ближайший вересовый куст слегка шевельнул зелеными веточками, хотя никакого ветра не было. Глеб мгновенно сорвал с себя плащ, прыгнул на куст и накрыл его плащом.

И, о боги, что тут началось! Куст начал биться, кричать и рваться под плащом, но Глеб

держал крепко и лишь ухмылялся в ответ на отчаянные вопли.

– Бейся, бейся, милая, – проговорил он, еще сильнее наваливаясь на оживший куст. – От меня не убежишь. И не вздумай снова превращаться в воду – накину тряпку, а потом выжму в пустой бурдюк и заткну пробкой!

Наконец, биения и содрогания под плащом прекратились.

– Отпусти меня, ходок, – взмолилась из-под плаща юная колдунья. – Я сделаю все, что ты захочешь.

– А не врешь?

– Не вру.

Глеб ослабил нажим и сунул руку под плащ, но вскрикнул и снова выдернул ее наружу.

– Ах ты, ведьма! – разозлился он. – Ты еще и кусаться! Ну, я тебя...

– Я не ведьма, – тоненько проговорила девушка из-под плаща. А укусила я тебя с перепугу. Отпусти меня, дяденька. Отпустишь – стану тебе верной служанкой. Клянусь Макошью!

Глеб улыбнулся, схватил плащ за край и сдернул его с девушки. Она быстро выпрямилась и отпрыгнула в сторону. Затем запрокинула голову и засмеялась. Смех у нее был громкий, переливчатый и очень заводной.

– Ты чего? – нахмурился Глеб.

– Глупый, самонадеянный ходок! – со смехом проговорила девка. – Нешто ты думаешь, что во всем Хлынском княжестве нет человека умнее и хитрее тебя?

Ответить Глеб не успел. За спиной у него послышался легкий шорох. Он оглянулся, но недостаточно быстро – тяжелая дубовая булава ударила его по темени.

И настал бы Первоходу конец, кабы за малую долю мгновения до этого не успел он чуть отвести голову. Удар пришелся по касательной, однако силы его хватило для того, чтобы в голове у Глеба все зазвенело, а перед глазами запрыгали искры.

Глеб рухнул на землю и откатился в сторону. Что-то ударило в то место, где он только что лежал. Еще не совсем придя в себя, Первоход снова откатился, потом вскочил на ноги.

Разбойников было пятеро. Все рослые, вооруженные до зубов и со свирепыми рожами. Они снова ринулись в бой, но Глеб увернулся, быстро выхватил из кармана полупрозрачный клубок и швырнул его в юную колдунью. Затем вырвал из кобуры ольстру и положил ее цевьем на ладонь.

Брошенный им клубок раскрылся в воздухе, как сплетенный из тончайших нитей зонт, и накрыл девушку с головой.

Рухнув на землю, колдунья забилась в прозрачном шаре, ткань которого казалась похожей на ту легчайшую и тончайшую материю, из которой сделаны крылья стрекоз, пчел и мух.

– Что ты со мной сотворил, ходок?! – отчаянно кричала она. – Что ты со мной сотворил?!

– Поймал в Силки Зигвуда! – ответил Глеб, держа разбойников на прицеле. – Это самые прочные силки на свете, и разорвать их не под силу даже медведю-кодыку!

Лица разбойников посуровели еще больше, а их пальцы, сжимающие рукояти мечей и боевых топоров, побелели от напряжения.

– Отпусти ее, ходок! – рявкнул один из разбойников.

Глеб покачал головой:

– Нет. У меня в руках – посох Перуна, который мечет молнии и грохочет громами. При желании я могу убить вас всех. Но не стану. Я разрешу вам уйти.

Разбойники продолжали стоять, молча и хмуро глядя на Первохода. Тот приподнял бровь и с легким раздражением проговорил:

– Вы не слышали, что я сказал? Проваливайте отсюда!

Самый широкоплечий и жуткий из разбойников прорычал:

– Ты можешь убить нас, ходок, но мы не уйдем без Зоряны.

На лице Глеба отобразилось удивление.

– Вы готовы умереть за эту девчонку? – не поверил он своим ушам.
– Да, ходок! – прорычал тот разбойник, что стоял к Глебу ближе всех. – Если придется, мы за нее умрем!

– Верные псы, – уважительно проговорил Глеб. – Интересно, чем это она вас так прикормила?

Разбойники молчали.

Глеб вздохнул.

– Ладно, попробую по-другому. – Он опустил ольстру и примирительным голосом произнес: – Я не причиню вашей подруге вреда. Я просто хочу поговорить с ней.

Разбойники продолжали молчать, хмуро, недоверчиво и свирепо глядя на Первохода. Глеб скосил глаза на прозрачный шар, постучал по нему костяшками пальцев и окликнул:

– Эй, милая, ты не молчи. Или заставь своих песиков поверить в мои добрые намерения, или я отправлю их всех в собачий рай. А тебя – вслед за ними.

– Хорошо, – глухо отозвалась Зоряна из удушающих ее Силков. – Твоя взяла, ходок.

Глеб кивнул и одобрительно проговорил:

– Умная девочка. Когда все кончится, получишь от меня конфе...

И вдруг разбойники исчезли. Только что стояли и смотрели на Глеба яростными глазами, и вот их уже нет.

– Э-то еще что за новости? – нахмурился Глеб. – Где они?

Там, где только что были разбойники, сгрудились несколько лохматых вересовых кустов. Внезапно Первоход все понял.

– Дьявол! – выругался он. – Так разбойники были ненастоящими!

– Это всего лишь кусты вереса, ходок, – сдавленно вымолвила Зоряна.

– Вот оно что. Значит, все это время я говорил с вересовыми кустиками. – Глеб нахмурился. – Отлично ты меня развела. Ты не только умеешь менять свою внешность, превращаясь во все, что видишь, но и меняешь окружающие предметы.

– Я не меняла их. Я просто заставила тебя увидеть в них то, что хотела.

– Но в прошлый раз с тобой были настоящие разбойники, – возразил Глеб. – Когда я стрелял в них – они падали и умирали.

Зоряна усмехнулась и с горечью проговорила:

– Разбойники были. Да все сплыли. У душегубов не принято приходить друг другу на помощь.

– Да уж, – хмыкнул Глеб. – Верными друзьями их не назовешь.

Он опустил, наконец, ольстру, посмотрел на притихшую в Силках девушку и сказал:

– Вот что мы сделаем, милая. Сейчас я выпущу тебя из Силков Зигвуда. Но даже не думай убежать. Как только ты попытаешься сделать это, Силки снова набросятся на тебя, и во второй раз они будут вести себя не так деликатно, как в первый. Они могут сжать тебя так сильно, что у тебя полопаются кости. А могут оторвать тебе руку, ногу или голову. Это уже как повезет.

Зоряна испуганно отдернула ладони от тонкой, прозрачной ткани Силков, чуть подалась назад и хмуро спросила:

– Что ж это за силки такие? Не силки, а лютая тварь.

– Насчет твари – это ты верно подметила. Первым их нашел ходок по имени Зигвуд. Он был сыном гофского купца и не боялся ни Перуна, ни Велеса. До сих пор никто не знает, что такое эти Силки – то ли растение, то ли зверь. Но время от времени их нужно кормить свежим мясом, чтобы они были послушными и делали то, что им велят.

Зоряна боязливо посмотрела на трепещущие серебристые нити Силков и глухо уточнила:

– Надеюсь, ты не забыл их сегодня покормить?

Глеб качнул головой:

– Не забыл. Но они могут потребовать десерт. Уж больно аппетитно ты выглядишь, ведьма. Ну, а теперь, когда светская часть беседы позади, перейдем к главному. Расскажи

мне о своем Даре, Зоряна. А начни с того, как и когда все началось?

Некоторое время девушка молчала, хмуро и недоверчиво глядя на Первохода, а потом медленно и неуверенно заговорила:

– Это началось два года назад, после того, как в небе над моим селом пролетела хвостатая звезда. Как-то утром я задумалась о соседском парне Малютке, в которого была влюблена. Мимо проходил отец с колуном в руке. Он взглянул в мою сторону и вдруг с бранью набросился на меня, размахивая своим колуном. Оказывается, пока я думала про Малютку, мое лицо стало лицом Малютки, хотя сарафан и платок остались прежними. Отец подумал, что соседский парень переоделся в женское платье, чтобы пробраться в наш дом и совратить меня. Слава богам, я сумела вернуть себе прежнее лицо и убедить отца в том, что все это ему померещилось.

– Что было потом?

– Потом?... – Девушка вздохнула. – Я была так напугана, что едва не наложила на себя руки. Я уж и веревку на крюк накинула, чтобы удавиться, но тут к нам во двор пришел странник в темном плаще. Он попросил воды, а когда я подала ему ковш, ухватил мою руку, заглянул мне в глаза и сказал: «Ты не одна такая, Зоряна. И то, что ты умеешь делать, – никакое не проклятие, а Дар. Используй его во благо, и все будет хорошо».

Зоряна замолчала, чтобы перевести дух.

– Я вижу, ты прислушалась к его совету, – неприязненно заметил Глеб. – Грабить купцов на большой дороге – это, конечно, величайшее из благ.

Зоряна хищно прищурилась.

– А кто знает, что такое благо, а что – нет?

– По-моему, это очевидно, – сказал Первоход. – То, от чего людям хорошо, то и благо.

– Ты так думаешь? Ну, тогда послушай. Жил у нас в селе богатей Бортень Колыван. А по соседству от него – бедняк Лысушка. У Лысушки была хворая на голову жена Милушка. Всему селу его жена была посмешищем, но Лысушка ее очень любил. Однажды, во время покоса, Лысушка недоглядел за своей женой. Милушка забралась в погреб к Бортеню Колывану и съела у него половину варенья. А из того, что не сумела съесть, много разлила на землю.

Бортень пришел в ярость. Он приказал своим слугам схватить Милушку, положить ее спиной на лавку и вставить ей в рот деревянную воронку. А потом – лить в эту воронку оставшееся варенье. И слуги вливали варенье, пока Милушка не окочурилась. Вот и скажи мне, ходок, благое ли дело сделал Бортень?

– Бортень – сволочь и негодяй, – отчеканил Глеб. – И сотворил он настоящее зверство.

– Но ты сам сказал, что благо – это то, от чего людям хорошо. А Бортеню от смерти Милушки было хорошо. Да и прочим сельчанам тоже. Милушка ведь лазила и по другим погребам, и многие в селе держали на нее зуб.

– За то, что сделал твой Бортень, он заслуживал смерти, – отчеканил Глеб.

Зоряна хмыкнула.

– Вот и бедняк Лысушка так подумал. А потому прокрался ночью к Бортеню, отравил ядом его собак, обложил его избу сухой травой и хворостом, облил все это огненным зельем да и запалил. А в доме, кроме Бортеня, спали его малые детки – пять ртов, мал мала меньше. А теперь скажи мне, ходок, благое ли дело он сделал?

Глеб молчал. Зоряна вздохнула и пояснила:

– Бортень Колыван был моим отцом. А сгоревшие домочадцы – моими родичами.

– С тех пор ты и подалась в разбойники? – спросил Глеб после паузы.

– А что мне оставалось? Хозяйство моего отца выгорело дотла, а с ним – еще полсела. Ночь-то была ветреная. Но самое смешное случилось после. Поджигателя Лысушку никто и пальцем не тронул, хотя все знали, что это его рук дело. Люди его жалели. А в случившихся ужасах обвинили меня, потому что я – колдунья. Пока был жив отец, меня никто и пальцем не трогал, но после его гибели...

Она снова вздохнула, еще тяжелее, чем прежде, и уныло добавила:

– Никогда не знаешь, какие последствия будут у того, что ты сделал. А значит, никогда не знаешь наверняка, благо или зло ты совершаешь.

– Ты не по годам умна, Зоряна, – сухо произнес Глеб.

– Не по годам? – Девушка усмехнулась. – А откуда ты знаешь, юна я или стара? Быть может, то, о чем я тебе рассказала, случилось тридцать лет назад?

На лице Глеба отразилось секундное замешательство. Зоряна, глядя на него, тихо засмеялась.

– Я умею менять свою внешность, ходок! Хочу – стану молодой, хочу – обращусь древней старухой! А хочу – и вовсе превращусь в трехсотлетнее дерево. – Заметив растерянность на лице Первохода, Зоряна смиростивилась. – Ладно, ходок, не пужайся. Я всего лишь молодая девка.

– Благодарю, успокоила. – Глеб сунул ольстру в кобуру. – Ну, а теперь, когда мы все выяснили, нам пора отправляться в город и готовиться к дальнему путешествию.

Глеб поднял левую руку – Силки Зигвуда, мигом слетев с Зоряны, снова превратились в мячик, и мячик этот сам собой прыгнул ходоку в ладонь.

Зоряна выпрямилась, потерла расцарапанные Силками руки и угрюмо произнесла:

– Неужели ты и впрямь думаешь, что я пойду с тобой?

– Конечно, – ответил Глеб не терпящим возражений голосом. – С сегодняшнего дня ты будешь делать все, что я тебе скажу. Велю раздеться догола и прыгнуть в куст крапивы – разденешься и прыгнешь.

– А если я не послушаюсь?

Глеб хлопнул себя по карману, в который только что положил Силки Зигвуда, и небрежно произнес:

– Тогда я достану это. Они поймут тебя, даже если ты превратишься в облако ядовитых испарений или кучку оленьего помета.

Зоряна вновь потерла поцарапанные запястья и поморщилась от боли.

– Ну? Чего стоишь? – грубо окликнул ее Первоход, уже повернувшись к большаку. – Шагай за мной, атаманша!

Зоряна вздохнула и, понунив голову, зашагала за своим хозяином. Ни она, ни Глеб не заметили, что из кустов можжевельника за ними наблюдают два голодных, пылающих лютым огнем глаза.

7

Голод. Страшный, всепоглощающий голод. Голод, который ничем нельзя утолить...

Человек, сидящий на корточках за кустом можжевельника, судорожно облизнулся. Вид его был страшен и скорее годился для упыря, чем для живого человека. Ростом он был с рослого мужика, но сутулый и какой-то скрюченный, словно вынужден был ходить под вечным гнетом тяжелого груза. Темное лицо составлено из кусков кожи, скверно подогнанных друг к другу. Волосы, бесцветные, похожие на паклю, торчали клочками.

Глаза его, глубоко упрятанные под выпуклыми надбровными дугами, мерцали злым, холодным светом. А толстые пальцы рук завершались крепкими и острыми когтями, похожими на когти совы или рыси.

Запах, доносившийся от девки, был странным и не мог принадлежать человеку. В нем объединились запахи листвы, воды, росы и еще чего-то, едва уловимого и неопределенного.

Запах девки пугал князя Добровола, как пугает дикого зверя все непонятное и незнакомое.

Но самым страшным был запах, исходивший от чудноёй вещи, лежащей у Первохода в кармане. Это был запах расчетливого зла и спокойной ярости, присущей прирожденному убийце. Но страшнее всего было то, что этот предмет, будучи неживым, знал, что за кустами притаился наблюдатель. Не будучи живым, он был способен чувствовать опасность и чутая жертву.

Девка тоже боялась этого предмета. Страшно боялась, хотя и хотела казаться храброй.

Князь Добровол беззвучно зарычал. Как бы он хотел вонзить зубы ходоку в горло и напиться его темной, густой крови. Но это было опасно. Предмет, прячущийся у Первохода в кармане, только этого и ждал. Похоже, он мог действовать жестоко в ответ на жестокость. Не стоило его дразнить.

Князь Добровол отпрянул от куста и повернулся к недоеденному оленю. Через несколько минут он дочиستا обглодал последнюю кость и швырнул ее в кусты. Все. Мяса больше нет. Но голод не прошел.

Некоторое время Добровол сидел молча, затем с размаху вогнал пятерню себе в грудь и вырвал черное, обугленное сердце.

Долго, очень долго Добровол сидел молча, с хмурым интересом глядя на собственное сердце, куском протухшей говядины лежавшее у него на ладони. Потом разлепил губы и прошептал:

– Мамелфа... тварь. Говорили мне в детстве: никогда не связывайся с ведьмами... Обещала бессмертие, а что я получил взамен?

– Ты получил то, что просил, князь, – раздался негромкий старушечий голос.

Добровол быстро обернулся. Ведьма сидела на гнилом пне. Сама она была такая черная да корявая, что мало чем отличалась от этого пня.

– Дурак ты, князь, – прокаркала лесная ведьма. – Я забрала твое живое сердце и дала тебе взамен мертвое. И я обещала, что ни стрела, ни меч не смогут тебя убить. Но не моя вина, что Первоход разорвал тебя на куски огненной бомбой.

Добровол дрогнул и сжался, словно Мамелфа прикоснулась к открытой ране. Ведьма усмехнулась и пожала тощими плечами.

– Не понимаю, чего ты ворчишь? Ведь ты жив. Ты собрал себя по кускам и снова стал самим собой. Ты разговариваешь, гадишь, жрешь. Ты делаешь все то, что делают другие люди.

– Другие люди? – Добровол яростно прищурился. – Ты издеваешься, ведьма? Если я в таком виде покажусь в городе, меня примут за упыря и вобьют мне в грудь осиновый кол!

– И что с того? Тебя нельзя убить никакими кольями.

– Но они изрубят меня топорами на куски!

– И что? – снова спросила ведьма, противно усмехнувшись. – Первоход тоже разорвал тебя на куски, но ты жив. И пускай у тебя жуткая рожа. Зато ты по-прежнему князь Добровол, и люди будут почитать тебя даже в таком обличье. Так даже лучше. Раньше ты внушал людям страх своими делами, а теперь они будут трепетать при одном твоём виде.

Добровол пригнул голову и яростно сверкнул на ведьму глубоко посаженными глазами.

– Меня мучает голод, ведьма, – прорычал он. – И я не могу насытиться. Никак... Никогда...

– Но в этом тоже виноват Первоход! – рявкнула Мамелфа. – Не забывай – ты собрал себя из кусков обгоревшей плоти! Чтобы плоть не развалилась и не сгнила, тебе приходится постоянно жрать. Но не тревожься, князь. Вернув себе княжеский трон, ты сможешь жрать столько, сколько захочешь. Свинина, говядина, птица... И тебе больше не придется рыскать по лесу и ловить оленей, крыс и кроликов.

Добровол слушал ее молча, и глаза его пылали злобным голодным огнем.

– И не забывай, что ты бессмертен, – продолжила старуха. – Никто и ничего не сможет тебе сделать. А сила твоя такова, что ты одним ударом лапы сможешь снести голову любому богатырю!

Добровол отвел от ведьмы взгляд и посмотрел на свою руку. Куски склеенной плоти слегка отстали друг от друга. Живот свело судорогой. Проклятая ведьма сладкими речами вновь распалила его голод.

Князь Добровол провел страшной рукой по безобразному, слеппенному из лоснящихся заплат лицу.

– Я могу рассыпаться в любой момент, – прохрипел он. – Посмотри на меня, ведьма! Разве меня можно назвать живым?

– Ты гораздо живее любого кишеньского упыря.

– Но не живее самого поганенького из людей! Верни мне мою жизнь, ведьма! Сделай меня прежним! Отдай мне мое живое сердце!

Мамелфа посмотрела на склеенного из кусков мяса и кожи урода мрачным, насмешливым взглядом.

– Сдохнулся! – презрительно выговорила она. – Твоего живого сердца давно нет. Или ты не слышал, что лесная ведьма Мамелфа питается человеческими сердцами?

Добровол изумленно выкатил на старуху глаза.

– Ты что, сожрала его?

– А ты как думал! – Старуха мерзко захихикала.

– Убью! – прорычал Добровол и бросился на ведьму, однако споткнулся об камень и растянулся на траве.

Немного полежав неподвижно, Добровол снова зашевелился, нашарил в траве отвалившуюся челюсть, кое-как приладил ее на место и сел на траве.

– Что ж мне теперь делать? – горестно проговорил он. – Как справиться с сей бедой?

– Разожги большой костер и прыгни в него, – посоветовала Мамелфа. Это будет красивая смерть. Но гляди, ты должен сгореть целиком, до самого последнего кусочка. Если останется рука – она продолжит жить, даже если остальное тело превратится в пепел.

– Не того я хотел, когда спрашивал для себя вечную жизнь, ведьма, – со вздохом проговорил князь. – Значит, мне никогда уже не стать прежним?

– Никогда, – отрезала старуха. – Если только...

Лесная ведьма интригуяще замолчала, и князь резко и нетерпеливо подался вперед.

– Если только – что?

Мамелфа прищурила слезящиеся старушечьи глазки и сказала:

– Есть один способ. Но труден тот способ чрезмерно.

– Говори! – потребовал князь.

– Ты должен найти того, кто сотворил с тобой такое, и съесть его сердце.

– Съесть?

Ведьма кивнула.

– Да, съесть! Сожрать! Сlopать!.. Но главное – сердце это должно быть еще живым!

– И тогда я стану прежним? И перестану рассыпаться на куски?

Ведьма мерзко улыбнулась своими запавшими, тонкими губами.

– Да, князь, ты станешь прежним. В твоей груди снова забьется живое сердце. Но бессмертие ты потеряешь. Нелегкий выбор, верно?

Князь сжал кулаки и произнес плаксивым голосом:

– Я не справлюсь с Первоходом. Один выстрел из громового посоха – и я рассыплюсь в пыль. Помоги мне, ведьма! Ты ведь можешь, я знаю!

– Могу, – кивнула Мамелфа. – Но это тебе не понравится. Я могу сделать тебя сильным и ловким, как лесная рысь. Но ты потеряешь себя и не найдешь до тех пор, пока не съешь сердце Первохода.

На уродливом, склеенном из неровно подогнанных кусков плоти лице Добровола появилось недоумение.

– Я тебя не понимаю, ведьма, – прохрипел он. И тут же поправился, испугавшись, что Мамелфа откажет в помощи: – Но я готов сделать все, что ты скажешь! Все, слышишь! Только сделай меня таким же сильным, как Первоход.

Некоторое время ведьма молчала, потом заговорила негромким, таинственным голосом:

– Ты слышал про чудные вещи?

– Конечно!

Ведьма выпростала из-под складок своего ветхого балахона руку и протянула

Доброволу гриб, похожий на бледную поганку, только такой пузатый, будто его надули.

– Это чудно́й гриб, – сказала она. – Называется молокун. Съешь его – и начнешь жизнь с чистой берестинки.

– Как это? – не понял Добровол.

– А так. Не будешь помнить ничего, кроме одного – найти и убить Первохода и съесть его сердце.

– Это что же... я стану беспмятным, как младенец?

Мамелфа кивнула.

– Да. Но сила у тебя будет не младенческая.

Добровол подозрительно прищурился.

– Сгубить меня вздумала, старая?

– Не хочешь – не бери, – обиженно шмыгнув носом, сказала ведьма и убрала было гриб, но Добровол быстро схватил ее пальцами за тощее, морщинистое запястье.

– Мне уже все равно, ведьма, – с горечью выговорил он. – Сгубишь, туда и дорога. Давай своего «молокуна».

Мамелфа разжала пальцы, и белый гриб выкатился прямо князю в ладонь. Несколько мгновений Добровол разглядывал его, а затем сунул в рот и стал жевать.

Еще с полминуты князь сидел на траве, усиленно работая челюстями, а потом глаза его закатились под веки, и он тяжело, будто куль с мукой, повалился на землю.

Мамелфа сидела на своем пне и напряженно смотрела куда-то мимо Добровола. И вдруг тень Добровола на траве дрогнула, хотя сам он продолжал лежать. Затем тень вытянула руки, приподняла их над травой, ухватила пальцами за торчащий из земли корешок и крепко его сжала.

Мамелфа стряхнула оцепенение, выпрямилась и облегченно вздохнула.

– Ну, пошло дело! – проговорила она и, довольно захихикав, потеряла тощие ладони. – Более я тут не надобна. Прощай, Добровол-князь!

Она широко развела руки в стороны, а потом резко хлопнула в ладоши. От того места, где сидела Мамелфа, взлетело вверх густое, темное облако, а когда облако рассеялось, на пеньке никого уже не было.

8

Деревенская девка Смирена, отправляясь по грибы, никогда не заходила в чащобу. Но на этот раз грибов было так мало, а желание принести домой хоть что-нибудь было так велико, что Смирена, сама того не ведая, прошла через «свой» лесок, миновала две версты по глушняку и сама не заметила, как вышла к большой дороге, ведущей к Хлынь-граду. В корзинке ее было не более десятка молоденьких опят.

Поняв, что зашла слишком далеко, Смирена не стала тревожиться и мысленно поблагодарила лешего за то, что не завел ее в те места, откуда нет выхода. Перед тем как повернуть назад, она решила немного передохнуть. Опустила корзинку с грибами, а сама села на пенек и вытянула гудящие от усталости ноги, одетые в новые лапоточки.

Сперва она думала о грибах, о том, как их нынче мало, и как стыдно возвращаться с полупустой корзинкой домой. С грибов мысли Смирены сами собой перескочили на молодого парня Дежю, который вот уже две недели повсюду преследовал ее, не давал ей проходу и даже норовил увязаться за нею в лес. Некрасивый был парень, но настойчивый. Смирена вдруг подумала, что ежели он и дальше будет таким настойчивым, то рано или поздно добьется своего. Устыдившись подобных мыслей, Смирена покраснела.

«Он ведь и сейчас может за мной следить, – подумала она. – С этакого станется».

Смирена оглянулась по сторонам, но, ясное дело, никакого Дежю поблизости не увидела.

Отдохнув, Смирена поднялась, чтобы идти домой, да вдруг замерла. Ей показалось, что где-то поблизости шелохнулась ветка. Смирена была не робкого десятка, а потому крепче

сжала в руке корзинку и окликнула:

– Эй! Кто там? Эй, кто там ходит? Покажись!

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом из-за дерева вышагнула светлая фигура. Смирена прищурила близорукие глаза, надеясь разглядеть фигуру получше, но сгустившиеся сумерки не позволили ей этого сделать.

– Дежень, это ты?

– Да... – донесся тихий ответ.

Смирена облегченно вздохнула.

– Ну, слава Белобogu. А я уж подумала – не душегуб ли какой. Зачем ты за мной увязался, Дежень?

Ответа не последовало. Смирена нахмурилась (ох и настойчивый же парень этот Дежень, ну как на такого не гневаться?).

– Чего увязался? – строго повторила Смирена. – В провожатые набиваешься? А ну – отвечай!

– Да...

Смирена усмехнулась.

– А с чего ты решил, что я возьму тебя в провожатые? Нешто не знаешь, что за мной ухаживает Братша Кривов сын?

Дежень молчал, переминаясь с ноги на ногу. «Надо бы с ним помягше, – подумала Смирена. – А то еще убежит. С него станется».

– Ладно, не бойся, – смилостивилась она. – Хошь провожать, провожай. Но только чтобы не лапал! А то Братше пожалуюсь!

Дежень и на этот раз не шелохнулся.

«Да что же это за мужик такой! – возмутилась Смирена. – Не мужик, а снежный молчун!»

– Ну! – подбодрила нерешительного парня Смирена. – Чего стоишь? Подойди сюды!

Парень еще немного постоял, явно собираясь с духом, а потом тронулся к Смирене.

Чем ближе он подходил, тем тревожнее делалось лицо Смирены. Проклятая близорукость! На какой-то миг ей показалось, что парень голый, однако она тут же прогнала от себя эту мысль как вздорную.

Сердце ее, однако, забилося чаще. Смирена подняла правую руку к лицу, прижала палец к кончику верхнего века и слегка натянула кожу. Этот прием, известный всем близоруким людям, всегда срабатывал. Сработал он и сейчас. Расплывчатая фигура обрела четкость, а Смирена схватилась свободной рукой за сердце и попятилась.

Она хотела побежать, закричать, завопить, но ледяной страх сковал ее тело, а в горле от накатившего ужаса сперло дыхание. Белая фигура все приближалась, и теперь уже Смирена отчетливо видела, что у фигуры той, белой, безволосой, нет ничего, что могло бы отнести ее к мужскому или женскому роду, только гладкая и словно бы влажноватая кожа. А лицо... лица у него будто и не было. Лишь две темные впадины вместо глаз и такая же темная впадина на том месте, где полагалось быть рту.

Рот стал расширяться, растягиваться, и вот он уже достиг размеров большого дупла, а потом это черное дупло стало надвигаться на Смирину. И все, что она смогла, это закрыть глаза и прошептать:

– Ой, Ладо, матушка, избавь от злого чудища!

А в следующий миг что-то холодное обволокло ее голову, и Смирена, не успев даже крикнуть, потеряла сознание от дикой боли.

...Прошло не меньше десяти минут, прежде чем глаза девушки снова открылись. Она рывком села на траве и оглядела свое тело. Тело было абсолютно голое и безволосое. Чуть обвисшие бугорки груди, слегка выпирающий живот, полоска между пухлыми бедрами, длинные голени. Все в точности словно у настоящей женщины. Не хватало только крошечной впадинки пупка.

Несколько секунд Смирена размышляла, не следует ли исправить ситуацию с помощью

острой ветки? Потом решила, что не следует. Живот ее никто не увидит, главное – не забыть одеться. Но где же одежда?

Смирена вновь огляделась. Рядом с собой она увидела ворох одежды, но ворох этот был испачкан кровью, и из него торчало что-то страшное. Что-то такое, что прежде было руками, ногами и головой, а теперь больше напоминало обгорелые головешки.

Смирена вздохнула и, брезгливо поморщившись, протянула руку за платьем.

Одевшись, она прочистила горло кашлем, выплюнув комок липкой слизи, и опробовала голос:

Я не папина,
Я не мамина,
Я на улице росла,
Меня курица снесла...

Голос у нее был певучий и красивый, совсем как прежде:

Красная девица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала.
Корни вырывала,
Месяц скрала,
Солнце съела.
Чур ее, колдунью,
Чур ее, ведунью!

Оборвав песню, Смирена запрокинула голову и рассмеялась. На душе у нее было светло и радостно, ведь она опять была *живой*, и впереди у нее так много дел.

Радостно вдыхая запах леса, Смирена не заметила, что из-за кустов за ней наблюдает и скалит в усмешке зубы отвратительная тощая старуха.

Глава вторая ДЕТИ ПАДШИХ БОГОВ

1

Село Крутоярово, Радимичское княжество.

Двумя месяцами раньше

Все село сбегалось посмотреть на богатыря, который спешился со своего огромного, толстоногого коня и встал перед кружалом. А посмотреть было на что.

Богатырь был столь высок ростом, что не вошел бы ни в одну дверь Крутоярова, не пригнув низко свою косматую голову. В плечах он был шире коромысла, а руки у него были такие, что в каждой ладони легко бы уместилось по взрослой курице.

Меч богатыря был раза в полтора больше самого большого меча, который довелось выковать местному кузнецу. Сам он был одет в шерстяной подклад и кольчугу тонкой работы, а на голове богатыря красовалась роскошная шапка, украшенная яхонтами. Сапоги у него были хромовые, а на плечах серебрился красный с искоркой плащ, застегнутый серебряной фибулой.

Богатырю явно нравилось всеобщее внимание, и он не спешил заходить в кружало, а просто стоял посередь двора, подставив солнышку свое широкое, обветренное, бородастое лицо.

А народ только головами покачивал.

– Вот это богатырь! Всем богатырям богатырь!

– Этакий медведь один целой сотни ратников стоит!

– Попадешься этакому на пути – растопчет и не заметит!

Лишь один человек в толпе не восхищался богатырем, а смотрел на него скептически и едва ли не презрительно. Это был тщедушный паренек лет двадцати пяти, с бритой наголо головой и такими же бритыми щеками. Одежда его была пыльной, а за плечом висела тощая котомка.

Паренек был такой же нездешний, как и заезжий богатырь. И, судя по всему, тоже пришел в Крутоярово на осеннюю ярмарку – то ли что-то продать, то ли чем-то разжиться, а может, и просто поглазеть на скоморохов да поесть сладких пирожков.

К богатырю тем временем подбежали два мальчика. Один из них осторожно дернул богатыря за краешек плаща и уважительно поинтересовался:

– Дяденька богатырь, а ты можешь разогнуть пальцами подкову?

– Могу, мальчик, – пробасил богатырь. Затем поискал глазами что-то на земле, поднял твердый камень и сжал его в кулаке. Камень рассыпался в пыль.

Народ восхищенно загалдел, а богатырь повел могучими плечами и самодовольно улыбнулся.

И тут случилось нечто удивительное. Лысый парень с котомкой за плечом выступил из толпы вперед и крикнул, обращаясь к богатырю:

– Эй, кисель, ты так и будешь торчать посреди дороги или посторонишься и пустишь добрых людей в кружало?

Богатырь удивленно приподнял брови.

– Это ты мне?

– Тебе, кисель! Ты будешь стоять и пялиться или посторонишься и дашь мне дорогу?

Удивление во взгляде богатыря сменилось гневом. Мало того что места вокруг было предостаточно и ни на какой дороге он не стоял, так еще и в голосе доходяги было столько гонора, словно он готов был походя спихнуть богатыря с пути.

Народ уставился на лысого, как колесо, парня так, как смотрят на дурачка, сунувшего голову в горящую печь, – с изумлением, насмешкой и сочувствием.

– Так ты хочешь спихнуть меня с дороги, доходяга? – пробасил богатырь.

– Спихну, коли сам не потеснишься, – небрежно ответил парень с котомкой.

Богатырь усмехнулся.

– И ты правда готов это сделать?

– Сделаю, не сомневайся. Я таких неуклюжих переростков, как ты, уделываю одной левой.

Лицо богатыря медленно побагровело.

– Все, парень, – отчеканил он. – Считаю, что сам нарвался.

И шагнул к лысому парню. Однако тот поднял руку в останавливающем жесте, лукаво прищурил глаза и сказал:

– Побить меня задарма ты всегда успеешь. А хочешь заработать на этом горсть монет?

Богатырь остановился и непонимающе нахмурился. А парень повернулся к толпе и крикнул:

– Эй, честной народ! Кто из вас хочет поставить резанку, а выиграть две? Отзовись!

Народ загалдел:

– Как выиграть?

– Об чем говоришь?

– Отвечай, коли спрашивают!

Лысый усмехнулся.

– Вон там, за поваленным заборчиком, есть заброшенный амбар! – крикнул он. – Мы войдем туда вдвоем с этим киселем! Он – с мечом, а я – с одними голыми руками! А вот того из нас, кто выйдет оттуда через минуту, вы и назовете богатырем! Как вам такое

развлечение?

Народ молчал, не в силах поверить, что парень говорит серьезно. Тогда он достал из котомки несколько серебряных монет, показал их людям и громко объявил:

– Ставлю четыре монеты на то, что из амбара первым выйду я, а этот кисель выползет оттуда на карачках!

Толпа замерла в нерешительности. Рты мужиков, баб и детей были раскрыты от удивления, а глаза их пристально, восхищенно, завистливо и недоверчиво смотрели на серебряные монеты.

– Ставлю десять медяков на лысого! – сказал вдруг кузнец, выступив из толпы.

Он достал из кармана кожаного фартука горсть меди и показал ее людям. Несколько секунд все молчали. Судя по лицам, люди решили, что парень каким-то непонятным образом околдовал кузнеца, потому что в здравом уме ни один человек на свете не совершил бы такую отчаянную глупость.

А потом все завопили, перекрикивая друг друга:

– Медяк на богатыря!

– Три медяка на богатыря!

– Резанку на богатыря!

Тут же нашелся верткий мужичок, который принялся принимать ставки. Следует отметить, что не все ставили на богатыря, некоторые, уверенные, что у лысого парня припасен какой-то фокус, поставили деньги на него.

– Ну, гляди, парень, – пригрозил ему один зажиточный мужик. – Коли не выкрутишься – я тебе сам ноги переломаяю.

Лысый терпеливо дождался, пока все ставки будут сделаны, потом окинул взглядом кучу серебряных и медных монет, сунул руку в карман, достал тугой кожаный кошель, высыпал его содержимое на кривоногий стол, который кто-то выволок из сеней, вслух пересчитал все монеты и сдвинул их к куче.

– На себя самого! – объявил он.

Верткий мужичок, принимающий ставки, усмехнулся и объявил:

– Тридцать против одного – принято!

Лысый парень повернулся к богатырю, все это время с угрюмым изумлением взирающего на сошедшую с ума толпу.

– Ну так что, богатырь! – жестко прищурившись, сказал парень. – Пойдешь со мной в амбар? Или забоялся?

Богатырь сжал пудовые кулаки и прорычал:

– Я разорву тебя на части, щенок!

– Попробуй. Только смотри сам не разорвись. Разорвешься – склеивать не буду.

Лысый и босолицый наглец окинул богатыря презрительным, дерзким взглядом, потом развернулся и первым зашагал к амбару. Великан-богатырь последовал за ним.

2

– Ну что, пора начи... – оборачиваясь, заговорил парень, но закончить фразу не успел.

Огромный меч обрушился на него, как обрушивается вырванное ураганом дерево. Парень резко отклонился в сторону, но сделал это недостаточно быстро, и клинок меча перерубил ему предплечье. Отрубленная рука, окропив все вокруг фонтаном крови, шлепнулась на земляной пол амбара и тут же почернела и скукожилась, как гнилой листок.

Паренек схватился за культю, побледнел и затрясся от боли. Богатырь опустил меч, посмотрел на окровавленную культю парня и с усмешкой прорычал:

– Сам виноват.

Но вдруг парень перестал трястись, улыбнулся и выставил культю перед собой. Кухля задымилась, закоптела и вдруг вспыхнула жарким голубым пламенем. Богатырь отшатнулся и прикрыл лицо рукою. А когда он снова отнял руку от лица, челюсть его отпала от

удивления, а глаза выкатились из орбит. Отрубленная рука парня отросла заново.

– Готов продолжить? – с холодной, злой ухмылкой осведомился лысый.

Дважды повторять не пришлось. Как ни велико было изумление богатыря, но воин он был отличный, и никакие чудеса не могли выбить его из колеи. Меч снова обрушился на парня, и снова он не сумел как следует увернуться. Второй удар был настолько сильным, что разбил парню вдребезги ключицу и ребра и разрубил его почти пополам.

Парень распался на две половины, покачнулся, но устоял на ногах. А потом схватил себя руками за бока и свел распавшиеся части тела воедино.

Тело парня вспыхнуло пламенем столь ярким и жарким, что богатырь снова прикрыл лицо рукою и попятился. Огонь успел опалить ему бороду и брови.

Когда он снова взглянул на парня, тот стоял посреди амбара целый и невредимый. Окровавленная одежда висела на нем лохмотьями, но на худой, голощекой физиономии парня застыла насмешливая улыбка.

– Ты... колдун! – хрипло выдохнул богатырь, с ужасом глядя на парня. И обмахнул себя рукой: – Чур меня! Чур!

Лысый негромко рассмеялся, а потом сказал:

– Не угадал, борода! Я Огнерод. Сгорающий и возрождающийся из пепла.

– Огнерод ты или нет – но я все равно увижу, как ты сдохнешь! – прорычал богатырь. Он в третий раз вскинул меч и ринулся на парня.

Клинок меча обрушился на лысого наглеца с такой яростной силой, что мог бы перерубить пополам и бревно, но на этот раз парень не отступил и не увернулся. Он просто поймал клинок ладонями и сжал его.

На землю вновь закапала кровь, ладони парня вспыхнули огнем, огонь этот тут же перекинулся на меч, а с меча – на руки и грудь богатыря. Тот завопил от ужаса, резко отпрянул, не удержал равновесия и рухнул на земляной пол. А потом принялся кататься по полу, крича от боли и стараясь сбить огонь.

Лысый парень посмотрел на него презрительным взглядом, сплюнул сквозь щербинку в передних зубах на пол, развернулся и, насвистывая какую-то песенку, зашагал вон.

3

Завидев парня, люди замолчали и уставились на него во все глаза. А он остановился перед толпой и крикнул со злой, презрительной усмешкой:

– Ну что, честной народ?! Готовы расстаться со своими денежками?!

Толпа обомлела.

– А где ж богатырь? – робко спросил чей-то слабый голос.

– Богатырь-то? – Парень лукаво прищурился и ущипнул себя за голый подбородок. – Да сейчас выползет.

И впрямь – не прошло и трех секунд, как богатырь выполз из абмара на карачках, остановился и несколько раз тряхнул обожженной головой. Борода его сгорела, от бровей не осталось и следа, а кисти рук были покрыты волдырями. По земле за ним тащился запутавшийся в перевязи меч, и клинок меча был оплавлен.

Народ зароптал. Никто никогда не видел подобного чуда – по крайней мере, с тех пор, как два года назад на небе появилась хвостатая звезда.

Паренек же смело прошел к столу (толпа растеклась перед ним, как вода), отсчитал свой выигрыш, ссыпал горсти меди и серебра себе в котомку и потуже затянул узел. Какой-то старичок выдвинулся из толпы, робко подошел к парню и сказал:

– Дозволь спросить тебя, сынок.

– Спрашивай, дедуля, – не оглядываясь, разрешил парень.

– Как же ты сумел одолеть такого огромного воина? Или есть в тебе какие-то тайные силы?

Лысый наглец посмотрел на старика, усмехнулся и проговорил то ли с усмешкой, то ли

со злостью в голосе:

– Есть, коли одолел.

– И что же это за силы?

Парень прищурил светлые, злые глаза и кивнул на богатыря:

– А вы спросите у него. Он вам расскажет.

Богатырь сидел на чурбане с ошалелым видом, а какая-то толстая девка пыталась впихнуть ему в губы ковш с колодезной водой.

– Эй, кисель! – крикнул ему парень. – Тут дедушка с тобой хочет поговорить!

При звуках голоса своего противника богатырь испуганно сжался и закрылся руками, словно ожидал удара. Старик посмотрел на богатыря, покачал головой и промолвил:

– Ой-е... Был пузырь-богатырь, да весь сдулся. – Он снова повернулся к парню: – Как тебя зовут, силач?

– Огнерод, – ответил тот.

– Огнерод?... За что ж тебя так прозвали?

– Догадайся, дядя.

Парень закинул котомку на плечо, повернулся и зашагал в сторону большака. А народ смотрел вслед новоявленному богачу и не смел произнести ни слова. Лишь когда тот скрылся из виду, кто-то из сельчан пробормотал:

– Колдун. Как пить дать, колдун.

– Известно, колдун, – подтвердил другой. – Нынче их много развелось. Сказывают, в кривичском Сивуш-граде два колдуна повздорили. Так целый постоялый двор разгромили, камня на камне не оставили. А вдобавок три дерева с корнем из земли вырвали.

– Эвона как. Значит, мы еще легко отделались?

Люди завздохали, запричитали и принялись обмахивать себя охоронными знаками.

4

Деревня Верходонка. Княжество Голядь

Странная это была рыбалка. У седовласого иноземца, облаченного в черный, смешного покроя кафтан, не ловилось ровным счетом ничего. А его провожатый, грузный молодой мужик по имени Лудобок, одетый в грубые холщовые штаны и такую же грубую рубаху, накрытую сверху для тепла меховым жилетом, тянул одну рыбину за другой, даже не глядя на поплавок. Просто выдергивал лесу из воды, и на крючке обязательно болталась какая-нибудь рыбка, то красноперка, то пузан-карась, а то скользкий, как гриб-масленок, линь.

– Не понимаю я, Лудобок, – с завистливым вздохом проговорил седовласый иноземец Урфин, – почему у тебя рыба ловится, а у меня нет?

– Я здесь рыбу с малых лет ужу, – объяснил Лудобок, по-прежнему мечтательно разглядывая деревья и совсем не глядя на свой поплавок. – Все рыбы повадки знаю. Даже если удочка сломается, то я здешних рыбок голыми руками выужу.

Седовласого иноземца Урфина это объяснение не убедило. Урфин прибыл в Верходонку пару дней назад и остановился на постой у матери Лудобока – старухи Листопадки. С собой он привез два мешка вещей и какую-то странную штуку, похожую на оглоблю, только поменьше и полую внутри. Урфин объяснил старой Листопадке, что труба эта – сверхзоркая и что с ее помощью можно разглядывать звезды. Он даже предложил старухе и ее толстобокому сыну посмотреть в особливую дырочку на трубе, но Листопадка и Лудобок отказались, опасаясь, что в иноземной трубе прячутся злые духи.

Что и говорить, ни старуха Листопадка, ни ее сын не отличались любопытством и даже не спросили Урфина, для чего он прибыл в Верходонку, хотя у него для этого был заготовлен убедительный ответ.

...Рыбачили уже два часа, и седовласому Урфину это занятие порядком надоело.

– Хватит, пожалуй, – сказал он наконец. – Пора домой возвращаться, а то скоро

стемнеет.

Иноземец вынул удочку из воды и попытался ее смотать, но увалень Лудобок, добродушно улыбнувшись, предложил:

– Оставь. Я смотаю.

Десять минут спустя они уже шагали по лесной тропке к деревне. С минуту шли молча. Урфин все поглядывал на широкое, мясистое, какое-то задумчиво-сонное лицо мужика, а потом спросил:

– Тебе неинтересно, зачем я прибыл в Верходонку?

Тот пожал покатыми плечами и пробасил:

– Раз прибыл, значит, надо.

Урфин усмехнулся.

– Верно мыслишь, парень. И все же я тебе скажу. Видишь ли... Говорят, в вашем небе два года назад пролетела хвостатая звезда.

– И чего? – равнодушно осведомился Лудобок.

– А того, что я ученый. Изучаю звезды и то, как влияют они на людей.

– Звезды-то? – Лудобок удивленно приподнял брови. – Нешто эти махонькие плевочки могут на нас влиять?

Урфин засмеялся:

– Могут, Лудобок, еще как могут! Я бы сказал, что все в нашей жизни зависит от расположения звезд. То, как были они расположены в день твоего рождения, определило всю твою судьбу. Это называется Астрология.

Лудобок хмыкнул и сказал:

– Глупости это все.

– Глупости? Да знаешь ли ты, что звезды...

– Погоди, я отолью.

Увалень остановился посреди тропы, задрал подол рубахи и принялся развязывать веревку на холщовых штанах. Урфин нахмурился:

– Что ты делаешь?

– Нешто не видишь? Веревку развязываю, – просто ответил Лудобок.

Тугая струя ударила в землю.

– Ух, славен конь-буранок, да и подойка хороша! – выдохнул Лудобок блаженно.

Урфин поморщился и спросил:

– Это ты про что?

– Про коня малого, какой в штанах прячется. А ты своего как называешь?

Ученый муж растерянно нахмурился и ответил:

– Да никак не называю.

– Плохо, – пробасил мужик. – Давай я и твоему имя придумаю. Я на выдумки мастак. Только ты сперва покажь.

– Чего покажь? – не понял ученый муж.

– Коня своего покажь.

Седовласый ученый передернулся и возмущенно проговорил:

– Вот еще! Мой «конь» – не игрушка, чтобы каждому показывать.

– Ладно, придумаю так, – проговорил увалень, пряча свое внушительное хозяйство обратно в штаны. – Пусть будет Асралог! Каково?

Лудобок засмеялся.

Седовласый Урфин поморщился, но мужик не обратил на это никакого внимания. Приведя в порядок одежду и отсмеявшись, он снова двинулся вперед.

Пройдя несколько шагов, мужик, не остановившись и даже не посмотрев на седовласого ученого, схватил его пухлой рукою за плечо и резко дернул в сторону.

В тот же миг с дерева с треском сорвалась сухая ветка и упала на то место, где только что был Урфин. Ученый муж остановился, изумленно посмотрел на ветку, затем перевел взгляд на Лудобка и спросил:

- Как ты понял, что на меня упадет ветка?
- Треск услышал, – небрежно ответил увалень.
- Треск? Но я не слышал никакого треска?
- Ты не слышал, а я слышал.

И Лудобок, посчитав тему исчерпанной, двинулся дальше. Урфину не оставалось ничего иного, как нагнать его и зашагать рядом. С полминуты шли молча. Первым молчание нарушил мужик.

– Так, говоришь, пришел искать хвостатую звезду? – спросил он, больше из уважения к гостю, чем из любопытства.

Ученый муж отрицательно покачал головой:

- Нет. Не звезду.
- Тогда чего?

Урфин улыбнулся, как человек, которому выдался случай поговорить на любимую тему, и сказал:

– Видишь ли, эту звезду видели во многих княжествах. И повсюду, где она появлялась, начинали твориться всяческие чудеса.

– Вот как? – без всякого интереса проронил Лудобок. – Тогда ты зря к нам пришел, Урфин. У нас в Верховдонке отродясь чудес не бывало.

– Вот в этом ты ошибаешься, Лудобок.

Еще несколько шагов прошли в молчании, затем мужик остановился и удивленно уставился на седовласого иноземца.

– Так вот зачем ты к нам пришел! – воскликнул он.

Урфин улыбнулся:

– Прости, Лудобок. Но мне сказали, что у тебя буйный нрав и что по доброй воле ты со мной не пойдешь.

В ту же секунду затрещали кусты, и на полянку выскочили ратники со взведенными арбалетами.

Урфин повел плечами и выпрямился. За одну лишь секунду он вдруг превратился из пожилого растяпы-ученого в крепкого, седовласого мужчину с холодным взглядом и твердо очерченными губами.

Лудобок смотрел на него хмуро и неприязненно.

– Лучше не противься нам, – отчеканил Урфин, незаметно передвинувшись так, чтобы отрезать Лудобока от дороги и оттеснить его к излучине реки. – Пойдешь добром – будешь цел. А не захочешь... пеняй на себя.

Лудобок пригнул голову, глянул на иноземного гостя исподлобья и спросил:

– Что тебе от меня надо, ученый муж? Зачем меня ловишь?

Урфин прищурил серые, проницательные глаза.

– Слышал я, парень, что ты умеешь делать нечто такое, чего не может никто.

– Кто тебе сказал? – насторожился парень.

– Люди, Лудобок. Они все замечают, даже если утаиваешь от них свои способности целых два года.

Лудобок обдумал слова гостя и покачал бычьей головой.

– Врешь ты, чужак. Наши верходонские – не такие. Они бы никогда не стали помогать тебе меня ловить.

– Они и не помогали. Но некоторые из них сильно любят почесать языками. Особенно после кружки-другой хмельного сбитня или олуса.

Урфин сделал знак ратникам и еще чуть передвинулся вперед.

– Мы не причиним тебе зла, – мягко проговорил он. – Мы просто хотим пригласить тебя к нашему князю в гости и хорошенько обследовать.

– Как это? – не понял мужик.

Ученый муж улыбнулся.

– Просто. Посмотрим, на что ты способен. А после подумаем, как бы твои способности

применить к хорошему делу. И тебя, конечно, не обидим. Дом у твоей матери совсем развалился. А я дам ей денег на новую избу. И на другое тоже дам. И если твои способности окажутся такими, как я думаю, я отвалю тебе столько золота, сколько ты сможешь унести.

Урфин снова чуть переместился вперед, чтобы в случае необходимости настигнуть увальня одним прыжком. Лудобок, однако, заметил его маневр и слегка отступил назад, оставляя для себя свободной узкую, полузаросшую травой тропку, ведущую в лес.

– Мне не надо золота, – глухо произнес он, стараясь не глядеть иноземцу в глаза. – И новой избы не надо. А покосившуюся крышу я и сам починю.

Урфин добродушно улыбнулся и раскрыл рот, сделав вид, что хочет что-то сказать, но вместо этого вдруг резко рванулся вперед и схватил Лудобока за плечи. Однако пухлый увалень оказался быстрее, и руки седовласого ученого схватили лишь воздух.

5

Урфин снова ринулся в атаку и, с молниеносной быстротой работая руками и ногами, обрушил на неповоротливого Лудобока град ударов. Но проклятый увалень всегда умудрялся опередить его на долю мгновения, и все удары Урфина попали в воздух.

– Сети! – заорал тогда Урфин.

Что-то громко хлопнуло у него за спиной, и на Лудобока полетела широкая, крепкая сеть. Но вновь, буквально за долю мгновения до того, как сеть накрыла увальня, он отпрыгнул в сторону, повернулся и бросился бежать в лес.

Лязгнули арбалеты, свистнули стрелы.

– Нет! – яростно крикнул седовласый. – Не стрелять!

Но волновался он зря. Лудобок продолжал нестись вперед, виляя, как заяц. Вслед ему полетело целое облако стрел, но ни одна из них не попала в цель.

Прошла еще пара секунд, и Лудобок, нырнув в кусты вереса, скрылся из глаз.

– Невероятно! – выдохнул Урфин, глядя ему вслед. – Просто бесподобно!

Ратники опустили арбалеты и выжидающе уставились на своего седовласого начальника.

– Урфин, мы не понимаем, – хрипло проговорил один из ратников. – Объясни нам, как он увернулся от наших стрел.

Агент Урфин взглянул на ратников холодными серыми глазами и отчеканил:

– Этот парень знал, куда полетит каждая выпущенная вами стрела.

– Как это? – не понял ратник.

– Просто. Лудобок видит будущее. Но недалеко. На минуту или две вперед. Это его Дар. – Седовласый агент задумчиво потер пальцами щеку и проговорил: – Нужно срочно объявить облаву и наставить ловушек. Далеко он не убежит.

Ратник покачал головой и возразил:

– Не получится.

– Что? – рассеянно переспросил Урфин. – О чем ты говоришь, ратник?

– Ты сам только что сказал, что этот парень видит будущее. А раз так, то он увидит и каждую нашу ловушку за минуту до того, как в нее попасться. И с облавой у нас ничего не выйдет. Если он таков, как ты говоришь, то уж точно найдет способ спрятаться от нас прежде, чем мы выйдем к тому месту, где он был минуту назад.

Выслушав длинную тираду своего воина, Урфин нахмурился и неохотно признал:

– Ты прав. И что же нам, по-твоему, делать?

Ратник пожал могучими плечами.

– Коли он таков, как ты говоришь, то ничего ты с ним не сделаешь. Легче поймать зайца голыми руками, чем колдуна, который знает и видит все наперед.

Агент Урфин пригладил ладонью седые волосы, посмотрел на воина в холодный прищур и сказал:

– Ты, ратник, сильный и умелый воин, но думать головой тебе стоит поменьше.

– Почему?

– Потому что голова может лопнуть, – с усмешкой пояснил Урфин. – А теперь идем в деревню. Я знаю, что нам надо делать.

– И что же? – с любопытством спросил ратник.

– Этот нелюдь очень сильно любит свою мать, так?

– Так.

– Вот на этой его любви мы и сыграем.

Ратник обдумал слова начальника, неодобрительно хмыкнул и спросил:

– А ежели он догадается?

– Не догадается, – ответил агент Урфин. – Лудобок предвидит всего на минуту вперед. А мать его больна и тяжела на подъем. Как бы ловок ни был этот толстый бес, он не успеет ее увести.

Глава третья ОХОТА ГЛЕБА

1

У тех, кто ходит в Гиблое место за чудными вещами или бурой пылью, как правило, нет друзей. Ходоков в места погиблые остальные люди считают чем-то вроде темных тварей, временно заключивших союз с людьми. В народе бытует мнение, что тот, кто больше трех раз сходил в Гиблое место, уже не может называться человеком, потому что проклятая чашоба переделала его, перекроила на свой лад.

Глеба Первохода все считали первейшим и лучшим из ходоков. Глеба боялись и уважали. Но любой из нормальных людей предпочел бы лучше сунуть голову в пасть медведю, чем сесть с ним за один стол или пригубить из его кубка вино.

Лишь три человека во всем Хлынском княжестве могли назвать себя друзьями Глеба. И двое из них сидели сейчас в кружале «Три бурундука» и пили водку. Первый был огромный, как бык, и с такой же толстой шеей. Пузо у него было таким обширным, что в нем легко мог уместиться целый ягненок с парой гусей в придачу. Лицо верзила было широкое и конопатое, а борода – русая и такая реденькая, что просто стыд, а не борода.

Собутыльник великана был полной его противоположностью. Невысокий, стройный и ладный, как юноша, с длинными, черными, вьющимися волосами и аккуратно подстриженной бородкой. Чернявый был красив свежей, девичьей красотой, а его большие, темные глаза смотрели спокойно и смиренно.

Верзила хлопнул об деревянную тарелку недоеденной бараньей ногой и прорычал:

– А я тебе еще раз говорю, Рамон, наш друг Первоход сошел с ума!

– А я тебе еще раз говорю, что твои слова – полная чепуха, – сказал на это Рамон. – Первоход умнее и трезвее, чем я и ты. А здравого смысла и расчетливости у него побольше, чем у всех хлыньских купцов, вместе взятых.

Верзила шумно вздохнул и проговорил недовольным голосом:

– Ты меня совсем не слушаешь, толмач. Один парень рассказывал мне, что Глеб стоял у стойки, хлестал олус и весь вечер разговаривал сам с собой. А от другого я слышал, что Первоход наведывался к вещунье Голице, а после его ухода Голица упала на пол и лишилась чувств. Говорят, она до сих пор немощна. Но и это еще не все. Говорят, Первохода видели с какой-то девкой. И эта девка...

– Довольно, Хлопуша, – строго, но мягко проговорил Рамон. – Я больше не желаю слушать подобное. Глеб – мой друг. Я не знаю, для чего он позвал меня сюда, но когда придет время, я выслушаю все, что он скажет, и отнесусь к этому со всей серьезностью, на какую только способен.

Верзила устался на приятеля и вздохнул.

– Замысловато ты выражаешься, Рамон. Никак не могу к этому привыкнуть. А насчет Глеба – я тоже его выслушаю. Я просто хотел, чтобы ты был готов.

– К чему? – вскинул черную бровь толмач.

Толстяк пожал плечами.

– Сам не знаю.

– Ты считаешь себя более здравым и вменяемым, чем Глеб? – нахмурился Рамон.

Хлопуша хотел было ответить, да не успел, ибо дверь кружечного дома распахнулась, и в зал вошел Глеб Первоход.

– Здравствуй, Первоход! – радостно воскликнул Хлопуша и вскочил с лавки.

– Приветствую тебя, Первоход! – улыбнулся Рамон.

Глеб обнял верзилу, пожал узкую, смуглую ладонь толмача и уселся за стол. Хлопуша брякнулся рядом и только сейчас заметил, что возле стола стоит незнакомая девка.

Была эта девка молода и хороша собой, но черные, чуть раскосые глаза ее глядели ни Первохода сердито, а на его друзей не глядели вовсе.

– Эй, милая, – даже не посмотрев на нее, негромко позвал Первоход. – Присаживайся за стол.

– Я могу и постоять, – недовольным голосом отчеканила девка.

– Сударыня, Первоход прав, – мягко проговорил красавчик Рамон, с ласковым, многообещающим любопытством разглядывая строптивую незнакомку. – В ногах правды нет. А присев с нами за стол, вы сможете попробовать сладкого сбитня и отведать жареного гуся с яблоками, которого уже несет нам разносчик.

Разносчик и впрямь приближался к столу с огромным блюдом в руках. Пораздумав еще пару секунд, Зоряна решила сменить гнев на милость и, сердито выпятив нижнюю губу, села на лавку и придвинулась к столу.

Тут подоспел и разносчик. Он поставил на стол блюдо с жареным гусем, весело глянул на девку и проговорил:

– Вижу, в вашей шайке появился еще один «разбойник». Теперь уж моему гусю точно несдобровать.

Глеб посмотрел на широкое лицо верзилы Хлопуши, который пялился на яство замаслившимися от предвкушаемого удовольствия глазами, и заметил:

– У твоего гуся и до этого не было ни одного шанса, приятель. – Затем кивнул на девку, которую привел с собой, и сказал: – Эту юную красавицу зовут Зоряна. Впрочем, я не уверен, что она красавица. И совсем не уверен, что она юная.

Хлопуша удивленно вскинул брови, после чего посмотрел на Рамона выразительным взглядом, дескать: «Ну? Что я тебе говорил?»

Затем верзила вздохнул и потянулся к гусю, намереваясь оторвать от него ножку. Рамон, однако, остался спокоен и невозмутим.

– Не знаю, что означают твои слова, друг, – проговорил он, обращаясь к Глебу, – но на вид эта девушка юна и хороша, как майская роза.

Первоход усмехнулся, перевел взгляд на Зоряну и коротко приказал:

– Покажи им.

Она нахмурилась и вдруг сказала, обратившись к Хлопуше голосом самого Хлопуши:

– Какого лешего вы притащили сюда этого гуся? Я и без вашего гуся такой толстый, что забыл, как выглядит то, что помещается промеж коленями и пузом!

Верзила поперхнулся гусиным мясом и закашлялся. Рамон постучал ему ладонью по спине.

– Чу... деса, – сдавленно выговорил Хлопуша, выкатив на Зоряну изумленные глаза.

Но Зоряна на этом не закончила. Она посмотрела на Рамона, и вдруг лицо ее посмуглело, волосы почернели и завились в кудри, а на подбородке выросла аккуратная черная борода.

– Милая, Глеб прав, – проворковала она мягким голосом толмача. – Сядь рядом со мной и послушай, как я говорю. Я ведь так неотразим, что даже мой голос способен

доставить девушке удовольствие. Да, и не удивляйся, если сегодня же ночью ты окажешься в моей постели. Так делают все девушки. А иногда даже и юноши.

Рамон покраснел и сдвинул брови. Хлопуша, уже успевший прийти в себя, хлопнул итальянца по плечу и весело проговорил:

– Отлично она тебя приложила! Да и меня тоже. Одно непонятно – неужто у меня и впрямь такой противный голос?

– Увы, Хлопуша, но голос твой именно таков, – заверил его Рамон. Потом взглянул на Глеба и спросил: – Первоход, зачем ты привел сюда эту лицедейку?

– Да, Первоход... – проговорил, снова нахмурившись, здоровяк. – И откуда она вообще взялась?

– Она не просто лицедейка, – сказал Глеб. – Зоряна, покажи им еще что-нибудь, только помни про Силки.

Девушка кивнула. Несколько мгновений она, наморщив лоб, о чем-то размышляла, а затем улыбнулась и вдруг превратилась в огромного жареного гуся. Гусь открыл клюв и прокричал:

– Не ешьте меня! Я вам еще приГА-ГАжусь!

Затем снова стала сама собой. На этот раз ни Хлопуша, ни Рамон не смогли выговорить ни слова. А девка посмотрела на Глеба и дерзко заявила:

– Ходок, я сделала, что ты просил. Могу ли я теперь отлучиться в отхожее место?

– Можешь, – кивнул Глеб. – Но помни про Силки. Для них не важно, где ты. Они смогут настигнуть тебя где угодно.

Девка усмехнулась и ушла. А Рамон, обретший, наконец, дар речи, пробормотал:

– Это какая-то иллюзия? Она заставила нас увидеть то, что мы видели?

– Да какая там иллюзия! – воскликнул побагровевший Хлопуша. – Я даже запах жареного гуся чуял! Это чудо, Рамон! Настоящее чудо!

– Здоровяк прав, – спокойно сказал Глеб. – Это чудо. Зоряна может превратиться во что угодно. И это – совсем не иллюзия.

Рамон обдумал его слова, затем неуверенно произнес:

– Допустим, что это так, Первоход. Но почему эта... это существо тебя слушается? И о каких Силках ты все время говоришь?

– Я говорю про Силки Зигвуда, которые лежат у меня в кармане, – сказал Глеб и в подтверждение своих слов хлопнул себя ладонью по карману куртки.

– Силки Зигвуда? – Рамон сдвинул черные брови и едва заметно кивнул. – Я слышал про них. Теперь я понимаю, в чем кроется причина ее страха перед тобой.

Хлопуша уставился на карман Глеба, облизнул пересохшие губы и хрипло проговорил:

– Первоход, ты это... Будь с Силками поосторожней, ладно? Я, конечно, не такой опытный ходок, как ты, но слышал про них много нехорошего.

– Обещаю тебе, Хлопуша, что буду осторожен, – сказал Глеб серьезным голосом. – А теперь к делу. Я позвал вас, парни, потому что мне понадобятся компаньоны в одном очень важном деле. Дело не только важное, но и опасное.

При слове «опасное» Хлопуша вновь приободрился.

– С этого и надо было начинать! – весело заявил он. – Чует мое сердце, что ты снова собрался в Гиблое место. Если это так, то я пойду с тобой.

– Я тоже не прочь прогуляться по мягкому травяному покрову и подышать целебным лесным воздухом, – с вежливой улыбкой поддержал здоровяка Рамон.

– Мы пойдем не в Гиблое место.

В глазах Хлопуши промелькнуло удивление.

– Не в Гиблое? Но ты ведь сам сказал, что дело будет опасным. Разве есть на свете что-нибудь столь же опасное, как поход в Гиблое место?

Первоход улыбнулся и ответил:

– Я приглашаю вас на охоту, друзья.

Поскучневший было верзила опять воспрянул духом.

– И на кого же мы будет охотиться, Первоход? – бодро осведомился он. – На медведя?
Глеб покачал головой:
– Нет. Наши звери будут поопаснее. Вы видели Зоряну?
– Да, – хором ответили Хлопуша и Рамон.
– Мы будем охотиться на таких, как эта красотка.
– На чародеев? – удивленно спросил Хлопуша.
Глеб чуть прищурил свои темные глаза и ответил:
– На детей падших богов.

2

Путь в Кривичское княжество был труден и долог. Ехали верхом, ехали лесом, отдыхали редко. Лес у кривичей был разномастный, но преобладали черная ольха, береза и редкие болотные ели, покрытые белыми лишайниками. В особо влажных местах лес становился странным и жутким, деревья тут держались на голых, выгнутых под углом корнях, а вокруг них растекалась черноземная жижа.

Миновав очередной такой участок, Хлопуша передернул плечами и повернулся к девушке, ехавшей рядом.

– Ты настоящая чародейка, Зоряна. Хотел бы я уметь то, что умеешь ты.

– Боги каждому дали свое, – откликнулась та сухим, недружелюбным голосом. – Мне – способность превращаться во все, что вижу, тебе – большой живот и крепкие ноги, чтобы его носить.

Хлопуша сперва нахмурился, но потом в глазах его мелькнуло лукавство, и он, ехидно усмехнувшись, позвал:

– Слышь-ка, Зоряна?

– Чего тебе? – тем же неприязненным голосом отозвалась девушка.

– А зачем тебе конь, ежели ты сама можешь превратиться в коня?

– А тебе зачем?

Хлопуша усмехнулся:

– Во спросила! Так ведь я же человек!

– Ты уверен?

– Конечно, уверен!

Зоряна насмешливо прищурилась и сказала:

– Зря. Встань на четвереньки, и никто не отличит тебя от борова. А боровы, я слышала, звери сильные и быстрые. Да и выносливости им не занимать.

Хлопуша обиженно шмыгнул носом.

– Грубая ты, Зоряна. Грубая, как мужик.

– А ты мягкий, как девка на сносях.

Хлопуша посмотрел на свой объемистый живот и нахмурился. Пару минут он обиженно сопел, а потом не выдержал тишины и заговорил снова:

– В Кривичском княжестве хорошо готовят дикую утку. Они ее обливают малиново-брусничным сиропом, а прежде чем сунуть в печь – надевают утробой на глиняную бутылку. Однажды мне довелось попробовать – очень вкусно.

Зоряна не отозвалась. Глеб, погруженный в свои мысли, тоже молчал. Рамон посмотрел на друга и решил из вежливости поддержать разговор.

– А я в детстве любил финики и апельсины, – сказал он.

– Веники из псины? – вскинул брови Хлопуша. Он басовито хихикнул: – Нешто человек козел, чтобы веники жевать? Да и псин есть – дело дрянное. Псина, ежели ее хорошо воспитать, может стать хорошим другом. – Хлопуша покачал вихрастой головой: – Нет, Рамон, ты уж прости, но у вас, италийцев, все не как у людей. У нас, русичей, друзей есть не принято. Разве что в неурожайный год...

Толмач нахмурился. Желание поддерживать разговор у него пропало, и некоторое

время путешественники опять ехали в тишине.

Через две версты Хлопуша снова покосился на Зоряну, непонятно ухмыльнулся и медленно проговорил:

– Я тут подумал, Зоряна...

– Хорошо, что хоть тут подумал, – перебила девка. – *Там-то* у тебя думать не слишком получалось.

– Болтай-болтай, – добродушно произнес здоровяк. – А меня все равно не переболтаешь. А подумал я, девка, о другом. Ежели ты можешь обратиться в кого хошь, то никто с тобой не сравнится в любовных утехах. Что об тебе мужики-то твои говорили?

– Ничего.

– Ничего?

– Потому что некому было говорить. Сторонятся меня мужики, здоровяк. За версту обходят с той поры, как проведали, кто я такая.

– А прежде?

– А прежде я еще не созрела.

– Сколько ж тебе лет, милая?

– Осьмнадцать.

– Выходит, ты до сих пор мужика не пробовала?

– Выходит, так.

Хлопуша качнул головой.

– Ну и ну. И не целовалась даже?

– А тебе какое дело?

– Да никакого. Просто интересно.

– «Интересно, интересно – зад большой, а в дырке тесно», – язвительно проговорила Зоряна.

Хлопуша добродушно засмеялся. А отсмеявшись, сказал:

– А ведь повезет тому мужику, который с тобой свяжется. Сварог свидетель, повезет.

Зоряна нахмурилась, но ничего на это не ответила, лишь раздраженно наморщила нос.

– Или не повезет? – продолжил рассуждать Хлопуша. – Кто знает, какую штуку ты выкинешь? Вот, к примеру, обнимет тебя парень, прижмет к себе, а ты возьмешь да и превратишься в...

– Хлопуша, а Хлопуша, – хмуро перебила его Зоряна. – Ты хлопать умеешь?

– Хлопать? – Здоровяк удивленно моргнул. – Умею.

– Тогда захлопни рот.

Некоторое время здоровяк молчал, придумывая, как бы похитрее да половчее припечатать наглую девицу. А затем, видимо так ничего и не придумав, сказал:

– Злая ты, Зоряна. А я ведь к тебе по-доброму. Можно сказать – всей душой. Жалко мне тебя, хорошая могла бы быть девка, коли б не обратилась в неведомую тварь.

– Ты тоже, – сказала Зоряна.

– Чего тоже? – не понял толстяк.

– Хорошим мог бы стать мужиком, коли б твоя матушка не спуталась с пьяницей и не зачала тебя в обоюдном хмелю.

Здоровяк слегка побагровел.

– Это ты зря, – пробасил он. – Если хочешь знать, я...

– Не хочу! – отрезала Зоряна.

– Но я все равно тебе скажу, что я...

Зоряна прорычала нечто невразумительное, потом повернулась к Рамону и заявила:

– Эй, толмач, вели своему другу заткнуться, не то мне придется превратиться в оборотня и надрать ему задницу.

– Это еще вопрос, кто кому надерет, – пробасил обиженно Хлопуша. – Не родился еще тот оборотень, который мог бы одолеть...

Зоряна пришпорила коня, нагнала Глеба и поехала рядом. Первоход слушал перепалку

здоровяка и девушки-чародейки вполуха. Долгая езда верхом повергла его в своего рода дрему. И мысли, проплывающие в голове, были все больше никчемные, будничные, почти пустые.

«Взял ли я с собой эльсинский кофе?... Да, взял... Ох и сложно же было его вырастить... Но еще труднее достать. А в сто крат труднее поверить, что это действительно кофе, а не какая-нибудь похожая дрянь. Спасибо восточным торгашам – показали, убедили, согласились продать. Сперва-то не хотели... „Это наше достояние, это наше достояние...“ Вот погодите, я еще всех славян кофе пить научу... И круассаны печь. И тогда посмотрим, где будет центр средневековой Европы».

Глеб усмехнулся своим мыслям, но тут же стал думать о другом.

«А вот интересно – глотал я бурю пыль перед тем, как мне явился охотник Громол, или нет?... Вроде не глотал, обошелся лишь водкой и олусом. Тогда почему в заветной коробочке осталось так мало бурой пыли?... Мистика какая-то...»

Зоряна, мерно покачиваясь в седле, искоса поглядывала на молчаливого ходока, а потом тихо спросила:

– Отчего такой мрачный, Первоход? Бери пример с толстяка, тот, похоже, всегда в отличном расположении духа.

Глеб открыл тяжелые веки, посмотрел на Зоряну задумчивым взглядом и снова отвернулся. Тогда девушка заговорила снова:

– Может, отпустишь меня, а? Я тебе слово дам, что разбойничать более не стану.

– И без слова не станешь, – небрежно заверил ее Глеб. – А коли станешь: поймаю, засуну в бутылку и заброшу в самый глубокий омут.

Зоряна усмехнулась.

– А я тебя другим представляла. Думала, ты свирепый и страшный. А ты вон какой – добрый, мягкий да податливый.

– И не говори. Порой сам на себя дивлюсь. Другой бы на моем месте заткнул тебе рот кляпом да положил поперек коня, чтоб ты кочки считала. А я терплю.

Зоряна было нахмурилась, но спустя пару секунд согнала с лица тень и улыбнулась.

– Странное дело, – сказала она. – Хочу на тебя обидеться, а не получается. Как думаешь, почему?

Глеб прищурил темные глаза и ответил:

– Потому что на обиженных воду возят, а впереди ручей.

Словно в подтверждение его слов, усталый конь вскинул понурую голову, понюхал воздух ноздрями и радостно заржал. Глеб улыбнулся и погладил его ладонью по шее.

– Скоро, Гнедаш, скоро. Напьемся вволю. А доберемся до поселка, я тебе овса куплю. Будешь есть, пока бока не раздуются.

Зоряна посмотрела на Глеба и с любопытством спросила:

– Ты все еще чувствуешь этого парня?

– Да. Он близко. В шести верстах отсюда. Ждет, кого бы обыграть. И скоро дождется.

3

Игрок Тиш сидел за столом, лениво оглядывая зал кружечного дома. В последнее время путников было маловато, и хорошей игры приходилось дожидаться по многу дней, а то и недель.

Высокого, худощавого парня с гривой темных волос и тяжелым взглядом Тиш отметил для себя сразу. Тот вошел в кружало и с удивлением уставился на волосатые кабаньи головы, прибитые над стойкой. Верный признак того, что посетитель был нездешним.

Однако на богатого купца парень был не похож, а потому Тиш тут же потерял к нему интерес и снова заскучал. Вскоре он стал дремать над кружкой с олусом, и тут негромкий, но близкий голос его окликнул:

– Эй, друг! Это у тебя бруски?

Игрок Тиш открыл глаза и уставился на темноволосого парня. Затем облизнул сухие губы и спросил:

– Кто ты и чего тебе надобно?

– Кто я? – Незнакомец усмехнулся. – Я тот, кто обыграет тебя в бруски.

– Ой ли? – усмехнулся Тиш. – Не много ли на себя берешь, странник?

– Не больше, чем могу унести, рябой. Так как – сыграешь со мной?

Тиш прищурился и снова взглянул на небогатую одежду странника. Стоит ли с таким связываться? Сперва соперник должен проиграться в пух и прах, чтобы затем войти в неистовый раж и поставить на кон годы собственной жизни. А этому и проигрывать нечего. Послать бы его к лешему...

– Только ты и я, – сказал незнакомец, глядя Тишу в глаза. – У тебя, судя по яхонтам на шапке, много серебра. А мне как раз недостает десяти монет до сотни.

– Так ты богач? – заинтересовался Тиш.

Незнакомец усмехнулся.

– Точно! Денег много, а вложить не во что, «Майкрософт» еще не изобрели, а нефть лошадке в зад не вольешь. – Произнеся эти непонятные слова, странник достал из кармана замшевой куртки плотный кожаный кошель и брякнул его на стол.

Тиш взглянул на кошель, затем перевел взгляд на незнакомца и спросил:

– Как тебя зовут, странник?

– Бонд, – ответил тот. – Джеймс Бонд.

– Что ж, Бонд... Если хочешь сыграть, давай сыграем.

...Спустя полчаса Тиш откинулся спиной на бревенчатую стену, перевел дух и сказал:

– Проигрался ты, Бонд. В пух и прах.

– Да уж... – Странник вздохнул. – Проигрался. Ничего не попишешь.

– Небось, хочешь отыгаться?

– Хочу. Только поставить на кон мне нечего. Слушай, а может, возьмешь мою куртку? Куртка фирменная, почти не ношенная. Только что из химчистки.

Тиш непонимающе нахмурился.

– Станный у вас, хлынцев, выговор. Куртка у тебя хорошая, Бонд. Однако мне она не нужна.

– Что же мне поставить?

Игрок чуть прищурил свои непроницаемые глаза и вдруг спросил:

– Сколько тебе лет?

– А сколько дашь? – прищурился в ответ странник.

– Думаю, не больше тридцати. Кости у тебя крепкие, мясо тугое, и зубы еще все свои. Жизнь у тебя впереди, Бонд, долгая. Коли не будешь ввязываться в драки, проживешь еще тридцать.

– Что ты, игрок, какие драки? Я их с малолетства избегаю. Но не пойму, к чему ты клонишь?

– Поставь на кон свои годы. Хочешь – пять, хочешь – десять. А хочешь – все тридцать.

Некоторое время соперники смотрели друг другу в глаза; один – спокойно и серьезно, второй – удивленно и недоверчиво. Затем странник разомкнул губы и проговорил:

– Уж не шутишь ли ты со мной, игрок?

– Не шучу, – сказал Тиш.

Странник почесал ногтями переносицу, подумал, усмехнулся и спросил:

– Ну, а сам-то ты что поставишь?

– Серебро, – ответил Тиш. – По одному дирхему на каждый твой год.

Глеб Первоход (а это, конечно же, был он) чуть прищурил темные глаза. «Неужто этот гад и впрямь может высасывать из людей года?» – подумал он.

– Ну? – снова заговорил игрок Тиш. – Что скажешь, Бонд? Попробуешь отыгаться или уйдешь отсюда как есть?

Пару мгновений Глеб колебался, а затем усмехнулся и ответил:

– Отчего ж не сыграть? Ты сам сказал, что мужик я крепкий и жить мне еще долго-предолго. Давай сыграем.

...Прошло еще десять минут.

– Вот дьявол! – севшим голосом проговорил Глеб, глядя на разложенные по столу бруски и не веря своим глазам. – Это невероятно!

Игрок взглянул на него остро и холодно, как палач на жертву, а потом сухо проговорил:

– Ты проиграл, Бонд. Изволь расплатиться.

«И как я это сделаю?» – хотел спросить Глеб, но тут в горле у него пересохло, а глаза заслезились.

Сердце в груди у Первохода стиснула судорога, а колени скрутила боль. Глеб опустил взгляд и посмотрел на свои руки. Руки его сморщились и покрылись россыпями пигментных пятен. Внутри у Глеба похолодело. Он поспешно схватил со стола серебряный поднос, смахнул с него хлебные крошки и посмотрел на свое отражение. С поверхности подноса на него уставился седовласый, морщинистый старик.

Глеб сглотнул слюну и с ужасом пробормотал:

– О боги... Я старец.

– Да, но еще не все потеряно, – с едва заметной усмешкой проговорил игрок. – Ты на редкость крепкий человек, Бонд, и у тебя в запасе осталось еще года три. Поставь их на кон. Как знать, возможно, на этот раз тебе повезет?

Несколько мгновений оба противника молчали, мрачно и неприязненно глядя друг на друга. Затем стена за спиной у Тиша замерцала и превратилась в отполированный до зеркального блеска бронзовый щит, а Глеб сказал:

– Хорошо. Смешивай бруски.

Когда бруски были розданы, Глеб бросил взгляд на отражение игрока в щите. Брусочки он видел хорошо, а вот то, что было на брусочках... Проклятое стариновское зрение – все плывет перед глазами... Да еще и глаза слезятся...

Тиш перехватил взгляд Первохода. Он быстро оглянулся, но за мгновение до этого бронзовый щит исчез, а стена вновь стала тем, чем она была до превращения, – обыкновенной бревенчатой стеной.

Игрок пожал плечами и снова повернулся к Глебу. В то же мгновение стена снова превратилась в сверкающий бронзовый щит. Первоход потер пальцами дряблые, влажные, морщинистые веки и снова попытался разглядеть отражение брусочков.

На этот раз выступившая от напряжения слеза сработала как линза, и на секунду брусочки Тиша попали в фокус. Глеб усмехнулся и сказал:

– Играю.

Брусочки брякнулись на стол, и на этот раз игрок Тиш уставился на них, раскрыв от удивления рот.

– Ты проиграл, парень, – с облегчением произнес Глеб и провел пальцами по глазам. Три выигранных года улучшили ему зрение и заставили боль в суставах слегка приутихнуть. – А теперь мы продолжим игру, приятель. Я хочу получить обратно все свои годы.

Тиш посмотрел на него свирепым взглядом, сжал пальцы в кулаки и отчеканил:

– Игра закончена, странник Бонд! Мне пора уходить!

Глеб покачал головой:

– Нет. Тебе придется продолжить.

– Но...

Первоход дернул рукой, и стальное дуло ольстры вошло игроку в рот, а палец Глеба лег на спусковой крючок.

– Мы будем играть, – заявил он, со спокойной улыбкой глядя Тишу в глаза. – Хочешь ты этого или нет. Не знаю, слышал ли ты обо мне, но мое имя Первоход, и за несколько лет я убил столько тварей, что ими можно было бы заселить город. Кивни головой, если понял.

Игрок кивнул. Глеб убрал ольстру от лица парня и положил ее на стол. Игрок сглотнул слюну и хрипло проговорил:

– Я знал, что ты непростой человек.

– Ну, а знал, так нечего было играть. Продолжаем!

4

Отыграть удалось все – не только годы, но и серебряные монеты. Глеб то и дело поглядывал на свои руки, снова ставшие молодыми, загорелыми и крепкими, и при этом не мог сдержать радостной и удовлетворенной улыбки.

Ломота в суставах прошла, сердце перестало саднить, седые волосы вновь обрели прежний темно-каштановый цвет. От старческой немощи не осталось и следа.

Игрок Тиш, наоборот, был хмур и зол. Отыграв все, что проиграл, и еще пять серебряных монет сверху, Глеб отложил, наконец, бруски и громко произнес:

– Зоряна, присядь с нами! Твое присутствие будет полезно.

Тотчас бронзовый щит, зеркально сверкающий за спиной у Тиша, снова превратился в стройную, черноволосую девушку. Она подошла к столу, села на лавку и обворожительно улыбнулась игроку.

Он посмотрел на девушку, потом на Глеба, а потом спросил:

– Что вам от меня нужно? Деньги?

Глеб покачал головой.

– Нет.

– Тогда что?

– Мне нужен ты, Тиш.

Веки игрока дрогнули. Несколько секунд он сидел тише шороха травы в безветренный день и бледнее беленой стены, потом медленно усмехнулся и сказал:

– За последние несколько дней ты уже второй, кто знает мое имя.

– Правда? А кто был первый?

– О нем не стоит и вспоминать. Итак, ты знаешь, кто я такой, а я слышал про тебя. Что дальше?

– Дальше? Дальше ты пойдешь со мной, Тиш.

– С какой стати?

– Ты нужен мне.

Тиш молчал.

– Ты не всегда был таким, – сказал Глеб. – Раньше ты был обычным парнем. Однако два года назад в небе пронеслась хвостатая звезда, и она все переменяла. С ней... – Глеб кивнул на Зоряну, – произошло то же самое.

– Вот как? – Тиш перевел взгляд на Зоряну. – И что она умеет? Прыгать через веревочку или малевать себе румянами щеки?

– Зоряна, покажи ему что-нибудь, только не пугай, – попросил Глеб.

Зоряна кивнула, посмотрела на Тиша и превратилась в него.

– И что же ты умеешь? – спросила она у игрока мужским баритоном. – Воровать у проезжих непрожитые годы?

Игрок обомлел. С полминуты он хлопал глазами, разглядывая Зоряну, принявшую его собственное обличье, затем с трудом отвел от нее взгляд, посмотрел на Первохода и сказал:

– Ты был прав насчет хвостатой звезды. Но ты был не прав, когда назвал меня парнем. На самом деле я не парень, а глубокий старик. Когда пролетела звезда, мне шел уже девятый десяток. Я был при смерти, но вдруг понял, что могу высасывать из людей жизнь. Минуты, месяцы, годы жизни... Я научился это делать.

– Зачем тебе понадобилось играть? – спросил Глеб. – Ты ведь мог просто забрать то, что тебе нужно.

Рябое лицо Тиша стало еще более смурным.

– Мне было тяжело носить на сердце такую муку, – процедил он сквозь зубы. – И тогда я решил, что все должны решать боги. Выиграю – возьму то, что хочу. Проиграю – оставлю человека в покое.

– Решил обмануть собственную совесть? – прищурился Глеб. – И как, получилось?

– Получилось, – хмуро отозвался Тиш. – Я всегда играл честно. Но удача никогда мне не изменяла. Думаю, боги хотят, чтобы я жил вечно, а не старился, как прочие люди.

– Сколько же ты собрался жить, Тиш? Если посчитать, скольких бедолаг ты обобрал, получится, что у тебя в запасе есть лет триста?

Игрок нахмурился и покачал головой.

– Нет. Один выигранный год дает мне всего месяц жизни. Мое тело живет слишком быстро, оно сжигает время, как безжалостный огонь сжигает сухую траву.

– Бедный... – тихо проговорила вдруг Зоряна.

Глеб и Тиш повернули головы и посмотрели на нее. Девушка смутилась.

– Ну да, бедный, – тихо повторила она. – А разве нет? Украденные годы не идут ему впрок, он стареет в десять раз быстрее, чем мы. Разве это хорошо?

– Это потому, что он уже прожил свою жизнь, Зоряна, – пояснил Глеб. – А теперь живет на проценты от украденного вклада. – Он снова перевел взгляд на Тиша. – И долго ты еще собираешься высасывать из людей жизнь, приятель?

Игрок поморщился.

– Мне давно опостылело это занятие, – глухо проговорил он. – Но я боюсь снова постареть.

Глеб подумал о чем-то, потом чуть прищурил глаза и заявил:

– Есть еще один выход.

– Какой? – наострил уши игрок.

– Умереть молодым. Лучше всего в бою.

Тиш вымученно усмехнулся.

– Да, я тоже думал об этом. Но мне противна мысль о том, что я буду воевать за своего князя. А воевать на стороне врага – еще противнее. Драться с дикими зверями – тоже не выход. Немного чести в том, чтобы быть сожранным волками или бродячими псами. Так что же мне делать?

Глеб и Зоряна переглянулись.

– Кажется, Первоход, у тебя и на этот вопрос есть хороший ответ, – с улыбкой сказала Зоряна.

– Верно, есть, – спокойно отозвался Глеб. – Я знаю врага, с которым тебе не стыдно будет сразиться, Тиш.

– Правда? – игрок слегка приободрился, и в усталых, все повидавших глазах его наконец-то зажглось что-то вроде любопытства.

– И как зовут этого врага?

– Первозданная Тьма. Та, которая была всегда и которая всегда будет, даже когда миру, в котором мы живем, придет конец. Как видишь, этот враг старше тебя, и тебе не зазорно будет с ним воевать. Да и погибнуть в бою с таким противником – большая честь.

Несколько мгновений игрок изучающе разглядывал Глеба. Наконец, убедившись в том, что Первоход не собирается смеяться, он прищурил светлые глаза и тихо произнес:

– Ты хочешь, чтобы я сразился с Первозданной Тьмой?

– Тьма нашла лазейку в наш мир, игрок. И встать у нее на пути должны мы. Я и такие чудачки, как ты, обладающие невероятными способностями.

– Что ж... речи твои завлекательны, ходок. Однако я не уверен, что ты – тот, кто сможет одолеть Тьму. А выходить на битву без надежды на победу – глупо.

Глеб склонил голову набок и с легкой усмешкой осведомился:

– Как же мне доказать тебе свою силу?... Отсечь тебе голову? – так я это мигом.

– Кажется, на улице гроза?

– Кажется, так.

– Во дворе, перед игорным домом, стоит ветхая старая подвода. Дойди до нее с поднятым вверх мечом. И если молния не поразит тебя, я пойду с тобой.

– Поклянись.

Тиш поднял ладонь и торжественно произнес:

– Клянусь Велесом!

В этот миг двери кружала с грохотом распахнулись, и Рамон с Хлопушей ввели в зал невысокого, худощавого мужчину крайне примечательной наружности. Главной запоминающейся деталью в этой наружности были волосы мужчины – ярко-светлые, почти платиновые, и кудрявые, как шерсть барана.

– Первоход, ты был прав! – пробасил Хлопуша. – Этот парень и впрямь караулил тебя за овином! Ума не приложу, как ты их чуешь?!

Рамон и Хлопуша крепко держали незнакомца за руки, а тот виновато посмотрел на игрока и хрипло проговорил:

– Прости, Тиш... Я не успел ничего сделать. Эти двое набросились на меня и связали по рукам и ногам.

Игрок не произнес в ответ ни слова. Он был хмур, суров и молчалив, а вид принял такой отрешенный, словно не имел к тому, что происходит, никакого отношения. И тогда заговорил Глеб.

– Я понимаю твою задумку, – сказал он. – Это твой напарник, верно? Он должен был подкараулить меня на улице и не дать мне улизнуть с твоими деньгами и моими годами. Верно?

– Верно, – ответил после паузы Тиш. – Его зовут Облакаст. Мы познакомились недавно и едва не убили друг друга при первой встрече. Но потом... потом мы решили, что лучше работать сообща. Тем более что оба мы...

Он замолчал и закусил губу.

– Оба вы – дети падших богов, – спокойно продолжил прерванную фразу Глеб. – И я приехал сюда за вами.

5

Отряд Глеба Первохода двигался по заросшей травой лесной дороге. От намокших под недавним дождем высоких трав мокли ноги, а легкий ветерок время от времени осыпал с веток дождевые капли, и тогда путники невольно ежились от попавшей за шиворот влаги.

– Двоих мы взяли, – сказал Рамон ходоку, правя лошадку в объезд неглубокой ямки. – И заполучить их оказалось совсем несложно.

– Трoих, – поправил Глеб. – Зоряна может изменять структуру тела и превращаться во что угодно. Тиш – настоящий энергетический вампир, которому к тому же чертовски везет в игре. И этот малый Облакаст, который управляет воздушными потоками, как пастух – овечьим стадом. Всего – трое.

– А сколько еще осталось? – тихо поинтересовался Рамон, стараясь, чтобы ветер не отнес его слова к детям падших богов, ехавшим позади.

– Четверо, – ответил Глеб.

– Ты их чувствуешь?

– Да. Я знаю, где их искать.

– Четверо! – пробасил подъехавший Хлопуша и недовольно крикнул. – И каких фокусов нам от них ожидать?

Рамон посмотрел на него с укором и на мгновение прижал палец к губам, призывая говорить тише, а Глеб, которого, похоже, ничуть не беспокоило, что мутанты могут его услышать, ответил:

– Один из четверых умеет, подобно Фениксу, сжигать себя и возрождаться из пепла целым и невредимым. Еще один умеет предсказывать будущее, но недалеко, всего на минуту-две.

Хлопуша присвистнул и уточнил:
– А оставшиеся двое?
– Их я чувствую хуже, – нехотя признался Глеб. – Кажется, они умеют воздвигать вокруг себя силовое поле.
– Поле?
– Невидимую стену, – пояснил Первоход. – Поэтому я чувствую их очень слабо.
Хлопуша обдумал слова Глеба и вздохнул.
– Что-то мне подсказывает, что эти двое окажутся для нас самым тяжелым испытанием, – сказал он.
Глеб посмотрел на него насмешливым взглядом и поинтересовался:
– Уж не боишься ли ты, здоровяк?
– Боятся девицы перед первой брачной ночью, – отчеканил, приосанившись, Хлопуша. – А я – опасаюсь.
– Не волнуйся, дружище, – успокоил его Первоход. – Самое страшное, что нас может ждать, – это смерть. А, насколько я помню, ты никогда не собирался жить вечно.
– Твоя правда, – усмехнулся Хлопуша. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Только я не пойму, Первоход: откуда ты знаешь про этого, с огнем в голове, и про другого, который умеет предсказывать будущее?
– Науке об этом ничего не известно, здоровяк, – абсолютно честно и серьезно сообщил Глеб. – Но думаю, что за мое ведьминское всеведение нужно благодарить Громола.
– Ясно, – кивнул Хлопуша, посчитав тему закрытой.
Затем (должно быть решив, что долгая дорога без веселых песен может привести только в ад) пристукнул лошадку пятками по бокам, выехал вперед и запел хрипловатым басом:

Вот –
Новый поворот!
И мотор ревет!
Что он нам несет...

Внезапно оборвав песню, Хлопуша обернулся к Глебу и озадаченно проговорил:
– Первоход, давно собирался тебя спросить – что такое «мотор»?
– Мотор? Ну, это... сердце машины.
– А, ясно, – кивнул Хлопуша. И хотел уже продолжить песню, но снова обернулся и уточнил: – А что такое «машина»?
– Железный конь, – ответил Глеб.
Здоровяк наморщил широкий лоб, пытаясь осмыслить слова Глеба. Потом махнул рукой, набрал полные легкие воздуха и снова заголосил:

Вот –
Новый поворот!
И мотор ревет!
Что он нам несет?
Пропасть или взлет?
Омут или брод?
И не разберешь,
Пока не повернешь
За па-ва-рот...

* * *

Где-то вдалеке замычала корова. Звук этот, сам по себе обыденный, заставил Первохода насторожиться. Он велел своим спутникам спрятать коней за деревья, а самим укрыться в подлеске по обе стороны дороги.

– Возможно, это дреговичские разбойники, которые гонят через лес отбитую скотину, – пояснил Глеб в ответ на недоуменные вопросы Хлопуши и Зоряны (все остальные предпочли подчиниться молча).

Осторожность, впрочем, оказалась напрасной. По лесу шли не разбойники, а беженцы с небольшим стадом коров и тремя телегами, доверху набитыми подгоревшим скарбом.

Первоход разрешил своему отряду выйти из укрытия, а сам преградил дорогу телегам и громко осведомился:

– Кто такие?

– Беженцы мы, – ответил за всех пожилой мужик, держащий в руке косу, насаженную на длинный держак. – Из села Чуйкова. А вы?

– Мы? Княжьи люди.

В глазах крестьян появилось явное облегчение.

– Что же с вами случилось? – спросил Глеб. – От чего вы бежите?

Беженцы стали рассказывать. Рассказывали они, как водится, все разом, перебивая и перекрикивая друг друга. Бабы, не давая мужикам договорить, принялись перечислять добро, которое пришлось оставить в разграбленном селе на верную погибель.

Из всего этого многоголосья понять удалось следующее. На село Чуйково напали разбойники. Дома разграбили и сожгли. Половина сельчан разбежалась по лесу, а уцелевшие побросали на телеги то, что удалось спасти, и двинулись куда глаза глядят, лишь бы подальше от разбойников и их острых мечей.

– Сколько было разбойников? – спокойно осведомился Рамон.

– Немного, – ответил белобрысый парень, вооруженный наточенными вилами. – Два десятка или около того.

– Но все вооружены до зубов, – добавил пожилой мужик, шедший во главе каравана. – И еще – все они бывшие ратники.

– Откуда знаешь? – деловито спросил Хлопуша.

Мужик вздохнул.

– Это видно. По стати. По тому, как ловко они владеют мечом и копьем. Один из них, сухопарый, с рваной ноздрей, изрубил мечом троих наших самых крепких и драчливых мужиков – и сделал это играючи, почти не глядя.

– А на некоторых из них под кафтанами – медные латы, – вспомнил белобрысый парень. – У сухопарого – нагрудник, у другого – кольчуга, у третьего – шелом... Это еще не все, – сказал белобрысый парень, но пожилой строго на него посмотрел, и он поспешно сомкнул губы и отвернулся.

– Чего замолчал? – спросил, глядя на парня, Глеб. – Начал говорить, договаривай.

Парень нахмурился и виновато проговорил:

– Боимся, что ты примешь нас за сумасшедших.

– Не приму, – пообещал Глеб. – Выкладывай все как есть.

– Разбойники пришли в село не одни, – тихо сказал парень. – Ну, то есть не сами по себе.

– Как это? – не понял Глеб.

Парень посмотрел на пожилого мужика. Тот кивнул, и парень, снова устремив взгляд на Первохода, ответил:

– С ними была темная тварь. Очень страшная темная тварь.

– Волколак?

Парень качнул белобрысой головой.

– Нет.

– Тогда кто же?

– Зверь.

– Зверь? – в один голос переспросили Глеб, Хлопуша и Рамон.

Пожилой мужик кивнул.

– Да, зверь. Только не простой, а крылатый. И... очень огромный. С избу нашего старосты, никак не меньше.

– Из пасти у него льется живой огонь, – добавил белобрысый. – А когти у него – как большие железные гвозди. Такие же крепкие и острые.

Глеб и Рамон переглянулись. А Хлопуша, недоверчиво прищурившись на мужиков, уточнил:

– Мужики, а вы случайно не дерябнули с перепугу-то? Может, какой настойки по пути выпили – в лечебных целях?

Пожилой мужик хмуро посмотрел на белобрысого и сердито сказал:

– Я ведь говорил тебе, чтоб ты держал язык за зубами. В такие рассказы ни один человек не поверит.

– Погоди браниться, дядя, – оборвал его Глеб. – Сколько до вашего села верст?

– Восемь или десять к северу отсюда, – ответил пожилой.

– И куда вы сейчас?

– В деревушку Ендову. Это в тридцати верстах к востоку, за болотами. Мы через болота дорогу знаем, а вот разбойники вряд ли.

– И что будете делать, когда туда придете?

По толпе беженцев пронесся ропот, а пожилой мужик чуть прищурил морщинистые веки и ответил за всех:

– Что делать? Да то же, что и всегда, – жить.

Вскоре беженцы продолжили свой путь в деревушку Ендову, а путешественники провели импровизированный военный совет.

– Что скажешь, Первоход? – в своей обычной, вежливой и мягкой, манере поинтересовался Рамон.

– Ничего, – ответил ему Глеб, тоже в своей манере – сухой и грубоватой. – А что ты хочешь услышать, толмач?

– Беженцы сказали, что разбойников всего двадцать человек.

– Они также сказали, что все эти разбойники – сильные и умелые воины. Скорее всего, беглые ратники, сбившиеся для промысла в банду. И все они отлично вооружены.

Рамон склонил голову, как бы соглашаясь с каждым словом Глеба, а потом проговорил:

– Мы тоже отряд. И хотя нас не двадцать, но каждый из нас стоит двоих. Не говоря уже про ту троицу, ради которой мы неделю месили грязь на здешних большаках.

Глеб одарил Рамона мрачным взглядом, потом усмехнулся и обратился к Хлопуше:

– Слышал, здоровяк? Твой друг толмач предлагает напасть на ватагу разбойников и отнять у них то, что они отняли у крестьян. Он утверждает, что каждый из нас стоит двух сильных ратников. Что ты на это скажешь, Хлопуша?

– Скажу, что Рамон свихнулся, – пробасил Хлопуша, выпятив грудь. – Каждый из нас стоит двух ратников? Лешего тебе в бок, толмач! Да я один стою половины их мерзкого отряда!

Глеб посмотрел на самоуверенного верзилу задумчивым взглядом и проронил многозначительное:

– Н-да. – После чего повернулся к троице детей падших богов. – Эй, супермены! Как насчет того, чтобы употребить свои силы на доброе дело и расправиться с разбойниками, озорующими в этих лесах?

Несколько секунд порождения хвостатой звезды молчали, а потом Тиш сказал:

– Не знаю, как другие, а я поклялся следовать за тобой туда, куда ты меня позовешь, ходок.

– А я поклялась искоренить разбойницу в своей душе, – весело сверкнув озорными глазами, заявила Зоряна. – А как же я ее искореню, ежели буду потворствовать разбойникам?

Глеб выслушал их, а потом остро взглянул на повелителя погоды.

– А что скажешь ты, Облакаст?

Белокурый и кудрявый, как одуванчик, Облакаст усмехнулся и ответил беззаботным голосом:

– Я ни в чем тебе не клялся, ходок. Но если речь заходит о драке, то я тут как тут. Такой уж у меня нрав.

Первоход вздохнул и молвил, едва удерживаясь от улыбки:

– Неразумный у меня подобрался отрядик. Но раз вы сами хотите... Что ж, поехали схлестнемся с этим таинственным Зверем. Надо же как-то посмотреть на вас в деле!

Он хлопнул Облакаста по плечу и первым зашагал к своему коню.

6

К селу подъехали еще засветло. Как только вдали блеснул огонь, спешили с коней и, привязав их к деревьям, продолжили путь своим ходом.

Ветерок разносил дым по округе. Казалось, что пламя вздымается от самой земли. По-видимому, огонь горел в какой-то ложине.

Путники миновали опушку и через густой орешник и куст белой ольхи разглядели горящие избы. Ближайший дом обрушился прямо у них на глазах, сноп искр взлетел вверх и приземлился на соломенную крышу сарая. Крыша моментально вспыхнула.

Чуть в стороне, возле сгоревшего хлева, еще торчали добела обгоревшие стропила.

– Прежде чем напасть на этих гадов, нужно разузнать, что за чудовище их сопровождает, – сказал Хлопуша.

– Как же мы это узнаем? – поинтересовался кудрявый Облакаст.

Хлопуша вопросительно посмотрел на Глеба, словно переадресовывал этот вопрос ему, тот пожал плечами и небрежно ответил:

– Возьмем «языка». Вы оставайтесь здесь, а я схожу в село и посмотрю, что почем. Если не вернусь через полчаса... – Глеб осекся, помолчал пару секунд, а потом усмехнулся и сказал: – В общем, ждите здесь, а я вернусь – не через полчаса, так через час. И не высовывайтесь, ясно? Хлопуша, особенно это касается тебя.

Получив от здоровяка клятвенное заверение в том, что он будет сидеть «тише жука, ниже травняка», Глеб зашагал вокруг села.

Чутье не обмануло Первохода. Разбойники расположились лагерем в двух верстах от горящего села. Они бы ушли и дальше, но жадность не дала им этого сделать прежде, чем вся добыча была бы поделена.

Глеб наблюдал за негодяями, укрывшись в канаве и выглядывая через ветви засохшей акации. Все было в точности так, как рассказывали беженцы. Два десятка разбойников. Судя по виду – из бывших ратников. Скорее всего, дезертиры или злостные нарушители воинской дисциплины, бежавшие из-под ареста.

Разбойники уже успели напиться браги и теперь гоготали, расшвыривая по сумкам дорогие вещи и примеряя на себя женское тряпье. Глеб наблюдал за ними спокойно и терпеливо, ожидая подходящего момента, чтобы применить свои навыки. И момент этот настал.

Один из разбойников отделился от прочих и зашагал к рощице берез – явно собираясь справить там нужду. Это был рослый мужик в нагольной шубейке и поношенных сапогах. На голове у него был мятый и исцарапанный во множестве боев медный шлем.

Глеб выбрался из своего укрытия и, пригнувшись, перебежал к березам. Разбойник расстегнул портки и помочился, а когда он уже собирался повернуть обратно, Глеб дикой кошкой выскользнул из кустов и ударом кулака сшиб верзилу с ног.

Один сапог слетел с ноги разбойника, из него вывалились несколько медных монет и острый короткий нож. Разбойник с невероятной скоростью подхватил нож и сделал резкий выпад, попытавшись насадить Глеба на острое лезвие. Первоход увернулся и вторым ударом кулака вышиб из разбойника дух.

...В себя верзила пришел лишь через двадцать минут. К тому моменту он уже был привязан к стволу дерева, а прямо перед ним, скинув кафтан и засучив рукава рубахи, стоял со зверской рожей Хлопуша. Остальные путешественники, за исключением Глеба, стоявшего рядом с Хлопушей, сидели чуть поодаль, на полусгнившем бревне.

— А, очухался! — обрадовался Хлопуша и пристукнул правым кулаком в левую ладонь. — Хорошо! А то я уж, брат, заждался.

— Я тебе не брат, — прохрипел разбойник и презрительно плюнул Хлопуше под ноги. Затем перевел взгляд на Глеба и добавил свирепым голосом: — А с тобой, охотник, мы еще сочтемся. Скоро меня хватятся, и тогда вам конец.

— Хватятся тебя не скоро, — возразил Первоход. — Твои поделщики «пилят» добычу и заливают глаза брагой. Если и хватятся, то не раньше чем через час. А за это время мой друг разберет тебя на части, соберет и снова разберет.

— Что верно, то верно, — веско поддакнул Хлопуша, прищурился и, не теряя больше ни секунды, приступил к допросу:

— Расскажи нам про вашего Зверя, разбойник. Каков он? Откуда взялся? И где вы его прячете?

Пленник посмотрел на Хлопушу ненавидящим взглядом и процедил сквозь зубы:

— Не ведаю, о чем ты толкуешь, толстяк.

Глаза Хлопуши заволокло красной пеленой, а рука его, сжатая в кулак, угрожающе поднялась.

— Еще раз назовешь меня толстяком, и я...

— Остынь, друг, — сказал ему Глеб. — Дай-ка я сам с ним поговорю.

Хлопуша проворчал что-то неразборчивое и нехотя отошел в сторону, а его место занял Глеб. Он посмотрел разбойнику в глаза и отчеканил:

— Меня зовут Глеб Первоход. Слышал это прозвище?

Во взгляде пленника загорелось опасливое любопытство.

— Слышал, — сказал он.

— А слышал, что про меня говорят люди?

— Что ты живьем жрешь младенцев и что слюна у тебя ядовитая, будто у оборотня.

Глеб кивнул.

— Верно. При этом младенцы мне ничего не сделали, и я не держу на них зла. А теперь представь, что я сделаю с тобой.

Разбойник наморщил лоб, и по лицу его пробежало что-то вроде судороги. По-видимому, он и впрямь попытался себе это представить.

Однако все это длилось лишь пару мгновений, а уже в следующую секунду разбойник гордо поднял голову и объявил:

— Я не боюсь смерти, ходок.

Глеб вскинул брови:

— А кто здесь говорит про смерть? — Он усмехнулся и покачал головой. — Нет, бродяга, я тебя не убью. Я тебя просто... укушу. А стоит мне кого-нибудь укусить, как тот миглом превращается в страшного упыря и отправляется бродить по лесу в поисках человеческой крови. Такая участь ждет и тебя.

Пленник молчал, исподлбывая разглядывая Первохода. И теперь в глазах его стоял страх. Глеб поднял с земли щепку и со значением поковырял ею в зубах, словно зубочисткой.

— Так что скажешь, бродяга? Сделать мне из тебя упыря или отправить на все четыре стороны целым и невредимым? Решать тебе.

Разбойник облизнул пересохшие губы и хрипло проговорил:

— Откуда я знаю, что ты не обманешь.

— А что на этот счет про меня говорят в народе?

— Что ты всегда держишь слово.

Глеб усмехнулся и кивнул.

– Ну вот.

– А ежели народ врет? – с сомнением произнес разбойник.

Глеб пожал плечами.

– Проверь сам. Если уцелеешь – сможешь ходить по кружалам и рассказывать обо мне людям. Без куска хлеба точно не останешься.

Некоторое время разбойник молча разглядывал Первохода, а потом вздохнул и заговорил:

– Наши ребята вытащили Зверя из силков возле Кривой балки, и случилось это два года тому назад. Тогда он был не больше быка-двухлетки. Но с тех пор он сильно вырос. Все это время мы подкармливали его. Порой он улетает, но всегда возвращается. Когда он с нами, мы нападаем на деревни и села и выжигаем их дотла. И никто не может нам противостоять.

– Два года... – задумчиво повторил Глеб. – И за это время он никого из вас не сожрал?

Разбойник мотнул головой:

– Нет. С полгода назад он откусил нашему казначею руку. Но тот сам был виноват – хлопнул чарку водки и стал выдирать у Зверя из пасти вяленое мясо, чтобы закусить.

Хлопуша посмотрел на Первохода.

– Что об этом думаешь, Глеб?

– Думаю, что эта тварь не должна летать по кривичским лесам. И ни по каким другим лесам тоже.

7

Ветер нарастал. Под его порывами небольшие деревья и кусты сгибались так, что по временам скрывали из вида узкую расселину лесной тропы. Кроны гудели, ветки трещали. Почти невозможно было отличить обычный шум леса от подозрительных звуков, поминутно мерещившихся путникам то где-то впереди, то позади.

Захватить разбойников врасплох оказалось делом несложным, если не сказать плевым. Привыкшие к безнаказанности душегубы не ждали, что кто-то решится бросить им вызов. И, как это часто бывает с излишне самонадеянными негодьями, просчитались.

А было так. Глеб просто вышел из-за дерева и одним метким выстрелом прострелил грудь разбойнику, куча награбленного добра перед которым была выше, чем перед другими. Душегуб рухнул на траву, а остальные негодяи пригнули головы и оцепенели от ужаса, боясь даже посмотреть на незнакомца, сжимающего в руках смертоносный Посох Перуна.

Вслед за Глебом из-за деревьев вышли его спутники.

– Сидите на месте, мерзавцы, и останетесь живы! – громко сказал Первоход. – Облакаст, Хлопуша, Тиш, соберите у них оружие и сложите его... вон в ту канаву за кривой сосной. А ты, Рамон, свяжи им руки. Ты в этом деле чертовски ловок.

Мужчины принялись за работу, а Зоряна спросила:

– А мне что делать, Глеб?

– Тебе? – Он улыбнулся. – Просто стой рядом. Для красоты.

Зоряна насупилась, но ничего на это не сказала.

Через десять минут мечи, луки, стрелы, кинжалы и боевые топоры громоздились в канаве, а руки разбойников были крепко связаны за спинами.

– Первоход, и что нам с ними делать теперь? – поинтересовался рассудительный Рамон. – Не в темницу же их вести. Да и нет поблизости этой темницы.

Глеб крепко задумался. Странная какая-то получилась победа. Разбойников обезоружили и пленили, а что с ними делать дальше – непонятно. По-хорошему, следовало бы согнать их в кучу, достать из ножен мечи и устроить негодьям Варфоломеевскую ночь. Но на это Глеб, ясное дело, пойти не мог.

Долго думал Первоход, пока его взгляд не упал на одного из разбойников, внешность которого даже на фоне далеко не обаятельных рож прочих душегубов отличалась уродством. Плешистая маленькая голова, широченные плечи, одна ноздря вырвана.

«Один из них, сухопарый, с рваной ноздрей, изрубил мечом троих наших самых крепких и драчливых мужиков – и сделал это играючи, почти не глядя», – вспомнил он слова беженца.

В голову Глебу пришла идея. Он вышел из задумчивости и громко окликнул:

– Эй, разбойнички, кто из вас самый лучший боец?

Несколько секунд душегубы молчали, потом один из них сказал:

– Самый ярый из нас – Храпун.

Разбойник с рваной ноздрей неторопливо поднялся с бревна. Посмотрел на Первохода холодными глазами и сипло обронил:

– Я Храпун.

Глеб оглядел его внимательнее. Длинные, мускулистые руки, поджарый торс, мощные грудная клетка и спина. Но главное – взгляд. Презрительный, жестокий, высокомерный взгляд воина, который никогда не встречал противника, которого не смог бы одолеть. Опасный враг.

Глеб кивнул:

– Отлично! Ты-то мне и нужен. Эй, разбойники! – снова обратился Глеб к душегубам. – Хотите, чтобы я вас отпустил?

– Кто ж не хочет, – тихо проговорил один из них.

– Ясно, хотим, – просипел другой.

– Отпусти – а там посмотришь, – буркнул третий.

Первоход взглянул на Рваную Ноздрю.

– Сразишься со мной один на один, – сказал он. – Победишь – отпустим вас на все четыре стороны с оружием и награбленным добром. Нет – разумею до босых ног и отправим блуждать по лесу безоружными и связанными. Решай сам.

Храпун потер щеку плечом и процедил:

– Как же мне с тобой воевать, смельчак? Бодать тебя лбом?

– Рамон, развяжи ему, пожалуйста, руки, – попросил Глеб.

Рамон кивнул, откинул с лица длинную черную прядь, шагнул разбойнику за спину и чиркнул лезвием по веревке.

Глеб обернулся, поднял с земли первые попавшиеся ножны с торчащей из них рукоятью сабли и швырнул Рваной Ноздре. Тот поймал ножны, молниеносно выхватил клинок и бросился на Глеба.

Выпад был столь стремительным, что Первоход едва успел отклониться. Клинок оцарапал Глебу скулу, и по щеке сбегала на шею струйка теплой крови.

Рваная Ноздря пробежал по инерции еще несколько шагов, остановился, постоял пару секунд, с изумлением глядя на свой рассеченный живот, потом рухнул на траву, еще пару раз дернулся и отдал богам душу.

– Незагрязненность репутации подтверждена при ампутации, – глубокомысленно изрек Глеб. Затем тщательно вытер клинок меча пучком травы и вложил его обратно в ножны. Повернулся к разбойникам, окинул их насмешливым взглядом и сказал: – Не повезло вам, ребята. Но бой был честным, и моя совесть чиста. Хлопуша, стянешь с их ног обувь?

– Стяну, Первоход. Еще как стяну!

– Как стянешь, дай каждому из них хорошего пинка, и пусть идут, куда хотят.

– А что будем делать с их оружием и скарбом? – спросил Облакаст, глядя на груды мечей, луков и топоров, горой торчащую над краем канавы.

– Со скарбом ничего делать не будем. Чего с ним сделаешь – со скарбом? А что до оружия... Это все-таки трофеи. Выберите себе, что поприличнее, а остальное – сожгите.

И в этот миг один из разбойников соскочил с бревна, боднул Хлопушу головой в живот, пробежал пару шагов, а потом резко вскинул голову и громко-громко свистнул.

Свистнул бы и второй раз, но кулак Хлопуши вколотил ему этот свист обратно в глотку. Подхватив падающего разбойника за шиворот, Хлопуша без особых усилий подтащил его к бревну и швырнул на траву.

– Рассвистелся, – недовольно проворчал он. – Прямо Соловей-разбойник какой-то.

– О боги! – вскрикнула Зоряна и показала на что-то пальцем.

Все повернули головы и взглянули туда, куда она указывала. По небу, тяжело взмахивая громадными крыльями и почти задевая верхушки деревьев чешуйчатым брюхом, летела огромная тварь, в сравнении с которой страшная спуржун-птица из Гиблого места выглядела бы обыкновенной вороной.

– Облакаст! – крикнул Глеб почти торжественно. – Твой выход, парень!

Повелитель ветров кивнул кудрявой головой и выступил вперед. Вскинув руки к небу, он прикрыл веки и что-то забормотал. Тучи с невероятной быстротой сгрудились над лесом, повергнув поляну в зловещий сумрак, а затем сверкнула молния, и по небу пронесся раскат грома.

Налетевший шквальный ветер подхватил огромное тело Зверя и крутанул его в воздухе, а из тучи ударила ослепительная молния и поразила чудовище в голову. Зверь взмахнул крыльями, стараясь сохранить высоту, и затряс головой, но тут новый порыв ураганного ветра подхватил его, снова несколько раз крутанул в воздухе, а затем с размаху ударил его оземь.

Падая, громадное тело Зверя сбilo несколько молодых сосен и с грохотом обрушилось на поляну, подняв облака пыли, грязи и лесного мусора.

Голова на длинной шее взметнулась в воздух и, щелкая большущими зубами, попробовала дотянуться до путников, но те поспешно отбежали назад, выставив перед собой обнаженные мечи.

– Тиш, теперь ты! – скомандовал Глеб.

Рябой игрок шагнул к Зверю и поднял руки. В тот же миг из ладоней его выскочили тончайшие, невесомые, серебрящиеся в тусклом свете сумерек нити, устремились к чудовищу и оплели его. А в следующее мгновение голова Зверя бессильно опустилась на землю, перепончатые крылья в последний раз взметнулись в воздух и тяжело обвисли по обеим сторонам грузного чешуйчатого тела.

Зверь еще дышал, но выглядел так, будто не только безмерно состарился, но и просто устал жить на этом свете.

Тиш опустил руки, поднял лицо к небу и блаженно прикрыл глаза. Морщинки на его лбу и щеках совершенно разгладились, подбородок приобрел более четкие очертания, а губы ярко заалели, словно у молодой девушки, злоупотребляющей косметикой.

Немного постояв так, игрок повернул голову к Глебу и сказал:

– Я выпил его жизнь, Первоход. Зверь нам больше не страшен.

Путники облегченно вздохнули. Лишь Зоряна недовольно наморщила нос и спросила:

– А что делать мне?

Первоход посмотрел на нее задумчивым взглядом и ответил:

– Зверь все еще жив. Если хочешь – пойди и добей его.

Зоряна несколько мгновений гневно смотрела на Глеба, потом резко развернулась и зашагала к костровищу.

– Ну, как знаешь. – Первоход достал из кобуры ольстру и двинулся к тяжело дышащему чудовищу, чтобы одним выстрелом положить конец его мучениям.

* * *

– Хорошая была битва, – сказал Хлопуша, склонившись над ручьем и засучивая рукав.

– Да, неплохая, – согласился Рамон.

Тиш, Облакаст и Зоряна умывались чуть повыше по ручью.

Глеб посмотрел на Зоряну. Каждый раз, когда девушка плескала воду себе на лицо, по щекам ее пробегала радужная волна. А когда вода стекала с ее острых скул на землю, капли сверкали так, словно были бриллиантовыми. Зрелище казалось необыкновенно красивым.

Зоряна почувствовала его взгляд, быстро подняла голову и спросила:

– Что?

– Ничего, – ответил Глеб и отвел взгляд.

Некоторое время девушка смотрела на него, потом улыбнулась понимающей, озорной улыбкой и снова опустила руки в холодный поток ручья.

– Эй, ходок! – окликнул Глеба белокурый и кудрявый, как облако, повелитель погоды. – Враг, против которого нам предстоит выступить, будет столь же страшен, как этот крылатый Зверь?

Глеб криво ухмыльнулся.

– Что ты, Ветерок, конечно, нет. Неужели ты думаешь, что я потревожил бы тебя из-за пустяка? Враг, против которого нам предстоит выступить, в тысячу раз сильнее этой летающей ящерицы. Так что скучать тебе, Ветерок, не придется.

– Рад это слышать, – отозвался Облакаст, впрочем, довольно кислым голосом. – Но я бы предпочел, чтобы ты «потревожил меня из-за пустяка». Это было бы не так интересно, но и не так хлопотно.

– Я это учту, Ветродух, – снова заверил его Глеб. – А теперь подойди сюда и подуй мне на ранку. В детстве мне это часто помогало.

Глава четвертая ОХОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1

Село Крутоярово, Дреговичское княжество

Детина был такого огромного роста, что даже Хлопуша чуть достигал его плеча. Кость у детины была мощная и широкая, но щеки его ввалились то ли от голода, то ли от измождения, а живот был впалым, словно у бродячего пса.

Детина сидел на завалинке покосившейся избы, вытянув огромные ноги в добротных сапогах, и с интересом разглядывал кусок грязи, прилипший к пальцу.

– Кто это? – удивленно спросил Глеб.

– Братимир, – ответил ему местный житель, которого он привлёк блеском начищенной медной монеты. – Наш деревенский дурачок.

– Вот ведь как судьба издевается над людьми, – горестно проговорил Хлопуша. – Надо же было такому великану родиться без мозгов. По виду он настоящий богатырь.

– А он и был богатырем, – сказал местный житель. – Еще месяц тому назад. Приехал к нам на ярмарку, показать себя, да тут и остался.

– Что же с ним случилось? – спросил Рамон. – Какая беда могла превратить храброго богатыря в пугливого деревенского дурачка?

– Да никакой особой беды с ним не приключалось, – ответил местный житель. – Просто связался Братимир не с тем. Коли хочешь, так я расскажу.

При этих словах мужик выразительно посмотрел на карман Глебовой куртки.

– Ну, расскажи, – согласился Глеб, достал из кармана еще одну медную монетку и протянул ее мужику.

Заполучив монету, тот приветливо улыбнулся и приступил к рассказу:

– Дело было так...

Рассказывал он долго, с чувством и расстановкой, не упуская ни одной детали. А закончив, перевел дух и сказал:

– С тех пор Братимир и живет в нашем селе. Мы его подкармливаем – кто чем. Но такого детину прокормить непросто, вот он и отошал. Видели бы вы его прежде – нынешний вполтину тощее того.

– Ничего не понимаю, – пробурчал Хлопуша, принявший беду богатыря близко к сердцу. – Как мог обыкновенный тощий хлыщ одолеть такого великана?

– Того никто не ведает, – ответил мужичок. – Видали только, как выполз богатырь из амбара сам не свой. И после уже в себя не приходил.

– А что было в амбаре? – не сдавался Хлопуша. – Амбар-то вы проверили?

– Как не проверить, проверили.

– И чего?

– Да ничего. Нашли две обгорелые головни да учуяли запах жженого мяса.

– И все?

– И все.

Хлопуша вздохнул и повернулся к Глебу.

– Ты слышал это, Первоход? Кажется, Феникс, о котором ты говорил, оставил здесь свои следы.

Глеб не ответил. Он достал из кармана еще одну монетку, посмотрел на мужичка и спросил:

– Как думаешь, куда он мог податься?

– Ты про тощего хлыща?

– Да.

Мужичок посмотрел на монетку, которую Глеб сжимал в пальцах, и ответил:

– Пошел он на юг. А моя племянница Рында слыхала, как незадолго до драки с богатырем хлыщ рассказывал в кружечном доме про то, что некоторые куры в его селе так велики, что не могут пролезть в собачью будку. Якобы пошли те куры в рост после того, как в небе пронеслась хвостатая звезда.

– Вот оно что, – задумчиво протянул Глеб и крутанул монетку в пальцах так, чтобы она блеснула. – А не говорил ли тот хлыщ, как называется его село?

– Кажись, говорил.

– И как же?

Мужичок снова посмотрел на монетку, сглотнул слюну и ответил:

– Не то Клавиха, не то Клабиха. Точно не помню, а соврать боюсь.

– Что ж... ты много нам рассказал, друг. Вот тебе за сговорчивость.

И Глеб швырнул мужичку очередную монетку.

– Что, даже не остановимся пообедать? – изумился Хлопуша.

– Нет. Купим в лавке все, что нужно, и отправимся на восток. Если повезет, приедем в Кладиху еще до темноты.

– Так ты слышал про это село?

– Да. Несколько лет назад я проезжал его по дороге к Эльсинскому озеру.

– И что, там и впрямь такие огромные куры, как рассказывал доходяга? – оживился Хлопуша.

Глеб усмехнулся.

– Не знаю. Когда я там был, сельчане жили бедно, и взрослые курицы у них были мельче двухмесячного хлынского цыпленка. Но, как показывает опыт, с тех пор мир сильно переменялся. И далеко не в лучшую сторону.

* * *

До развилки доехали быстро. В землю была вкопана толстая палка, к ней прибита широкая доска. А на той доске черной краской была намалевана надпись. Приглядевшись, Первоход увидел, что сделана она на славянской клинописи и на глаголице.

Хлопуша подъехал ближе и прочитал вслух то, что уже прочел за минуту до этого Глеб:

– «С. Кладиха. 5 верст. Ехать не надо – ибо сильно опасно».

Хлопуша повернулся к Глебу и сказал:

– Обычно такие доски вешают перед селами, которые поразила моровая болезнь.

– Да, я знаю, – отозвался Глеб, – но этих людей поразила не моровая болезнь.

Первоход замолчал, слегка привстал на стременах и зорко оглядел окрестность. Затем прислушался. Он не услышал ничего подозрительного, только гудел за спиною лес да ветер свистел над сухой, заросшей лебедою поляной.

Первоход вновь опустился в седло, глянул на детей падших богов и сказал:

– Тут написано, что до села Кладихи осталось пять верст и что ехать туда очень опасно. Не знаю, что там у них стряслось, но думаю, что доска эта не врет. Здесь хорошее место для ночлега. Разожгите костер, подкрепитесь вяленным мясом и ждите меня.

– Ты собрался ехать в Кладиху один? – удивленно спросила Зоряна.

– Да.

– Но ведь это настоящее самоубство. Нешто ты сам не понимаешь, ходок?

Толмач Рамон откинул с лица длинную, черную прядь волос, сдвинул изысканные брови и сказал:

– Первоход, девушка права. Тебе не стоит ехать в село одному.

– Да что там обсуждать! – прогудел Хлопуша. – Я просто не пущу тебя туда, и все тут! Встану поперек дороги – и попробуй меня сдвинь!

Глеб некоторое время размышлял, потом сказал:

– Если так, то я возьму с собой двоих.

– Вот это дело! – улыбнулся Хлопуша.

– Рад, что к тебе вернулось здравомыслие, друг, – заметил Рамон.

Однако Глеб не посмотрел ни на богатыря Хлопушу, ни на толмача Рамона. Взгляд его был устремлен на Тиша и Облакаста.

– Я возьму с собой вас двоих, – сказал им Глеб.

Игрок Тиш пожал плечами и обронил:

– Как скажешь. Я твой должник.

А кудрявый повелитель погоды улыбнулся и сказал:

– Я и не мечтал о такой чести, Первоход. Буду рад тебе помочь.

– Глеб, отъедем на пару слов, – попросил Хлопуша, мрачно мерцая голубыми глазами.

Первоход пожал плечами и тронул коня с места. Отъехав достаточно далеко, чтобы не быть услышанными Облакастом, Тишем и Зоряной, они остановились.

– Глеб, – взволнованно пробасил Хлопуша, – ты не должен брать с собой Тиша и Облакаста.

– Почему?

– Потому что я им не доверяю! И ты тоже им не доверяешь, просто не хочешь себе в этом признаться.

Глеб улыбнулся.

– Ты думаешь, что знаешь меня лучше, чем я сам, здоровяк?

– Знаю, – веско проронил Хлопуша. И повторил с нестигаемым упрямством в голосе: – Знаю. А вот *их* я не знаю. И ты тоже *их* не знаешь. А потому – делай со мной, что хошь, только я этих упырей-чародеев с тобой не отпущу.

Глеб долго размышлял над словами друга, потом негромким и совершенно серьезным голосом заявил:

– Я понимаю, что ты тревожишься обо мне, Хлопуша. И ценю это. Но ты ведь помнишь, что я необычный человек. Я могу чувствовать опасность задолго до того, как та появится. И я чувствую, что если со мной пойдешь ты или Рамон, этой опасности не избежать.

Веки здоровяка дрогнули.

– Ты правда это чувствуешь? – с горечью спросил он.

Глеб кивнул.

– Да. Я бы с радостью взял с собой тебя, но чутье подсказывает мне, что обратно мы в этом случае не вернемся.

– Будь проклято твое чутье, Первоход. Не знаю, много ли пользы оно тебе принесло, но мне оно не принесло ничего, кроме огорчений.

Хлопуша повернул лошадь и подъехал к спутникам.
– Ну, что? – с надеждой спросил Рамон.
– Первоход поедет в Кладиху с Тишем и Облакастом, – пробасил Хлопуша. – А мы с тобой и с Зоряной будем дожидаться его здесь.
Рамон несколько секунд молчал, отказываясь верить сообщению здоровяка, а затем уточнил:
– Это его последнее слово?
– Да, – ответил Хлопуша и вздохнул. – Это его последнее слово.
Толмач пощипал длинными пальцами ухоженную бородку и проговорил со вздохом:
– Видимо, у него и впрямь есть на то веские основания. Что ж, пусть будет так, как он хочет.

2

К востоку обзор был скрыт за крутым взгорьем, поднимавшимся примерно на версту. По взгорью желтой лентой извивалась раскисшая от дождей и местами поросшая травой дорога. Из соображений безопасности Глеб, Облакаст и Тиш пошли не по ней, а сбоку, прямо по полю. Прежде тут были обработанные угодья, нынче же они заросли бодяком и конским щавелем. Кое-где в траве уже торчали посеянные ветром кусты тальника.

– Почему ты не взял с собой своих друзей, а взял нас? – спросил Облакаст.
– Нравитесь вы мне, – просто ответил Глеб.
Облакаст покачал светлой, курчавой головой.
– Нет. Причина в другом. Думаю, ты хочешь еще раз проверить нас в деле. Крылатый Зверь тебя не убедил. Я прав?

Глеб не посчитал нужным ответить.
– Дурень ты, Облакаст, – хмуро проговорил игрок. – Он взял нас с тобой, потому что не дорожит нашими жизнями. А Рамон с Хлопушей ему дороги.

Глеб взглянул на Тиша и сухо осведомился:
– Это единственное тупое предположение или есть и другие?
Тиш хмыкнул и мотнул головой.
– Нет.
– Тогда считаю наш диспут законченным. Впереди село. Держите язык за зубами и повнимательнее поглядывайте по сторонам.

Кладиха, к которой три путешественника вышли спустя минут пятнадцать, оказалась просторным селом на тридцать или сорок изб, последние из них терялись в густой рощице молодых березок и осин. Некоторые избы были опалены пожарами. А вместо двух из них остались лишь дворы с грудями обгоревших бревен и закопченными печками.

У крайней избы, на круглом обугленном пне-обрубке, сидел старик в длинной заношенной до дыр дохе. Других жителей ни на улицах, ни во дворах видно не было, зато ставни всех домов – и целых, и обгоревших – были плотно закрыты. Увидев путников, старик недовольно нахмурился.

– Будь здоров, отец! – поприветствовал его Глеб.
– И тебе не хворать, – глухо отозвался старик. – Кто такие будете? Чего надобно?
Первоход осмотрелся и ответил вопросом на вопрос:
– А это какое село, отец?
– Кладиха, – ответил тот прежним недовольным голосом. – Только на кой ляд вы сюда приперлись, страннички? Нешто не видали указателя возле речки?
– Указатель мы видели, – ответил за всех Глеб. – Но не поняли, чего нам стоит опасаться.

Старик махнул морщинистой рукой.
– Теперь уж все равно. Обратного-то он вас не выпустит.
– Кто? – спросил игрок Тиш. – Про кого ты говоришь, дедушка?

– Про того ублюдка, которого двадцать пять лет назад родила Сторожея. Наши все его боятся, а я – нет. Мне уже нечего терять. – Дед поднял лицо к небу и крикнул: – Слыхал, печеный? Не боюсь я тебя! Хоть жги меня лютым пожигом!

Облакаст тронул Глеба рукою за плечо, и когда тот повернулся, сказал:

– Тот, кого мы ищем, здесь. Верно?

– Похоже на то, – кивнул Глеб. – Искать его по дворам у нас нет времени. Поэтому поступим проще.

– Как? – спросил хмурый Тиш.

– Бросим ему вызов.

Глеб вынул из кобуры ольстру, поднял ее вверх и нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела потряс тишину села и раскатистым громом прокатился по крышам домов.

– Эй, Феникс! – крикнул Первоход. – Мы пришли изгнать тебя из этого села! Ты ничтожный слабак, и если вздумаешь нам мешать, мы стянем с тебя портки и выпорем розгами на виду у всего честного народа!

Старик смотрел на Глеба как на полоумного.

– Зря ты так, – произнес он с упреком. – Я-то свое пожил, мне нечего терять. А тебя жаль. И спутников твоих жаль. Теперь уж он никого из вас целыми не отпустит.

– Первоход, смотри! – воскликнул Облакаст.

Глеб посмотрел. В конце прямой, не слишком длинной улицы стоял человек. Был он безбород, безус, и главное – лыс, как колено.

– Нарисовался, – сухо проронил Глеб и положил ольстру цевьем на левую ладонь, нацелив ее в лысого чародея. – Будьте с ним очень осторожны, – предупредил он Тиша и Облакаста. – И помните: он нам нужен живьем.

Лысый двинулся с места и быстро зашагал навстречу Глебу. Порыв ветра взметнул с улицы несколько сухих листков, закружил их и отнес в сторону. Внезапно Глеб ощутил себя героем лихого вестерна. Палец его лежал на спусковом крючке ольстры. Лысый незнакомец («Юл Бриннер, не иначе», – подумал, усмехнувшись, Глеб) стремительно приближался, но в руках у него не было никакого оружия.

Глеб поднял ольстру и сунул ее в кобуру. Затем опустил руку и неторопливо двинулся навстречу лысому чародею. Несколько секунд они молча приближались навстречу друг другу, а потом лысый парень как-то странно двинул ладонями, резко сорвался с места, в несколько прыжков достиг Глеба и схватил его за плечи. Первоход успел заметить свежие, кровоточащие разрезы у основания ладоней чародея, а в следующее мгновение из этих разрезов вырвались всполохи голубого огня.

Огонь вот-вот перекинулся бы на плечи Глеба, но он резко ударил чародея лбом в переносицу, а затем пнул его сапогом в живот. Чародей отлетел назад, и его вскинутые вверх пылающие ладони были похожи на два больших голубых цветка.

Лысый чародей снова сорвался с места, но на этот раз он бросился не на Глеба, а на Облакаста. «Одуванчик», действуя почти машинально, выхватил из ножен меч и рубанул лысого чародея по груди.

– Нет! – завопил Глеб, но было уже поздно.

Из рассеченной груди чародея вырвался сноп голубого огня, и языки его устремились к Облакасту, Тишу и Глебу.

Глеб увернулся от голубого всполоха, прыгнул к чародею и, резко присев и крутанувшись вокруг собственной оси, ударил его ногой по лодыжкам. Лысый чародей рухнул на землю, и языки голубого пламени, уже почти достигшие Облакаста и Тиша, изменили направление и устремились вверх.

– Тиш! – крикнул Глеб. – Вытягивай из него силу!

Игрок поднял правую ладонь и направил ее на объятую пламенем чародея. Лысый чародей возрождался из огня, чтобы стать еще сильнее и крепче, чем прежде, но стоило ему налиться жизненной силой и поднять голову, как он тут же распадался снова, словно был создан из песка, на который налетали порывы ветра.

Это продолжалось с полминуты, после чего игрок опустил руку, побагровел и хрипло задышал.

– Что с тобой, Тиш? – быстро спросил Глеб.

– Я полон... – хрипло выдохнул игрок. – Полон его жизненной силой... Под завязку... Еще чуть-чуть, и она меня разорвет.

– Не сдавайся! – Глеб повернулся к оцепеневшему от удивления повелителю погоды и приказал:

– Облакаст, нагони туч и обрушь ему на голову ливень!

Облакаст кивнул и вскинул руки к небу. А лысый чародей уже поднимался с земли, глядя на своих обидчиков пылающими злобой глазами...

3

Ветер почти утих, небосвод прояснился, над кронами деревьев белел серпик молодого месяца. Где-то в отдалении завывал волк, но после многочисленных схваток с оборотнями вой простого волка не слишком-то тревожил Рамона и Хлопушу. Да и Зоряну он, как видно, не напрягал. С час назад она объявила, что хочет спать, забралась под рогожу и накрылась с головой.

Рамон и Хлопуша сидели у костерка и смотрели на огонь, время от времени вороша угли или подбрасывая в костерок несколько веток.

– Знаешь, что я думаю? – пробасил Хлопуша.

– Что? – спросил Рамон.

– Я думаю, Глеб не взял нас с тобой, потому что мы ему дороги. Он просто не захотел подвергать нас опасности.

Рамон подумал и неуверенно возразил:

– Почему же раньше подвергал?

– Раньше в его жизни не было темницы Мории. Три года кошмаров сломали его, Рамона. Первоход стал мягок и чувствителен, словно девка.

– Вот как? – Толмач чуть прищурил черные, выразительные глаза. – Я своими глазами видел, как он убил пятерых ратников и спокойно перешагнул через их трупы. И было это уже после Мории.

– Это когда он ворвался в княжий терем?

Рамон кивнул чернявой головой.

– Да.

Хлопуша дернул щекой:

– Ну, там было совсем другое. Глеб пришел отомстить князю Доброволу. Это была месть, а человек, который пришел мстить, не замечает никого и ничего и готов убить всякого, кто встанет у него на пути.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Рамон. – Тебе уже приходилось мстить?

– А то как же. Помнится, лет пять тому назад один торговец надул меня на три медяка. Да не на резаных, а целых! Понял я это, только когда пришел домой.

– И что же ты сделал дальше? – поинтересовался Рамон.

– Что сделал? Да ничего особенного. Просто спустил торговцу штаны и сунул его голой задницей в улей с пчелами.

Рамон представил себе эту картину и поежился.

– Вот уж никогда не думал, что ты такой затейник, – сказал он.

* * *

Расшвырвав с дороги Облакаста и Тиша, лысый чародей двинулся к Глебу и метнул ему в грудь шар голубого огня. Шар ударил ходоку в грудь и сбил его с ног.

Глеб закричал от боли и стал кататься по пыльной земле, пытаясь сбить с одежды

голубое пламя. Чародей подошел к нему и поставил ему ногу на грудь.

– Меня зовут Огнерод! – выдохнул он, крепко прижал Глеба пятою к земле и засмеялся. Но смех его был недолог.

– Братимир! – воскликнул Глеб, глянув на что-то позади Феникса.

Лысый чародей оборвал смех и оглянулся. Однако сделал он это недостаточно быстро, и кулак богатыря, описав дугу, врезался ему в челюсть.

Удар оказался не таким сокрушительным, как можно было предположить, исходя из мощной комплекции богатыря Братимира. Однако за первым ударом тут же последовал второй, а за вторым – третий.

Свихнувшийся богатырь лупил Огнерода с быстротой, невероятной для грузного мужика. А кончил тем, что по-женски схватил Огнерода за уши, хорошенько дернул его из стороны в сторону, а затем ударил его переносицей о свое острое колено.

Лысый чародей, не ожидавший такого молниеносного напора и совершенно растерянный и дезориентированный из-за появления богатыря, которого он, казалось бы, давно вывел из игры, рухнул на землю и обалдело заморгал ресницами.

А невесть откуда взявшийся богатырь Братимир быстро обежал вокруг Огнерода и схватил его сзади за руки. Лысый чародей, сумевший наконец прийти в себя, попытался вырваться, но тут произошло чудо. Руки богатыря превратились в толстые корабельные канаты и так прочно и крепко стянули запястья Огнерода, что тот вскрикнул от боли.

Глеб поднял с земли выпавшую ольстру и встал на ноги. Подошел к Огнероду и приставил дуло ольстры к его груди. Лысый чародей покосился на ольстру, перевел взгляд на Глеба и прохрипел:

– Ты не сможешь меня убить! И никто не сможет!

– А кто тебе сказал, что я хочу тебя убить? – спокойно осведомился Первоход. – Я всего лишь превращу твою жизнь в вечную муку.

Он опустил ольстру и достал из кармана Силки Зигвуда.

– Это чуднаѣя вещь из Гиблого места, – объяснил он Огнероду. – Как только я наброшу их на тебя, ты станешь их вечным узником. Снова и снова они будут рвать твою плоть на куски, и твоя плоть будет восстанавливаться только для того, чтобы снова насытить кровожадные Силки Зигвуда. А насытить их нельзя, потому что их терзает вечный голод. И сжечь их ты тоже не сможешь, поскольку они сделаны из особого материала, равного которому по крепости нет на всей земле.

Лысый чародей свирепо посмотрел на Глеба и просипел:

– Даже если все это так, как ты говоришь... Почему ты решил, что это может напугать меня?

– Потому что я видел твое лицо, когда отстрелил тебе руку, – ответил Глеб. – Тебе было больно, босоголовый. Очень больно. Тебя нельзя убить, это правда. Но на свете есть вещи страшнее смерти. И главная из них – боль.

Огнерод облизнул тонкие губы и хрипло спросил:

– Чего тебе от меня надо, пришелец? За что ты напал на меня, за что терзаешь?

– Ты, должно быть, думаешь, что я хочу посадить тебя в клетку и возить по городам и весям, чтобы показывать людям? Но на самом деле все гораздо проще. Я собираю отряд для борьбы со страшным врагом. И хочу, чтобы ты стал частью этого отряда.

Несколько мгновений лысый чародей удивленно хлопал глазами, а потом сухо проговорил:

– Я не ратник. Я не люблю воевать.

– Да ну? – Глеб прищурил темные, недобрые глаза. – Если мне не изменяет память, ты сам вызвал богатыря Братимира на бой. А потом выжег ему мозги своим голубым огнем и превратил его в деревенского дурачка.

– Братимир у меня за спиной, – сухо проговорил Огнерод. – И он совсем не похож на дурачка.

– На богатыря он тоже не слишком-то похож, – улыбнулся Глеб. – Оглянись, чародей!

Лысый чародей оглянулся, и лицо его вытянулось от изумления.

– Девка? – вымолвил он.

Зоряна подмигнула ему и весело проговорила:

– Не ожидал?

Огнерод снова повернулся к Глебу и произнес изумленным голосом:

– Как же это? Ведь он... ведь она была богатырем Братимиром!

– Не стоит верить всему, что видишь, парень, – назидательно заявил ему Глеб. – Кстати, Зоряна, – обратился он к девушке, крепко сжимающей запястья Огнерода, – разве я не велел тебе оставаться с Рамоном и Хлопушей?

– Велел, – кивнула чародейка.

– Тогда что ты делаешь здесь?

– Помогаю тебе усмирить огневика, если ты до сих пор этого не заметил.

– Гм... Если в следующий раз я тебе что-нибудь прикажу, можешь пропустить эту реплику мимо ушей. А теперь приступим к хирургической операции. Сестра, скальпель!

– Чего? – не поняла Зоряна.

Глеб усмехнулся:

– Я говорю: крепче держи пациента, а я пока подготавливаю инструменты.

Он сунул руку в карман охотничьей куртки. Порывшись в кармане, извлек на свет божий берестяной коробок, открыл его, вынул пальцами черного жука размером с половину медной монеты, а после вытянул руку и приложил жука к шее Огнерода. В тот же миг жучок ожил и зашевелил лапками.

– Что это? – пролепетал Огнерод.

– Роботы-убийцы, – зловещим голосом ответил ему Глеб.

Жук встрепенулся, вытянул острый хоботок и впился парню в кожу. Лысый чародей заорал от боли, но жука это не остановило. С невероятной скоростью он стал вгрызаться в шею Огнерода.

Через мгновение жук исчез, оставив после себя едва заметную ранку на коже. Ранка вспыхнула голубой искоркой и тут же затянулась.

– Какого лешего? – крикнул Огнерод, яростно глядя Первоходу в глаза. – Зачем это?

– Этот жучок делает все, что я ему велю, – сообщил Глеб. – Если я велю ему забраться тебе в голову и полакомиться твоими мозгами, он с готовностью выполнит это. Конечно, если сумеет отыскать эти самые мозги.

Лысый чародей побледнел.

– Да, и еще, – добавил Глеб. – Если я умру, жук тут же почувствует это и придет в такую ярость, что примется выгрызать все, что попадется ему на пути. Сердце, печеньку... Ну, ты понимаешь.

– Я тебе не верю! – яростно крикнул лысый чародей.

– Зря. – Глеб чуть прищурил темные глаза. – Придется тебе показать. Прислушайся к своим внутренним ощущениям, Огонек.

Несколько мгновений ничего не происходило, а затем лысый чародей выкатил глаза и заорал от боли.

Глеб улыбнулся и сообщил:

– Я велел ему чуть-чуть укусить тебя за селезенку. Больно, правда?

– Но ты ничего не говорил! – крикнул, обливаясь потом, Огнерод. – Ты ничего ему не приказывал!

– Верно, – кивнул Глеб. – Мне совсем не обязательно открывать рот, чтобы отдать ему приказ. И совсем не обязательно находиться рядом. Сам видишь, Огонек, что деваться тебе от меня некуда.

Огнерод долго молчал, глядя Первоходу в глаза тяжелым взглядом, потом смиренно опустил голову и вымолвил:

– Хорошо. Твоя взяла.

* * *

По дороге к лагерю повелитель погоды Облакаст долго молча косился на Глеба, а потом не выдержал и тихо проговорил:

– Первоход, можно тебя кое о чем спросить?

– Спрашивай, – кивнул Глеб.

– Этот жук... Мне показалось или я в самом деле видел в берестяном коробе еще парочку таких же?

– Ты их видел, – сказал Глеб.

– И ты мог сделать со мной и с игроком то же, что сделал с Огнеродом?

– Мог.

Облакаст нахмурился, помолчал пару секунд и спросил:

– А почему не сделал?

– Потому что в этом не было нужды.

– А если бы мы с Тишем отказались следовать за тобой?

– Тогда бы я постарался переубедить вас.

– С помощью железного жука?

Глеб едва заметно дернул уголками губ.

– Может, да. А может, нет. Поверь мне, Тучка, я умею убеждать людей. Способов для этого существует множество.

Облакаст усмехнулся и сказал:

– Уверен, что это так. Знаешь, ходок, я рад, что мы с тобой на одной стороне. Чем больше на тебя смотрю, тем больше убеждаюсь: на свете нет ничего хуже, чем быть твоим врагом.

Сказав это, повелитель погоды слегка отстал и пошел рядом с плененным Огнеродом и Тишем.

– О чем говорили? – поинтересовался рябой игрок, по обыкновению хмурия брови.

– О жуках, – ответил Облакаст.

Плененный чародей, услышав про жуков, поежился, а зрачки Тиша слегка расширились от любопытства.

– И что тебе удалось выяснить? – нетерпеливо спросил он.

Облакаст вздохнул и ответил:

– Только одно. Глеб Первоход – не из тех парней, с кем следует спорить.

Тиш разочарованно вздохнул и сказал:

– Это я и без тебя знал.

Глава пятая СХВАТКА

1

Седовласый агент Урфин взглянул на сидевшую на лавке старушку и, не поворачивая головы к своим ратникам, коротко приказал:

– Раскали в печи клещи.

– Сделаю, господин, – отозвался один из них.

Ратник неторопливо натянул на руки толстые рукавицы и поднял с пола кузнечные клещи.

Урфин продолжил разглядывать мать Лудобока. Вид у него был хмурый и недовольный. Было очевидно, что агент сам не рад тому, что ему предстоит. Вздохнув, Урфин провел ладонью по седым волосам и сказал:

– Прости, старуха. Я вынужден это сделать.

Пожилая женщина улыбнулась и ласково проговорила:

– Сынок, тебе необязательно быть злым.

– Знаю. Мне не хочется тебя мучить. Но мы не всегда делаем в жизни то, что хотим. Пока мы не начали тебя пытаться, подумай и скажи: быть может, ты знаешь, где нам искать твоего сына? Или подскажи нам способ его поймать. Ведь должны же и у него быть какие-то слабые стороны. Может быть, он боится воды? Или глухих дебрей? Или теряется при виде голой бабы? Не молчи, мать. Я все равно узнаю, что хочу, даже если мне придется убить тебя медленной, мучительной смертью.

Пожилая женщина смотрела на седовласого ученого испуганным, недоуменным взглядом.

– Милый, ты скажи хоть, чем мы с Лудобокком провинились? Я все пытаюсь вспомнить, понять... Но ничего не вспоминается. Я всегда учила сына главному правилу – не делай другому того, чего не желаешь себе. Что же такого он сделал, что ты так его ненавидишь?

Урфин поморщился. Объяснять старухе истинные причины своей жестокости ему не хотелось. И долго, и трудно, и незачем. Он повернулся к ратнику, разогревающему клещи, и грубо окликнул:

– Эй, вой, долго еще?

– Да нет... – глухо отозвался ратник. – Еще чуток подержать...

Урфин шагнул ближе и заглянул в печь. Клещи давно раскалились докрасна, но видно было, что у ратника нет никакого желания доставать их оттуда.

– Леший! – выругался Урфин и обвел взглядом лица ратников, стоящих у стены. Те смотрели на седовласого начальника хмурыми, холодными глазами. – Ишь, устались, – в сердцах проговорил он. – Думаете, я злодей? А вы, значит, добренькие? Ты, рыжая бестия! – обратился он к самому мощному из ратников. – Думаешь, я не знаю, как ты лютуешь в захваченных деревнях? Не ты ли на спор разрубил мечом пополам десятилетнего отрока? – Он перевел взгляд на другого ратника, лысоватого, с рассеченной нижней губой. – А ты, вой? Я ведь знаю, как ты охоч до девок! Сколько из них ты изнасиловал? А скольких после задушил?

– Это было только во время войны, – угрюмо проговорил ратник с рассеченной губой.

– Вот как? – ощерился Урфин. – Значит, ты думаешь, что во время войны дозволено все? Тогда представь себе, что мы на войне и что эта старуха – мать вражеского сотника, который зарезал твою сестру!

Ратник еще больше нахмурился и потупил взгляд.

– Лицемеры, – презрительно проговорил Урфин. – За каждым из вас – гора трупов, а вы стоите тут и морщите ваши поганые носы. Хватит мучить клещи. Вынимай их!

Ратник недовольно крикнул, но послушаться седовласого начальника не посмел.

– А теперь жги ей клещами ногу. Ну!

Ратник встретился взглядом со старухой, и клещи в его руках задрожали.

– Если сей же час не сделаешь того, что я велю, – с угрозой проговорил Урфин, – я пожалуюсь на тебя князю, и он сдерет с тебя шкуру живьем. Ну!

Но ратник не шевельнулся. Он по-прежнему стоял перед старухой с клещами в руках и не смотрел ей в глаза. Тогда старуха улыбнулась ему и сказала:

– Сынок, делай то, что он говорит. И ничего не бойся.

Ратник нахмурился и склонился над старухой. Но раскаленные клещи не успели коснуться ноги старухи.

– Не мучь ее! – раздался громкий возглас от двери. – Я пришел!

Урфин повернул голову на голос.

– Надо же, – улыбнулся он. – Я совсем не слышал, как ты вошел. Слава богам, что ты успел вовремя и мне не пришлось мучить твою мать. Проходи в комнату, Лудобок, и садись в кресло, которое мы для тебя приготовили. Оно не слишком удобное, зато очень надежное.

Старуха подалась вперед, и ремни впились ей в предплечья.

– Сынок! – горестно воскликнула она. – Зачем ты...

– Все в порядке, мама, – оборвал мать Лудобок и улыбнулся ей улыбкой доброго уальня. – Они ничего нам не сделают.

– На твоём месте я бы не был столь самонадеян, – заметил Урфин, которого уверенные слова тюфяка слегка задели за живое.

«Впрочем, не такой уж он тюфяк, – напомнил себе Урфин. – А если честно, то и вовсе не тюфяк, а совсем наоборот».

Тем временем двое ратников подошли к креслу и пристегнули руки Лудобока ремнями к широким подлокотникам. Потом опустили на корточки и пристегнули к ножкам кресла его ноги.

– Ну вот, – с видимым облегчением проговорил Урфин. – Теперь ты никуда не убежишь.

Лудобок посмотрел седовласому агенту в глаза и спросил:

– Зачем я тебе, иноземец?

– Скажем так: мне поручено узнать, откуда ты такой взялся, – ответил Урфин. – И можно ли научить тому, что ты умеешь, других людей.

– Я не смогу ответить на твои вопросы, ученый муж. Не смогу, потому что не знаю ответов. Мое умение нашло меня само, я не просил богов делать меня особенным.

Урфин улыбнулся:

– Я верю тебе, Лудобок.

– Теперь ты меня отпустишь? – с надеждой в голосе спросил парень.

Урфин покачал головой.

– Нет. Мы будем вместе искать ответы на мои вопросы. И как только я узнаю истину, я тут же поделюсь ею с тобой, Лудобок.

Агент хотел еще что-то добавить, но вдруг повернул голову и уставился на скамью, на которой еще несколько секунд назад сидела старуха Листопадка. Скамья была пуста.

– Где старуха? – взволнованно спросил Урфин. – Эй, ты, где старуха?! – прикрикнул он на ратника, который стоял возле скамьи.

Тот растерянно посмотрел на опустевшую скамью и пробормотал:

– Не знаю. Она только что была здесь.

Урфин повернулся к Лудобоку и уставился ему в глаза.

– Твоя работа? – гневно спросил он. И, не дождавшись ответа, добавил: – Как ты это сделал?

Увалень пожал округлыми плечами и ответил:

– Это было несложно. Я остановил для нее время, и она освободилась.

– Но почему ты сам не ушел?

– Я пытался, ученый муж. Но твои ратники слишком крепко стянули мне руки и ноги ремнями. Я не сумел освободиться, а она – сумела.

Лицо Урфина побагровело от ярости.

– Не вздумай со мной играть, отрок! – прорычал он. – Последний, кто пытался это сделать, лежит на дне глубокого омута с переломанными костями.

– Я и не пытался, – смиренно проговорил Лудобок, глядя на Урфина широко раскрытыми, синими, как безоблачное небо, глазами. – Я говорю тебе честно, ученый муж: если я почувствую, что могу сбежать, я сделаю это. Но ведь и ты на моем месте поступил бы точно так же. Разве нет?

Некоторое время Урфин молчал, умиряя в душе приступ гнева, затем нехотя признал:

– Твоя правда, отрок. Однако сбежать тебе больше не удастся.

– Что будет дальше? – спросил Лудобок.

– Дальше? Дальше мы погрузим тебя на телегу, сунем в рот кляп, накроем сверху рогожей и повезем туда, где тебя давно ждали.

Княжество Голядь.

Тридцать верст к западу от деревни Верходонки

По морям, по волнам.
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям-морям-морям...
Нынче здесь, а завтра там.

– Хорошо поешь, Первоход! – похвалила Зоряна.

Глеб глянул на нее и хмыкнул.

– Пел когда-то в школьном хоре, – сообщил он. – Между прочим, имею грамоту за второе место на областном смотре художественной самодеятельности.

Зоряна захлопала глазами, и Глеб вздохнул.

– Кому я это рассказываю... Вы и понятия не имеете о том, что такое художественная самодеятельность.

– Чего ж тут непонятного? – отозвался Хлопуша. – Глотку драть – дело нехитрое. Я тоже так могу. – Здоровяк набрал полную грудь воздуха и заголосил:

Мой миленок, как теленок,
Быстро бегал, громко пел.
Ну, а как дошло до дела –
Толком вставить не сумел!

Облакаст засмеялся, Тиш криво усмехнулся, Рамон с Огнеродом остались невозмутимы, а Зоряна наморщила нос.

– Ну и голос, – насмешливо проронила она. – Таким голосом только кротов из нор выдувать.

– Тебе не нравится мой голос? – возмущенно пробасил Хлопуша.

– Нравится. Но уж больно знаком. Задница моего деда после тарелки гороховой каши разговаривала таким же голосом!

Хлопуша и Зоряна вновь вступили в перепалку, но Глеб их не слушал. Он прислушивался к своим ощущениям и странным мыслям, которые возникали у него в голове так, будто бы их кто-то наговаривал.

Глеб понятия не имел, откуда он узнал про Огнерода. С вечера, ложась спать, еще не знал. А как проснулся – уже не только знал, где искать чародея-огнедела, но и был уверен в том, что найдет его.

Вот и сейчас он твердо знал, что через час-полтора встретит еще одного сына хвостатой звезды. Откуда знал? Почему был так в этом уверен?... Бог весть.

Устав обдумывать одну и ту же мысль без всякого результата, Глеб решил вообще ни о чем не думать, а просто наслаждаться поездкой. Благо дорога была ровная, погода – спокойная, а небо – чистое.

Пересекая луга, заброшенные поля и развилки дорог, в сумерках путники слышали недалекий шум. Навстречу им явно двигался какой-то отряд. Глеб выехал вперед и дал знак осадить коней. Затем обернулся, окинул встревоженные лица своих спутников спокойным взглядом и сказал:

– Цель близка. Самое время устроить засаду.

3

Всадники приближались. Глеб, прыгнув в придорожную канаву, отгороженную от дороги густыми можжевельниковыми кустами, приблизил лицо к лицам Рамона и Хлопуши и прошептал:

– Детишек падших богов будем пока беречь. Слишком ценный товар. Пустим их в дело только в самом крайнем случае.

– Ясно, – кивнул Рамон.

– И без них управимся, – надменно и самоуверенно заверил Глеба Хлопуша.

– Хорошо. Вы тоже будете сидеть в засаде и выскочите только тогда, когда я вас позову. Если позову вообще. Все ясно?

Рамон и Хлопуша кивнули.

Глеб быстро выбрался из канавы, обогнул можжевельниковый куст и встал посреди дороги.

Отряд всадников вывернул из-за деревьев и, повинувшись приказу своего старшего, остановился. Старший дал знак одному из ратников, тот кивнул и тронул коня с места. Отъехав от отряда шагов на пять, он снова остановился и громко крикнул:

– Кто таков?! Чего надо?!

Глеб молчал, не сходя с места и спокойно разглядывая всадников. Ратник, выехавший вперед, оглянулся на своего предводителя, ожидая дальнейших распоряжений. Тот поднял руку и небрежно махнул ладонью.

Ратник снова тронул коня, выхватил из-за пояса плетень и замахнулся на Глеба.

– Прочь с дороги, бродяга! – рявкнул он.

Выстрел прогремел гулко и раскатисто. Еще секунду ратник неподвижно сидел в седле, потом завалился набок и рухнул на дорогу. Кони испуганно захрапели и задергали головами, а всадники изумленно уставились на своего убитого товарища.

Глеб перевел дуло ольстры на седовласого предводителя, которого, как он уже откуда-то знал, звали Урфин.

– Эта штука называется громовым посохом! – спокойно объяснил Глеб. – Любой, кто вздумает мне перечить, будет убит на месте!

Седовласый агент прищурил глаза и хрипло спросил:

– Кто ты и что тебе нужно?

– Мне нужен толстобокий отрок, который лежит у вас в телеге, под рогожей, – громко ответил Глеб.

Лицо Урфина исказила гримаса злобы. Он привстал на стремянах и яростно крикнул:

– Убейте бродягу! Живо!

«Идиот!» – подумал Глеб и снова поднял ольстру, намереваясь сбить Урфина выстрелом с коня. Палец нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Глеб еще раз нажал. И еще раз. Ольстра отказывалась стрелять. Видимо, в спусковой механизм набился песок, и его заклинило.

– Прикончите бодягу! – вновь заорал Урфин.

Всадники выхватили мечи и боевые топоры, тронули коней и устремились на Глеба. Глеб сунул ольстру в кобуру и с лязгом вытянул из ножен меч.

– Рамон, Хлопуша, ко мне! – крикнул он.

Друзья Глеба выскочили из кустов и ринулись на иноземцев с мечами наголо. Завязался бой. Отточенные клинки-всерубы вонзались в тела иноземцев. Ржание коней слилось с криками всадников.

Меч Хлопуши, лихо просвистев, угодил куда-то выше оскаленной конской морды. Вороной конь заржал, вздыбился и рухнул набок, колотя передними копытами по сухой земле. Иноземный ратник спрыгнул с коня, но сделать ничего не успел – огромный меч Хлопуши, описав гигантскую дугу, отсек ему голову.

Рамон увернулся от топора ратника и тут же заметил чью-то занесенную руку с боевым топором. Два коротких меча Рамона сами рванулись навстречу врагу, рука с топором исчезла, кто-то хрипло вскрикнул, и конь, лишившись своего седока, понесся в лес.

Отбив очередной удар и рубанув противника по медному шолому, Глеб повернулся ко второму, и тут тяжелый топор с силой обрушился на крестовину его меча – меч выпал из рук, а Глеб вынужден был отпрыгнуть далеко в сторону, чтобы увернуться от следующего удара.

Прижатый к толстой сосне сразу тремя ратниками и уже почти ни на что не надеясь,

Глеб выхватил из кобуры ольстру, нацелился в грудь тому, что ближе других, и нажал на спуск. Ольстра сработала. Пуля вошла в широкую грудь ратника, выбив из нее фонтан крови. Следующие два выстрела положили конец существованию двух других ратников. Глеб еще трижды нажал на курок – и внезапно битва закончилась.

Ошарашенные всадники на перепуганных конях сгрудились в кучу, а Глеб, держа их на прицеле, снова вышел на середину дороги и крикнул:

– Урфин, я перебью вас всех, если не отдадите мне парня!

Седовласый агент долго молчал, пристально глядя на Первохода, а затем повернулся к своим искомандовал:

– Отдайте ему увальня!

С телеги, почти не видной в сумерках, слезли два человека, откинули рогожу, схватили под руки связанного чародея Лудобок и стащили его наземь. Затем швырнули на обочину и повернулись к агенту Урфину, ожидая дальнейших распоряжений.

– Развяжите ему руки и ноги! – крикнул Глеб.

Ратники уставились на Урфина.

– Делайте, как он говорит! – рявкнул тот.

Один из двоицы вынул нож и чиркнул по веревкам, стягивающим запястья и щиколотки неуклюжего чародея. Тот, охая и постанывая, поднялся на ноги и повернулся к Глебу.

– Лудобок, я тебе не враг! – крикнул увальню Глеб. – Здесь, рядом с дорогой, меня ожидают мои товарищи! Они – такие же странные ребята, как ты! Если хочешь присоединиться к нам – милости прошу! А захочешь остаться с этим живодером, неволить не стану!

– Неволить ты меня уже не сможешь, – сипло ответил Лудобок, потирая окровавленные запястья и морщась от боли. – Но я и так с тобой пойду.

Медленно, неуверенно двинулся он к Глебу. Агент Урфин напряженно следил за ним.

Остановившись рядом с Глебом, Лудобок улыбнулся ходоку, а затем быстрым движением вырвал у него из рук ольстру, развернулся и выстрелил в Урфина.

Агент рухнул на землю, и из его разжавшихся пальцев на утопанную землю большака выкатился метательный нож. Лудобок повернулся к Глебу и вложил ольстру ему в руки.

– Этот гад собирался метнуть мне в спину нож, – объяснил чародей. – Он должен был убить меня, а потом ты – его. Я не хотел, чтобы ты убивал кого-то из-за меня.

– Но сам ты сделал это с легкостью, – заметил Глеб.

Лудобок посмотрел на него серьезным, внимательным взглядом и пояснил:

– Урфин пытал мою мать. Есть ли в мире преступление страшнее этого?

– Вероятно, нет, – ответил Глеб и взглянул на ратников. – Сейчас мы сойдем с дороги и пропустим вас! – сказал он. – Телегу с конем оставите нам! Советую вам мчаться отсюда во весь опор и никогда больше сюда не возвращаться! Если я увижу вас на своем пути снова – перебью всех до одного!

С этими словами Глеб подал знак Рамону и Хлопуше, потом обхватил Лудобок рукою за покатые плечи и быстро свел его с большака.

Глава шестая **ИСТОРИЯ ПРО КРАСНУЮ ЯЩЕРКУ**

1

У добытчика Буна не было ни отца, ни матери, ни дядьев, ни теток. Семь лет назад по селу Очиково прокатилась моровая болезнь, после которой из всех родичей Буна уцелел один лишь двоюродный дед – Родим.

Буну об ту пору шел тринадцатый годок. Возраст большой для отрока, но малый для

мужика. И пошел бы он по миру с котомкой, коли б не дед Родим.

...Хороший был плотник дед Родим. Столы ладил такие, что хоть вдесятером на них становись и прыгай – ничего им не сделается. А уж лавки-то, лавки! Сядешь – не захочешь вставать.

Про крепость и надежность Родимовых поделок по деревням и селам ходили слухи, и даже князь заказал ему сделать столы и лавки для своего пиршественного зала. А после – когда посмотрел, как ловко плотник Родим справляется с топором да как сноровисто кладет на свои изделия резьбу, заказал ему и сам трон!

Осиротевшего Буна плотник Родим взял себе в ученики и года через три сделал из него такого отличного мастера, что даже изредка подумывал – уж не зря ли? Отберет ведь, постреленыш, кусок хлеба. Из рта вынет.

Прошло, однако, еще три года, и понял Родим, что Бун ему не соперник, а совсем наоборот – подмога и надежда на старости лет. А случилось это так.

Пошел однажды дядька Родим в лес – присмотреть парочку хороших березок для будущих изделий, да вдруг побелел, как полотно, и рухнул на траву.

Благо поблизости был Бун. Подбежал он к Родиму, заглянул ему в лицо. А поняв, что Родим без сознания, пыхтя и потея, взгромоздил дядьку Родима себе на плечи и потащил его по тропе прямо к Хлынь-городу.

Позже, уже вечером, когда Родим после долгого беспмятства открыл глаза и глотнул водицы, он посмотрел на внучатого племянника жалобным взглядом и сипло позвал:

– Слышь-ка, Бун?

– Чего, дядька Родим? – с готовностью откликнулся Бун.

– Ты ведь меня не бросишь?

Брови парня изумленно взлетели вверх.

– С чего ты взял, что я могу тебя бросить?

Посмотрел плотник на пылающие обидой глаза внучатого племянника, припомнил, какими добродушными да сердешными были отец и мать мальчишки, и улыбнулся:

– Знаю – не бросишь. Не такой ты человек. Однако боюсь я за тебя, парень.

– Чего боишься, дядька Родим?

Старый Родим сдвинул седые брови, вздохнул и ответил:

– Ремеслу своему я тебя обучил. А вот про жизнь не рассказывал. Добрый ты парень, но неопытный. Обманут тебя лукавые люди, разобьют тебе сердце.

Сказав это, закрыл старик Родим глаза и снова впал в беспмятство.

С утра Бун побежал к тетке Яронеге, торгующей близ торжка разными целебными мазями и снадобьями. Долго втолковывал Бун толстухе, закутанной в цветастый платок, про болезнь своего деда – и про смертельную бледность, и про синие круги вокруг глаз, и про странные черные крапинки на посинелых губах. Яронега слушала, слушала, и чем дальше слушала, тем мрачнее делалось ее лицо. А когда Бун закончил рассказ, она вздохнула и произнесла:

– Твоего деда можно вылечить, Бун. Но лечение – дело дорогое, затратное.

– Ты скажи, чего тебе надобно, тетка Яронега! – потребовал, чуть не плача, Бун. – Хочешь, я тебе заново весь дом обставлю и ни медяшки с тебя за то не возьму?

Яронега улыбнулась толстыми губами.

– Слышала я про твое искусство, парень. Говорят, ты можешь выстругать ножом ставенки с закрытыми глазами? Правда али нет?

– Могу, тетенька! – Бун приободрился. – Только скажи: я тебе такие ставни вырежу, что все вокруг полопаются от зависти!

Тетка Яронега засмеялась.

– Верю, что полопаются. Только не нужны мне ставни, отрок. О другом тебя попросить хочу.

– О чем же, тетка Яронега?

Лекарица стерла улыбку с губ, вздохнула и сказала:

– Дело, отрок, вот какое. Твоего деда укусила голубая ящерица. Яд ее разъедает не только тело твоего старика, но и самую его душу.

Бун побледнел.

– И что же теперь делать? – промямлил он. – Как горю помочь? Ты говори, тетенька, не томи. Все, что скажешь, исполню.

И Яронега продолжила:

– Живет в Гиблой чащобе другая ящерица, красная, как горящий уголек. Яд ее страшнее, чем яд голубой ящерицы. Любой, кого красная ящерица укусит, превращается в гнилую колоду.

Бун передернул плечами:

– Зачем ты мне это рассказываешь, лекарица?

– Затем, что только яд красной ящерицы может спасти твоему деду жизнь. И не только жизнь, но и самую душу.

Бун нахмурился. Некоторое время он молчал, обдумывая странные слова Яронеги, а потом вздохнул:

– Не понимаю я тебя, тетенька. Ты ведь сама только что сказала, что красная ящерица ядовита.

– Так-то оно так. Но голубая и красная ящерица промеж собой враги. Как вода и огонь, как ветер и сухой листок, как волк и человек. Как вода тушит огонь, так и яд красной ящерицы исцелит твоего деда от смертельной хвори. Пойди в Гиблое место и поймай красную ящерицу. Принеси мне ее живой. Выдавлю я из ее пасти яд и дам твоему деду. Он и поправится.

Бун поскреб в затылке, растерянно посмотрел на лекарицу и сказал:

– Благодарю тебя за добрый совет, тетенька. Только... чем же мне тебе отплатить?

– Красная ящерица и будет твоей платой.

– Как это? – не понял Бун.

Лекарица улыбнулась.

– Да вот так. Слышала я, что яд красной ящерицы, коли смазать им кожу, молодит лицо. Так молодит, что и пятидесятилетняя баба, такая как я, будет смотреться двадцатилетней девицей.

– Так ты хочешь омолодиться? – удивился Бун такому пустяку. – И только-то?

Яронега усмехнулась.

– Для тебя это пустяк, знаю. Это потому что ты еще молод и не понимаешь, как тяжело бабе стареть. А я готова подставить руку под топор, лишь бы сбросить десяток лет.

Бун молчал, боясь снова ляпнуть не то и обидеть лекарицу. Но про себя подумал: «До чего ж глупый народ бабы, если все так, как говорит Яронега. Нешто можно человеку без руки? Ни стол сладить, ни лавку сколотить. И все заради чего – заради гладкой морды?»

– Ну? – поторопила его лекарица. – Что скажешь, отрок? Добудешь мне красную ящерицу? Спасешь деда от лютой смерти?

Бун задумчиво поскреб пальцами щеку.

– Даже не знаю, что тебе сказать, тетка Яронега, – проговорил он нерешительным голосом. – Ходоки нонче в Гиблое место наведываются редко. Да и не хватит у меня денег, чтобы нанять хорошего ходока. Даже на плохого не хватит.

Яронега прищурила лукавые глаза.

– Я тебя не заставляю, отрок. Умрет твой дед или нет – решать тебе самому. А только вижу я в тебе такое, чего не видят другие.

– И что же ты во мне видишь, лекарица? – удивленно спросил Бун.

– Смелость вижу, – ответила Яронега, глядя на него приветливыми глазами. – Отвагу несравненную. А еще – везение вижу, такое, какого нет ни у одного ходока.

– Везение? – Бун удивленно хмыкнул. – С чего ты взяла, что я везучий, тетка Яронега? Моровая болезнь унесла всех моих родных, кроме деда Родима. А теперь и он от меня уходит. В чем же мое везенье?

Мудрая толстуха прищурила свои умные, все видящие глаза.

– Ты парень находчивый, но недалекий, – сказала она. – После моровой болезни уцелел не только твой дед.

– Правда? – искренне удивился Бун. – А кто ж еще?

Яронега чуть подалась вперед, посмотрела отроку в глаза и выдохнула:

– Ты! Ты сам и уцелел, Бун! Вся ваша деревня полегла, а ты живой.

– Но Родим тоже пережил моровую хворь.

– Верно, пережил, – кивнула лекарица. – Но едва-едва. Знала я, каким он был до мора, и знаю, каким стал. За одну лишь седмицу постарел твой Родим на десять лет. А тебя болезнь даже не коснулась.

– Хм... – Бун посмотрел на лекарицу недоверчивым взглядом. – По твоим словам выходит, что я и впрямь счастливчик.

– Счастливчик – не счастливчик, но удача тебя любит. Я и другое про тебя знаю, Бун. Знаю, что весною ходил ты в лес за хворостом и наткнулся в чащобе на голодного медведя. И что погнал тебя медведь по лесу, да только свалился в овраг и продырявил себе брюхо об острые сучки. Было такое?

– Было, – кивнул Бун.

– Было, – повторила Яронега, не сводя с Бунова лица странного взгляда. – А про тот случай на реке помнишь? Люди много про него говорили.

– Про какой случай? – не сразу вспомнил Бун.

– Про тот самый, когда ты достал из полыньи трех малых деток. Под их детскими ножками лед раскололся, а под твоими устоял, хоть был тоньше хлебной корки. Было такое?

– Было, – снова вынужденно согласился Бун. – Только все одно, тетенька, ты не права. Такое с кем угодно может случиться.

– Брось, отрок, – поморщилась толстуха. – Не гневи богов. Ведь берегут они тебя, а зачем – неведомо. Из ходоков-то, чай, каждый второй до третьего похода не доживает. Не приставай к ходокам, не сули им награду. Наградить ты их ничем не сможешь, а гнев их на себя пустыми посулами навлечешь. Отправляйся в Гиблую чащобу сам и поймай мне красную ящерку.

Подумал Бун, поразмыслил – с какого бока к этому делу ни подойдешь, а все равно в Гиблое место идти придется. Вдохнул и сказал:

– Ладно, тетка Яронега. Споймаю я тебе ящерку. Но смотри – не обмани.

– Да уж какой тут обман, милый! – обрадовалась лекарица. – Принеси ящерку-то, а уж я расстараюсь. За три дня твоего деда на ноги поставлю! Только поспеши. Не успеешь обернуться за седмицу, считай, что Родима твоего уже не спасти. Понял ли?

– Понял, – кивнул Бун.

– Ну, ступай.

Ходоки были мужчины крепкие, неболтливые, с жесткими взглядами и такими лицами, что уж лучше поговорить с цепным псом, чем обращаться к ним с просьбами, не имея при себе пары серебряных монет или горсти серебра. Серьезные были мужчины.

Поглядел на них Бун да и решил не связываться. Пришел домой, укрыл потеплее спящего деда, положил ему рядышком с кроватью несколько сухарей, кусок вяленого мяса и три луковицы и накрыл все это миской, чтобы мыши не растаскали. Себе взял кусок мяса поменьше и два сухаря. Положил еству в котомку, сунул туда же хуралуговый ножик, стянул горловину, закинул котомку на плечо и вышел из дома.

Как шел в Гиблое место, не помнил. Ничего не помнил – ни дороги, ни себя. Все обдумывал страхи про чудовищ – и так их вертел, и этак. Пока в мыслях пужался, не заметил, как до межи дошел.

Дойти-то дошел, а дальше как? У межи – кордон охоронцев. Сидят на бревнах да в кости играют. У самих на боках мечи, а возле бревен – бердыши в ямки воткнуты. А на башенке и того страшнее – настоящий лучник. Сагайдак висит на гвозде, вбитом в балку, а из сагайдака торчат смертоносные стрелы.

И обойти-то никак нельзя – слева и справа наваленный стеною бурелом из острых

сучьев. В общем, куда ни кинь, всюду клин. Долго мялся Бун за высокими кустами, не зная, что делать, и мог простоять так до самого утра, кабы не счастливый случай.

Лес был тих и спокоен, и вдруг в этой тишине раздался жуткий вой, столь резкий и неожиданный, что Бун едва не обмочил штаны с перепугу.

Охоронцы тут же подорвались со своих мест – вскочили, схватились за бердыши и бросились туда, откуда донесся вой. Лучник тоже повернулся туда и вгляделся вдаль, а стрела уже лежала на тетиве его огромного боевого лука.

«Какие храбрые», – подумал о них Бун.

И – вышел из кустов. К кордону он шел открыто, не таясь. Прошел мимо опустевших бревен и костровища, миновал каменную арку, проскользнул мимо башенки, на которой стоял лучник, и, не оглядываясь (потому что было страшно!) зашагал дальше. Шагал мягко, не хрустнул ни веточкой, сам не знал, что умеет так шагать.

Дошел до кустов и быстро зашел за них, а там припустил по-заячьи и вскоре был уже далеко в лесу. Пробежав пару верст, остановился, чтобы передохнуть и восстановить сбитое дыхание. Но едва отдышался, как приключилась новая напасть – вышел, откуда ни возьмись, мужик, встал супротив Буна и уставился на него такими глазами, будто увидел диковинку. Мужик был собою небольшой и совсем не страшный, с тощими плечами, в рубахе, в добротном кафтанчике и с кучерявой бурой бородкой. Глазища янтарные и словно бы испуганные, а на голове – черная шапка котелком.

– Ты кто? – сипло спросил мужик, разглядывая Буна и на всякий случай держась поближе к кустам бузины (видно, чтобы при надобности побыстрее улизнуть).

– Я-то? – Бун, немного отдышавшись, выпрямился и вытер потный лоб рукавом. – Я-то отрок Бун. А вот ты кто будешь, дяденька?

Мужик прищурился. Потом хмыкнул сухим ртом и сказал:

– А я, отрок, не просто дяденька.

– Как это?

– Да вот так. – Тут мужик склонил голову набок, посмотрел на Буна смешливо да и огорошил: – Я, отрок, даже не человек.

– Вот как, – растерянно произнес Бун. – А кто ж ты?

– Я-то? – Мужик усмехнулся еще шире и огорошил еще больше: – Оборотень!

– Как это? – совсем растерялся Бун.

– Да вот так. Или ты про мою породу не ведал, когда в Гиблое место шел?

– Ведал, но... – Бун захлопал глазами. – Нешто это возможно, дяденька? Я ведь тебя вижу, и с виду ты – такой же человек, как я.

– Это пока я не обратился. А как обращусь – вмиг шерстью обрасту, на лапы встану, зарычу на всю округу и в лес побегу.

– Ну и дела.

Мужик засмеялся:

– Что, отрок, испугался?

– Испугался, дяденька. Как не испугаться.

– Да ты не бойся. Я сейчас сытый. С утра задрал бычка-двухлетку и всего, до последней косточки, обглодал.

– До последней? – удивился Бун. – Как же он в тебя поместился? Бычок большой, а ты вон какой.

– Сам не понимаю. А только когда я в волчьем обличье, могу и двух бычков за один раз умять.

– А когда снова человеком становишься – живот не болит?

Мужик засмеялся.

– Смешной ты парень, Бун. Нет, не болит. У меня тогда другое болит.

– Другое? И что же?

Мужик отвел от Буна взгляд, посмотрел на небо и сипло проговорил:

– Душа. Душа у меня болит, паря.

Бун помолчал, ожидая, что оборотень еще что-нибудь скажет, но тот молчал, тоскливо разглядывая облака, плывущие по небу и меняющие форму. Должно быть, в этих облаках он видел сам себя – подует ветер, и вот ты уже оборотень. Подует снова – и ты снова человек.

Наконец, Бун кашлянул, а потом тихо позвал:

– Дяденька оборотень.

Мужик вздрогнул и быстро на него посмотрел.

– Чего?

– А почему у тебя душа болит? Из-за того, что добрых людей поедом ешь?

– Нет. От этого не болит. Добрые люди и без меня друг друга поедом едят.

– Тогда от чего?

Мужик вздохнул и с горечью ответил:

– От того, что сбрасываю волчью шкуру и снова человеком становлюсь.

Бун удивленно вскинул брови.

– От этого и тоскуешь?

– От этого и тоскую, – кивнул оборотень.

Бун обдумал его слова, нахмурился и спросил:

– Нешто так плохо человеком быть?

– Да как тебе сказать... С одной стороны, вроде неплохо. А с другой... Посуди сам: когда я волк, бегаю себе по лесу, ловлю дичь, ем мясо, пью кровушку – и счастья во мне столько, что и с тобой поделиться мог бы. А когда набьешь брюхо мясом, так еще лучше делается. Так хорошо, что только песни на луну развывать. Но только сбросишь с себя волчью шкуру, как тут же наваливается на тебя все это... – Мужик наморщил лоб и скривился. – Изба покосилась, в поле – неурожай, детки просят есть, жена зудит над ухом хуже комара... И в душе вместо свободы такая лютая злоба, что взял бы топор и...

Мужик осекся и посмотрел на Буна. Усмехнулся и добавил:

– Ни свободы, ни радости, а только вечное беспокойство, глухая ярость да тягловая ломота. Вот и посуди, кем лучше быть – волком или человеком.

– Если так плохо человеком быть, так зачем обращаешься? – недоуменно спросил Бун.

Мужик вздохнул и ответил:

– Должен обращаться.

– А что, иначе никак?

Мужик мотнул головой.

– Никак.

Бун вздохнул.

– Да, дела... Послушал я тебя и сам оборотнем стать захотел.

Глаза мужика недобро блеснули.

– Так давай. Дурное дело нехитрое.

Бун покачал головой.

– Не могу я сейчас, дяденька.

– Почему? Боишься? Или какое дело?

– Дело, – ответил Бун и вздохнул. – Очень важное дело.

Мужик встрепенулся.

– Фу ты, леший, – виновато сказал он, поблескивая на Буна янтарными глазами, – что это я все о себе да о себе? А тебя не порасспросил. За каким таким делом пришел ты в Гиблое место, отрок? Что за нужда погнала тебя на верную смерть?

Слова о «верной смерти» Буну не понравились. Но не потому, что боялся Бун смерти, а потому, что знал – не вернется он из леса, значит, и дедушке Родиму придет конец.

– Я, дяденька оборотень, пришел в чащобу за красной ящеркой.

– За красной?

Бун кивнул.

– Да.

– А знаешь ли ты, наивная душа, что красная ящерка ядовита?

– Знаю, дяденька оборотень. Но мне ужас как надо ее добыть. Мой дед Родим помирает от яда голубой ящерицы, и коли не добуду я красную да не принесу ее лекарице – деду и до праздника Мокоши не дожить.

– Гм... – Мужик потер пальцами куцую бородку. – Твоя правда. Он яда голубой ящерицы только одно средство и есть – яд ее красной соперницы. Только красные ящерицы здесь не водятся. Это тебе нужно дойти до самого Кишень-града.

– До мертвого города? – севшим от внезапного ужаса голосом прошептал Бун.

Мужик кивнул.

– До него. – Он внимательнее поглядел на парня, усмехнулся и уточнил: – Сам-то, небось, дорогу и не найдешь?

– Не найду, – уныло согласился Бун.

Мужик подумал, погладил курчавую бородку мозолистой ладонью, потом махнул рукой и сказал:

– Ладно. Хороший ты парень, Бун, а я уж давно хороших людей не встречал. Помогу тебе добраться до мертвого города и укажу место, где прячутся красные ящерицы. А теперь встань с бревна и отойди подальше.

– Зачем? – не понял Бун.

– Отойди, тогда узнаешь.

Бун послушно встал с бревна и отошел к краю прогалины. Мужик часто-часто задышал, потом скинул кафтан, надетый прямо на голое тело, быстро стянул штаны, а после, оставшись совсем голым, опустился на четвереньки и вдруг стал преображаться. Тело его распухло, будто опара, мускулы вздулись, словно узлы, лицо вытянулось вперед и превратилось в волчью морду, и в пасти заклацали огромные и острые зубы.

Увидев, что мужик обрастает бурой шерстью, Бун быстро попятился, споткнулся о палку и рухнул на траву. Когда он снова поднялся на ноги, то обомлел. Прямо перед ним стоял огромный серый волк с пылающими, злобными глазами и оскаленной клыкастой пастью, из которой на траву капала слюна.

– Садись мне на спину, отрок! – хрипло пролаял оборотень. – Довезу тебя в Кишень!

Бун немного поколебался – прыгать на спину оборотню ему был непривычно и странно.

– Ну же! – поторопил тот.

И Бун скрепя сердце вскарабкался серому на спину.

2

Быстро нес его серый волк – через леса, поля, буреломы и непроходимые топи. Наконец, остановился перед призрачным городом.

– Все, – сказал оборотень. – Слазь.

Бун спрыгнул на землю и едва не упал. После долгой поездки верхом ноги его затекли, а голова кружилась.

– Красные ящерицы греются на камнях, – сказал оборотень. – Я буду неподалеку. Как поймашь – свистни погромче, и я прибегу.

Чудовище повернулось и одним прыжком скрылось в кустах. Бун взглянул на Кишень-град. Зрелище было захватывающее. Белокаменные руины и уцелевшие подклеты мертвого города выглядели так, словно никогда не были домами и храмами. Бун смотрел на Кишень замороженным взглядом, чувствуя одновременно и страх, и удовольствие, и неприязнь, и желание поскорее убраться отсюда восвояси.

Бун еще не до конца разобрался в своих чувствах, а уже увидел на одном из камней красную ящерицу. Она была точно такой, как он себе представлял, – маленькая (врасстопырку не больше двух сложенных вместе пальцев), худенькая, с тонкой головкой.

Бун осторожно снял тощий полукафтан, оставшись в рубахе, низко пригнулся и стал осторожно пробираться к камню. Шаг – остановка. Еще шаг – еще остановка.

Ящерка не двигалась.

Тогда Бун решился сделать сразу несколько шажков.

Ящерка чуть повела головой, но не убежала.

Бун сжался в комок, прикинул расстояние до ящерицы, досчитал до трех, а потом – прыгнул к камню и накрыл его полукафтаном.

– Попалась! – крикнул он и даже захохотал от радости.

И тут вдруг что-то произошло. Небо словно бы потемнело, хотя туч на нем не было, а потом в нем что-то ярко вспыхнуло. Бун зажмурился и заслонился рукой, а затем осторожно приоткрыл сперва один глаз, а потом другой. То, что он увидел, поразило его своим великолепием. Это был крест. Огромный, сверкающий золотом крест, затмивший собой четверть неба.

– Ох! – выдохнул Бун и сел на землю.

– Красиво, правда? – спросил кто-то рядом.

Бун вздрогнул и повернул голову. На замшелом камне сидел незнакомый человек в темном плаще. Был он еще не стар, но длинные волосы и бороду его уже тронула седина.

Серые глаза незнакомца смотрели на Буна светло и спокойно.

– Ты добрый парень, Бун, – сказал незнакомец. – Таких добрых уже и не осталось в Хлынском княжестве.

– Ты кто, дяденька? – спросил удивленный Бун.

– Я-то? Охотник.

Бун неуютно повел плечами. Охотник! Что же он тут делает, в Гиблом-то месте? На кого тут можно охотиться, кроме темных тварей?

А сам охотник между тем посмотрел на светящийся крест, потом снова опустил взгляд на Буна и сказал:

– Это доброе предзнаменование. Тебе предначертана необычная судьба, отрок. Будет от тебя польза всему белому свету, но не будет Тьме.

Бун нахмурился.

– Я тебя не понимаю, охотник. Какое от меня может быть добро всему белому свету? Свет вон какой большой, а я простой плотник.

Охотник усмехнулся.

– Добро будет. Главное, запомни: не все зло, что кажется злом. И не все добро, что кажется добром. Отпусти ящерицу и возвращайся домой, Бун.

– А как же дядька Родим?

– Дядька Родим умрет – с ящерицей или без. А вот ее яд может сгубить многих.

– Но ведь тетка Яронега обещала изготовить из яда целебное зелье!

– Она тебя обманула, парень. Тетка Яронега продает из-под полы яд тем, кто хочет сжить со света мужа, жену или врага. Люди готовы платить за смерть большие деньги. И тетка Яронега не брезгует на этом зарабатывать.

– Что же мне делать? Как спасти Родима?

– От чего спасти?

– Как от чего? Да от смерти же!

Охотник вновь прищурил свои серые, холодноватые глаза.

– А с чего ты решил, что смерть – это плохо? – спросил он вдруг.

Бун уставился на него выпученными глазами.

– А чего ж в ней хорошего?

– Ты когда-нибудь видел, как гусеница превращается в кокон?

– Ну.

– А как из кокона вылупляется бабочка?

– Сам не видал, но знаю, что это так.

– Вот и с человеком так же. Жизнь – это всего лишь тесный и душный кокон. Умирая, человек обрастает крыльями и возрождается для новой жизни.

– Неужто это и вправду так?

– Конечно. И Родим твой возродится. И ты сам. Но смерть твоя будет еще не скоро. Сперва ты должен послужить Богу, а потом уж и умирать.

Бун обдумал слова охотника, нахмурился и спросил:

– Какую же службу определил для меня твой Бог?

– Служба твоя будет трудная и очень полезная, – спокойно проговорил охотник. – Но пока могу сказать лишь одно: быть плотником – не твое предназначение. Бог хочет для тебя иной участи.

– Какой?

Охотник легонько пожал плечами и сказал:

– Не знаю. Но знаю, что тебе делать дальше.

– И что же?

– Как вернешься в Хлынь, бросай плотничать и становись добытчиком бурой пыли.

Бун снова выкатил на незнакомца глаза.

– Так ведь нельзя! – выпалил он. – За самочинную добычу бурой пыли князь карает смертью!

– Тебя не покарат, – убежденно заявил охотник. – Но на рожон не лезь и будь осторожен. Ходи в Гиблое место за пылью и примечай каждую тропку, каждый кустик, каждое деревце. Когда придет время, ты должен будешь ходить по Гиблому месту, как по своему двору. Понял ли?

– Понять-то понял. Только ничего не понял.

– То, чего недопонял, допоймешь потом. Главное запомни: не все зло, что кажется злом. И не все добро, что кажется добром. И еще запомни: отныне ты не сам по себе. Бог с тобой и он за тобой приглядывает. Засим – прощай!

И охотник исчез.

3

Вот так вот и стал отрок Бун добытчиком бурой пыли. И ходил он в Гиблое место за своим редкостным и запрещенным товаром уже два года. За эти два года Бун превратился из отрока в сильного парня, посуровел, заматерел. Был он теперь немногословен и дикуват, с товарищами по добыче не общался и в Гиблое место всегда ходил один.

И еще – товарищи не раз замечали, что Бун что-то хмуро бормочет себе под нос, а после обмахивает себя тремя сложенными в щепоть перстами. Долго думали, что ж это значит, пока один не додумался. «Да ведь так христиане отгоняют от себя злых бесов!» Тут до всех и доперло: точно – христианин! И Сварога с Велесом никогда не поминает, и Хорсу с Семарглом хвалы не возносит.

Долго судачили об этом добытчики, долго озадаченно скребли бороды. Не могли понять, когда же это Бун стал поклонником Плачущего Бога? И главное – с чего? Однако к самому парню приставать не стали, не принято это было у добытчиков. Всяк спасается от нечисти, как может, и всяк призывает на помощь того, на кого рассчитывает. Некоторые в каждом походе лешего хлебом увещевают. А есть и такие, которые с болотными духами якшаются. Ну, и пусть их! Главное, чтоб помогало.

Бун знал, что добытчики шепчутся у него за спиной, но не обращал на них внимания. Он вообще теперь мало на что обращал внимание, поскольку жил в ожидании чуда, обещанного когда-то призрачным охотником. Он давно понял, что охотник тот был не просто прохожим, хотя об истинной сущности дивного незнакомца мог только догадываться. Не раз, думая об этом, Бун всегда приходил к выводу, что охотник был не кем иным, как ангелом Господним, принесшим ему важную (благу ли?) весть.

И вот однажды, пробираясь по Гиблой чащобе, Бун услышал в отдалении звонкий девичий голос, напевавший незнакомую песню:

По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала.

Бун замер на месте. Песня зазвучала ближе.

Травы собирала,
Корни вырывала,
Месяц скрала,
Солнце съела.
Чур ее, колдунью,
Чур ее, ведунью!

Прошло несколько секунд, и на полянку вышла девка. Была пригожа собой. Одета добротно, но недорого. Скорее всего, дочка какого-то крепко стоящего на ногах крестьянина.

Увидев Буна, девка остановилась и обомлела.

– Не бойся меня, девица, – ласково проговорил Бун. – Я тебя не обижу.

– Кто ты парень?

– Я... охотник. Охочусь тут на рябчиков да куропаток. А вот ты, красавица, как сюда забрела?

Девка легонько потрянула корзинкой, которую сжимала в руке, улыбнулась и ответила:

– По грибы я пришла, нешто не видишь?

– По грибы? – «Да знаешь ли ты, девица-красавица, что ты забрела в Гиблое место?» – хотел сказать Бун, но не стал. Побоялся испугать девку.

Пока он размышлял, как бы объяснить все это незнакомке помягче, девка повела себя странно. Она шагнула к Буну и остановилась. Потом шагнула еще раз и снова остановилась. А потом вдруг отшвырнула корзинку, с быстротою молнии метнулась к Буну, сбила его с ног и принялась с урчанием пожирать его.

А на полянке, откуда ни возьмись, появилась мерзкая, скрюченная старуха с гнилой клюкой в тощей руке. Глядя на то, как Смирена пожирает Буна, она усмехнулась и забормотала:

– Давай, милый!.. Давай, Добровольчик!.. Набирайся сил... Налейся мощью и разыщи для меня Первохода!

Не прошло и минуты, как от тела добытчика Буна остались лишь окровавленные кости да ворох перепачканного тряпья. Однако изменился не только Бун, но и девка, которая его сожрала. Одежда на ней осталась прежняя, девичья, а вот телом, лицом и статью она теперь не отличалась от Буна.

Тщательно облизав кости, псевдо-Бун поднял взгляд к небу, прикрыл от наслаждения глаза и радостно возвестил:

– Я жив!

– Ну же!.. – поторопила ведьма. – Давай, милый!

Псевдо-Бун поднялся на ноги, немного постоял, глядя по сторонам рассеянным, словно бы подернутым дымкой небытия взглядом, а затем вдруг потрянул головой, снова поднял лицо к небу и хрипло проговорил:

– Спасибо Тебе, Господи, за счастье быть на этом свете! И спасибо за то, что уберег от зубов и когтей темной твари!

Выкрикнув все это, псевдо-Бун размахисто перекрестился. Потом наклонился к вороху тряпья и стал торопливо одеваться. Пока псевдо-Бун одевался, ведьма смотрела на него выкатившимися от изумления глазами, словно оцепенела и лишилась дара речи. И лишь когда псевдо-Бун ушел, она отшвырнула клюку, сжала тощие руки в кулаки и, потрясая ими в воздухе, горестно простонала:

– Не того сожрал, дурак!.. Не того!

Потом смачно выругалась, подошла к груде костей, оставшихся от настоящего Буна, и с силой пнула по ним разношенным лаптем.

– Чертов христьянин! – с ненавистью пролаяла она. – Чтоб тебя черти в аду съели! И будь он неладен, этот твой Плачущий Бог! От него все беды!

Еще раз пнув по костям, Мамелфа посмотрела куда-то в чащобу, погрозила кулаком деревьям и злобно прошипела:

– Повезло тебе, Первоход, повезло тебе, сучий выродок... Но в другой раз повезет мне.

Сплюнув себе под ноги, старуха подхватила клюку и заковыляла прочь. Когда она скрылась за деревьями, из близких можжевельников кустов выбежали два тощих волка, набросились на кости Буна и принялись с урчанием их грызть.

4

Сначала шел довольно заболоченный ельник, но потом в лесу стало суше. Вскоре путники ехали по красивой местности, где огромные ясени высоко возвышались над стройными молодыми елями, а под ними расстился изрядно подвядший, однако все еще мягкий и душистый травяной покров. Вскоре в просветах между деревьями засветлела равнина. На влажной земле кое-где виднелись коровьи следы, что ясно говорило о близости человеческого жилья.

Здесь Глеб распорядился спешиться и устроить привал. Быстро разожгли костерок, со вкусом поужинали.

После ужина игрок Тиш повернулся к провидцу Лудобок и спросил:

– Эй, увальнь! Не хочешь развлечься?

Лудобок посмотрел на Тиша спокойным взглядом и сказал:

– Прошу тебя, не называй меня увальнем. Мне это не нравится.

– Ладно, увальнь, не буду, – согласился Тиш. – Сыграем в брусочки?

Лудобок посмотрел на разложенные на траве деревянные бруски, перевел взгляд на игрока и честно предупредил:

– Я тебя обыграю, и ты на меня обидишься.

Игрок прищурил глаза.

– До сих пор это никому не удавалось. Проверим, что лучше – мое везение или твое предвидение?

– Даже не знаю, что тебе ответить...

– Ответь «да» и садись рядом.

Лудобок еще немного поразмышлял, а потом уточнил:

– Ты постарайся на меня не сердиться?

Игрок мрачно усмехнулся.

– Постараюсь. Это ведь я пригласил тебя играть.

– Что ж... Тогда, пожалуй, я сыграю.

Лудобок пересел поближе к Тишу, и они начали играть.

Зоряна, расчесав густые черные волосы, положила гребенку в карман и взглянула на задумчивого, молчаливого Глеба.

– О чем тужишь, Первоход? – спросила она.

Глеб посмотрел на Зоряну и ответил:

– Ни о чем. Просто греюсь у костра.

– Можно мне сесть рядом с тобой?

– Валяй, присаживайся.

Глеб сдвинулся на бревне, дав место девушке. Она села рядом и тоже посмотрела на огонь долгим, задумчивым взглядом.

– Ишь ты, пляшет, – с легкой усмешкой выговорила она. – Хорошо огню. Ни забот, ни тягот – знай себе пляши. Хотела бы я так же.

– А разве не можешь? – иронично осведомился Глеб. – Превратись в вихрь и гоняй себе

по лесу. Или по морю – это и просторнее, и приятнее.

– Превратилась бы, да не могу.

– Значит, есть предел и твоему умению?

– Предел есть всему, Первоход. Ведь и твои силы не безграничны. И сердце твое не так холодно, как может показаться.

– Вот в этом ты ошибаешься, – сказал Глеб. – Над моим сердцем очень долго работали, чтобы сделать его таким, какое оно есть.

Зоряна немного помолчала, глядя на огонь, а потом спросила:

– А правда, что ты провел в Мории три года?

– Правда, – ответил Глеб.

– Я слышала про Морию. Говорят, что лучше умереть, чем попасть туда. Это правда?

– Для кого как.

– А для тебя?

– Для меня это было чем-то вроде долгой загородной прогулки, на которой я заснул, не дождавшись шашлыков.

Зоряна наморщила лоб, пытаясь понять его слова, потом вздохнула и сказала:

– Ты так часто говоришь непонятными словами... Это потому, что ты прибыл к нам из дальней-предальной земли?

Глеб откинул с лица темную прядь волос и кивнул.

– Да. Из такой дальней, что до нее не доскачешь ни на каком коне, даже если будешь скакать без остановки целый год.

Зоряна приподняла брови и удивленно присвистнула.

– Вот это да. Я и не думала, что земля такая большая. А ты когда-нибудь видел ее край?

– Видел.

Зоряна расширила глаза и спросила хриплым шепотом:

– И что там – за краем земли?

– Космос.

– Что ж такое этот «космос»?

– Черная пустота, заполненная звездами.

Глеб достал из кармана берестяную коробку с бутовыми сигаретами, вынул одну и вставил в рот. Затем прикурил от железной зажигалки, заправленной горючей земляной кровью.

Зоряна с открытым от изумления ртом смотрела на его дымящуюся сигарету. Глеб, не обращая внимания на ее удивление, выдохнул облако белого дыма, посмотрел, как расплывается оно в воздухе, и задумчиво произнес:

– Миров в космосе великое множество. А по-настоящему поговорить не с кем. Вот и приходится говорить с самим собой.

– Ты любишь говорить сам с собой? – прищутив темные, слегка раскосые глаза, уточнила Зоряна.

Глеб кивнул.

– Да.

– Но почему?

– Потому, что говорить приятно только с тем, кто тебя понимает. А никто не понимает меня лучше, чем я сам. К тому же...

Зоряна превратилась в Глеба. Не ожидавший такого фортеля ходок поперхнулся сигаретой и выплюнул ее в траву.

– Какого черта? – хрипло выдохнул он.

Двойник Глеба улыбнулся.

– Ты ведь сам сказал, что тебе приятно разговаривать с самим со...

– Прекрати! Быстро превратись обратно, пока не надавал по шее!

Зоряна снова стала сама собой.

– Трудный ты человек, – обиженно проговорила она. – И то тебе не так, и это не этак.

Другое дело Хлопуша с Рамоном. У твоих друзей все на виду. Один любит поесть, другой – почитать стишки и приударить за девками. У них все как у людей. А у тебя один «космос» в голове. Уйду я от тебя, надоел ты мне!

Зоряна поднялась с бревна. Но не ушла. Постояв немного на месте, она снова уселась на бревно.

– Ну? – сухо осведомился Глеб. – И чего не ушла?

Зоряна вздохнула и ответила:

– Не уходит. Прикипела я к тебе за эти дни, Первоход. Ты мне даже ночью снишься.

– В кошмарных снах?

Зоряна покачала головой.

– Нет. В тех, от которых краснеют щеки и о которых не говорят никому, кроме самых близких друзей.

Глеб слегка смутился.

– Прости. Если бы я мог запретить этим снам сниться, я бы...

– Мне нравятся эти сны, – просто сказала Зоряна. Посмотрела на смущенное лицо ходока и добавила: – В них мы с тобой делаем то, чего не делаем наяву. И от того, что мы делаем, мне становится сладко-сладко. А когда я просыпаюсь, то чувствую томление в...

– Ну, хватит, – оборвал ее Глеб.

– Хватит? – вскинула она брови.

– Да. Не продолжай.

– Почему? Ты мне нравишься. Что плохого в том, что девке нравится мужик?

Глеб нахмурился и, стараясь не глядеть Зоряне в глаза, произнес:

– Ну, во-первых, я для тебя уже староват.

Зоряна лукаво прищурилась и проговорила двусмысленным голосом:

– Старый конь борозды не испортит. Да и не старый ты.

Глеб немного помолчал, потом усмехнулся и негромко произнес:

– Значит, я тебе нравлюсь. Хм... По всему видно, что Господь потешается надо мной.

– Я не понимаю твоих слов, Первоход.

– Знаю, что не понимаешь. Но сейчас поймешь. Дело в том, что несколько лет назад у меня была подруга. И она... она была почти такая же, как ты.

Веки Зоряны дрогнули, и она робко уточнила:

– Колдунья?

Глеб кивнул.

– Да, пожалуй. Ее звали Диона. Она умела предсказывать будущее и... и еще много других удивительных вещей.

– И что было потом? Вы расстались?

Первоход качнул головой:

– Не совсем. Я убил ее.

Несколько секунд Зоряна пристально смотрела на Глеба, а потом вздохнула и сказала:

– Я же говорю: все у тебя не как у людей. Ладно. Проводи меня до ручья, я хочу умыться.

Глеб посмотрел на девушку удивленно, но возражать не стал, ему и самому хотелось немного размять ноги.

До ручья было с полверсты, но на середине пути Глеб почувствовал, что кто-то ловко сбил его с ног и уложил спиной на заросли мягкого мха. Зоряна тут же оказалась сверху.

– Первоход! – Она оплела его талию ногами и крепко прижалась к нему всем своим гибким, сильным телом.

«Чудесное владение своим телом на атомарном уровне, – пронеслось в голове у Глеба. – Способность проходить сквозь физические объекты и живых существ, игнорирование препятствий. Возможность воспроизвести любое действие, увиденное ранее. Способность менять свое тело на атомарном уровне и превращать его во что угодно».

Но сейчас Зоряна была не деревом и не каменным валуном, а просто девушкой. И

девушка эта сидела на Глебе верхом, так низко склонившись над ним, что ее волосы щекотали его лицо.

– Какого дьявола ты делаешь, Зоряна? – грубо спросил Глеб.

– Я хочу быть с тобой, – просто ответила девушка.

Глеб приподнял голову и огляделся – нет ли кого поблизости. Потом снова посмотрел на девушку и сказал:

– Немедленно слезь с меня.

Зоряна покачала головой.

– Нет.

– Нет?

Она вновь качнула головой.

– Нет. Я всегда добиваюсь, чего хочу, Первоход. А сегодня я хочу быть с тобой.

Глеб сердито сдвинул брови.

– Кажется, ты забыла про Силки Зигвуда?

Зоряна насмешливо искривила губы.

– Плевать я на них хотела. Ты опутал меня другими силками, ходок, и эти силки во сто крат сильнее и опаснее.

Глеб попробовал оторвать от себя чародейку, но хватка у нее оказалась прямо-таки мертвой.

– Почему я тебе не нравлюсь? – спросила Зоряна, глядя ему в глаза. – Я не красивая?

– Ты очень красивая, Зоряна. Просто ты... не в моем вкусе.

– Ну, это легко поправить! Хочешь, я стану цыганкой?

Лицо Зоряны переменилось, а черные волосы завились в кудрявые локоны. Теперь перед Глебом была ослепительно красивая цыганка.

– А хочешь – буду чухонкой!

И вновь лицо Зоряны стало другим – нежно-белым, скуластым, голубоглазым, а волосы ее сменили цвет с черного на темно-русый.

– Зоряна, я...

– А хочешь, я буду для тебя африканской принцессой?

Глеб не успел ответить, как Зоряна превратилась в чернокожую красавицу с раскосыми глазами, похожую на Наоми Кэмпбелл¹.

– Если будешь со мной, у тебя будет сто женщин сразу! – проговорила Наоми хриловатым, чувственным голосом. – Да что там сто – тысяча! Для тебя я каждый день могу быть новой!

– И всегда ненастоящей? – прищутив глаза, осведомился Глеб.

«Черная пантера» улыбнулась и покачала головой.

– Нет, ходок. Я – это всегда я.

Глеб усмехнулся и холодно проговорил:

– Интересная способность. Тому, кто свяжет с тобой свою судьбу, явно повезет. Но лучше нам остаться друзьями, Зоряна.

Девушка снова обрела свой всегдашний вид. Посмотрела на Глеба из-под нахмуренных бровей и сказала:

– Ты странный. – Помолчала немного и добавила: – И глупый. Но ничего, рано или поздно ты поймешь, что лучше меня тебе никого не найти. Ладно, идем к костру.

Она рывком поднялась на ноги.

– Ты вроде собиралась умыться.

– Уже не хочу. Так ты идешь?

Глеб встал с земли и покачал головой.

– Нет. Я все-таки сполоснусь. Раз уж дошел до ручья.

¹ Наоми Кэмпбелл – знаменитая чернокожая манекенщица.

– Ну, как знаешь.

Зоряна повернулась и быстро зашагала к лагерю.

5

Глеб подошел к ручью, нагнулся и зачерпнул воды. Плеснул себе воду на лицо. Потом еще раз. И еще. В голове у него слегка прояснилось, а вот на душе осталось муторно. Эх, Зоряна, Зоряна... Всесильная чародейка, но в сущности – глупая девчонка.

Глеб качнул головой – нет, второй раз он не допустит подобной ошибки.

Вдруг кто-то прыгнул к нему из кустов, сбил с ног и в одно мгновение навалился на грудь, да еще и рот ладонью закрыл. Первоход попытался спихнуть с себя врага, но незнакомец прижал Глеба к земле так крепко, что ходок не мог пошевелиться. Сила у незнакомца была воистину нечеловеческая.

Приблизив свое лицо к лицу Первохода, незнакомец злобно ухмылялся.

Глеб снова попытался вырваться из его крепкой хватки, но, увы, с тем же результатом.

– Ну, здравствуй, ходок... – прошипел незнакомец, и Глеб с изумлением узнал голос Добровола. – Соскучился по мне?

Враг убрал ладонь с губ Первохода.

– Добровол?... – Глеб внимательнее взгляделся в лицо врага. Лицо было молодое, свежее, хотя и бледное. – Этого не может быть!

Парень ослабил зубы в усмешке. Глаза его горели безумным огнем.

– Что тебе нужно? – спросил Глеб.

– Твое сердце! – прошипел незнакомец. – Я вырву его из твоей груди и съем!

Казалось, что руки, прижавшие Глеба к земле, сделаны из железа. Кем бы ни оказался этот парень, но силен он был необыкновенно. «Надо тянуть время», – пронеслось в голове у Глеба.

Он холодно осведомился:

– Тебе это посоветовала Мамелфа? Она опять обманет тебя. Как обманула в прошлый раз.

В глазах парня промелькнуло сомнение, но в следующий миг глаза эти снова осветились безумным огнем, и он прорычал:

– Я должен съесть твое сердце, пока оно еще бьется в моих руках!

Добровол опустил взгляд на грудь Первохода, и к безумству в его глазах добавился голод. Огромный, нечеловеческий, неутолимый голод.

И вдруг Глеб со всей отчетливостью понял, что это конец. Что из мощных рук безумца ему уже не вырваться.

– Добровол... – позвал он, силясь пошевелить не руками, так хотя бы плечами. – Как ты стал таким?

– Таким сильным? – Холодные глаза парня хищно сузились. – Мне пришлось сожрать двоих, чтобы обрести силу.

Вдруг послышался глухой звук удара, и парень, слетев с Глеба, свалился на траву.

Хлопуша опустил дубину, посмотрел на Глеба и сказал:

– Слава богам, что я оказался рядом, Первоход. Кто этот ненормальный?

Глеб поднялся на ноги и отряхнул испачканные рукава куртки. Потом взглянул на незнакомца и ответил:

– Он говорил со мной голосом князя Добровола.

– О как! А разве твоя бомба, которую ты вбил Доброволу в глотку, не разорвала его на куски.

– Разорвала. Но Мамелфа придумала новый фокус, и вот он опять перед нами. Только в другом обличье.

Хлопуша пристально посмотрел на лежащего.

– Готов поклясться, чтобы заполучить обличье этого юноши, Добровол сожрал его с

потрохами, – глухо пробасил он.

– Вполне возможно, – согласился Глеб. – Интрига в духе Мамелфы.

Ходок присел рядом с парнем, наклонился и исследовал его голову.

– Череп цел, – констатировал Первоход. – Но, похоже, у парня внутричерепное кровоизлияние или что-то в этом роде. Ты здорово приложил его дубиной, Хлопуша.

– Приложил бы и сильнее, если бы было время рассчитать удар, – пробасил здоровяк. – Ты сам его добьешь или хочешь, чтобы это сделал я?

Глеб выпрямился и удивленно посмотрел на Хлопушу.

– Ты это серьезно?

– Он одержимый, – хмуро заявил здоровяк. – Если мы оставим его в живых, он снова выследит тебя. Если ты не можешь его убить, я сделаю это сам. Размозжу ему дубиной череп, и делу конец.

– Никаких дубин, – твердо сказал Глеб. – Мы не станем его убивать.

Хлопуша нахмурился.

– Что же мы с ним сделаем? – недовольно осведомился он. – Перебьем ему ноги?

Но снова Глеб покачал головой.

– Нет.

– Тогда что?

– Свяжем ему руки за спиной и оставим здесь.

Хлопуша посмотрел на скрючившуюся на траве худощавую фигуру.

– Почему только руки?

– Потому что у каждого должен быть шанс, – назидательно изрек Первоход.

– Даже у такого негодяя, как Добровол?

– Даже у него.

Хлопуша вздохнул:

– Не понимаю я тебя, Первоход. Но последнее слово за тобой.

Здоровяк размахнулся и забросил дубину в кусты.

– И все-таки ты не прав, – проворчал он затем. – Впереди нас ждет много опасностей, но ты оставил опасность и у нас за спиной.

– Ничего. Бог не выдаст, свинья не съест. Давай-ка свяжем парня, пока он не пришел в себя. Да, и еще. Не говори никому про то, что здесь произошло.

– Почему?

– Не хочу, чтобы наши ребята забивали себе этим голову. У них и без того волнений полон рот.

Хлопуша хмыкнул:

– Как скажешь, друг. Как скажешь.

Глава седьмая КТО ИЗ НИХ?

1

На холме виднелся город, обнесенный крепостной стеной. Мост через глубокий ров был переброшен. Похоже, сегодня здесь не ждали врагов.

Глеб повернулся к Хлопуше и Рамону.

– Я чувствую его, – сказал он. – Этот парень здесь.

– Ты уже знаешь, какие у него способности? – любопытствовал Хлопуша.

Глеб покачал головой:

– Нет. Вокруг него по-прежнему защита. Не уверен даже, что я узнаю его при встрече.

– Первоход, если мы нагрянем в город всем отрядом, мы можем спугнуть его, – рассудительно проговорил Рамон.

– Верно, – согласился Глеб. – Поэтому мы пойдем в город с тобой вдвоем.
– А я? – пробасил удивленно Хлопуша.
– А ты возвращайся в лагерь и присмотри за нашими ребятами. Отвечаешь за них головой, понял?

Здоровяк нахмурился.

– Какого лешего, Первоход? – обиженно спросил он. – Вы опять решили обойтись без меня?

Глеб оглядел здоровяка с ног до головы и сказал:

– Прости, Хлопуша, но ты слишком приметный. Народец в этой местности живет не очень рослый. Ставлю голову на отсечение – за тобой по всему городку будут бежать мальчишки с воплями: «Богатырь, достань воробушка!»

Здоровяк насупился.

– Рамон тоже приметный, – пробубнил он. – Такой ухоженной бородки больше ни у кого нет. А в ухе у него серьга.

Рамон вежливо улыбнулся, поднял руку и вынул из уха золотую серьгу.

– А бороду я подстригу, – пообещал он.

Несколько секунд Хлопуша молчал, угрюмо поглядывая на Глеба из-под нахмуренных бровей, затем природное добродушие взяло верх, здоровяк вздохнул и обреченно махнул рукой.

– Ладно, идите вдвоем. Хотя зря ты, Первоход, берешь с собой этого хлыща, а не меня. Его ножичками только караваи резать. А моя палица сокрушит любого врага.

– Это правда, – кивнул толмач красивой, словно у девушки, головой. – А если враг выбьет из твоей руки палицу и оставит тебя безоружным, ты его просто съешь!

Глеб и Рамон засмеялись, а Хлопуша скривился, проворчал что-то вроде «очень смешно», затем повернулся и зашагал к лагерю.

* * *

В город Глеб и Рамон вступили, закутавшись в просторные плащи, которые прагматичный Хлопуша прихватил в разгромленном стане разбойников.

Городские ворота миновали без всяких проблем. Ратники-охоронцы лишь смирили их равнодушными взглядами и тут же отвернулись, а десятник поинтересовался без всякого любопытства в голосе:

– Для чего вы здесь, путники?

– Странствуем, – ответил Глеб.

– А-а. Ну, проходите. Только глядите не воруйте. Коли попадетесь на воровстве – лишитесь рук.

– Что ты, служивый, какое воровство? – улыбнулся Первоход. – Нешто мы сами себе враги?

На том беседу и закончили.

Войдя в город, Глеб и Рамон довольно долго бродили по его улицам, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что встречали по пути. Мнение о городе у них составилось не слишком отрадное. Беден был город. Беден и захудал.

Возле одной из лавок торжка встретили Глеб и Рамон двух мужичков. Один был худосочный, с красным носом и всклокоченными жесткими волосами, похожими на ежовые колючки. Второй – длинный и сутулый. Мужики оказались общительными и охотно вступили со странниками в беседу.

– Наш князь Гостивар – самый лучший князь на славянских землях! – с гордостью сообщил худосочный. – От нашего князя никто никогда не уходил обиженным!

– Он беспрестанно заботится о нас, – подтвердил сутулый вялым голосом.

– Если он так сильно о тебе заботится, то почему у тебя такие ветхие штаны? – поинтересовался у сутулого Глеб. – А ты выглядишь голодным, – сказал он худосочному. –

Сколько дней не ел-то?

– Великий князь не может уследить за всеми сразу! – обиженным голосом возразил худосочный.

– Но он старается, – робко подтвердил сутулый. – Все лучшее, что мы имеем, – от него. А худшее – от нас самих.

Рамон усмехнулся и тихо пробормотал:

– Завидная преданность властителю.

К мужикам подошла тщедушная женщина с закутанной в желтый платок головой.

– Об чем говорите? – поинтересовалась она у худосочного, с подозрением посмотрев на Глеба и Рамона.

– Об нашем князе, – ответил тот.

При слове «князь» лицо женщины осветилось, а взгляд потеплел.

– Наш князь – великий человек! – с гордостью заявила она.

Сутулый кивнул.

– Да, я им уже об этом говорил.

Женщина поправила платок и затараторила:

– Прошлым летом мы выкопали новый колодец. Воды в нем долго не было, мы даже подумали, что выкопали не в том месте. Но потом вода пошла, и колодец наполнился. И все это благодаря нашему князю.

– Что же он такого сделал? – поинтересовался Глеб. – Послал своих слуг очистить колодец?

Худосочный покачал головой.

– Не. Колодец расчистил я.

– Что же тогда сделал князь?

– Он беспрестанно думал о нас и сочувствовал нам всей душой, – сказал сутулый и тяжело вздохнул.

– Откуда вы знаете, что он про вас думал? – поинтересовался Рамон.

Мужики и баба переглянулись. Худосочный сдвинул брови и назидательно проговорил:

– Это все знают. Наш князь заботится о каждом из горожан и сочувствует нашим бедам, как своим собственным. Все хорошие мысли, которые приходят к нам в головы, – его заслуга.

Глеб откинул с лица темную прядь волос и негромко сказал:

– Что-то я совсем запутался. Рамон, ты что-нибудь понял?

– Только то, что князь для этих людей – настоящий Бог, – задумчиво ответил толмач.

– Бог? – Худосочный возмущенно сверкнул глазами. – Не говорите так, странники! Наш князь больше, чем бог, и лучше, чем бог!

– Да, – сказал им Глеб. – Несомненно.

Затем обнял Рамона за плечи и отвел его в сторону.

– Думаю, толмач, нам нужно идти напрямик в княжий терем, – предложил он.

– Да, – согласился Рамон. – Ни об одном человеке в мире я не слышал столь удивительных и хвалебных речей. Либо здешний князь и впрямь бог, либо он...

Рамон не закончил фразу, да этого и не требовалось.

– Княжий терем хорошо виден отсюда, – сказал Глеб, глядя на большую расписную домину, стоящую на пригорке.

– На фоне здешних ветхих лачуг он выглядит как настоящий королевский дворец, – заметил итальянец. – Кем мы представимся, когда придем ко двору, Первоход?

Глеб на секунду задумался, потом пожал плечами.

– Пока не знаю. Сориентируемся на месте. На всякий случай сделай лицо посolidнее. Вдруг нам придется представиться иноземными послами могущественной и богатой державы.

Рамон оглядел пыльный плащ Глеба и заметил с улыбкой:

– На послов богатой державы мы не слишком похожи.

Глеб усмехнулся.

– Знаю, толмач, знаю. Но дай хотя бы помечтать.

Рамон вновь улыбнулся, а потом спросил:

– Что будем делать с оружием?

– Припрчем в кустах, неподалеку от ворот княжьего терема. – Глеб вздохнул и добавил: – Чует мое сердце, оно нам понадобится.

2

У больших, железных ворот терема скучали на лавках семеро охоронцев в полном вооружении. При появлении Глеба и Рамона охоронцы посмотрели на них с настороженным любопытством.

Глеб остановился перед охоронцами, изящно (как он сам, по крайней мере, считал) поклонился им и громко сказал:

– Приветствую вас, доблестные воины!

– И тебе не хворать, – небрежно проговорил один из охоронцев, самый пожилой и бородатый. – Чего надобно?

– Мы с моим высокородным спутником... – Глеб сделал круговое движение рукой, как бы заключая себя и Рамона в невидимый круг избранных персон, – отправились в путешествие с целью составить подробный свод славянских земель и жителей, их населяющих, и долгая дорога, по которой мы шествуем вот уже несколько месяцев, наконец-то привела нас в ваше княжество.

Глеб перевел дух, приходя в себя после длинной, витиеватой фразы. Охоронцы переглянулись и снова уставились на Глеба. Они ждали продолжения.

Глеб осмотрел пыльные, бородатые лица, улыбнулся и сказал:

– Короче, парни, нам бы встретиться с вашим князем и поговорить с ним по душам. Это возможно?

Самый бородатый и пожилой из охоронцев сплюнул в пыль, вытер мокрые губы рукавом поддевки и ответил:

– Отчего ж нет... Князь странников привечает. Только мне надо посоветоваться со старшим. Как он решит, так и будет.

– Отлично! – кивнул Глеб. – А кто у нас старший?

– Военный советник Балабан.

– Вот как. И где же он сейчас?

Пожилой охоронец снова сплюнул в пыль, вытер губы, на этот раз не так тщательно, как прежде, и произнес с ленцою в голосе:

– А кто ж его знает? Ходит где-то.

Глеб взглянул на Рамона. Тот пожал плечами. Глеб снова перевел взгляд на охоронца и сказал, чуть повысив голос:

– Ну, может, кто-нибудь из вас его разыщет? Мы подождем.

На ленивых лицах охоронцев появились усмешки. А пожилой бородач изрек:

– Балабан не любит, когда его отрывают от дел попусту. Будь вы странствующими скоморохами, еще куда ни шло. Песенку бы ему какую спели али б станцевали. Вот разве что сами что-нибудь споете. – Он насмешливо посмотрел на Глеба. – Как, страннички? Спляшете для нас?

Охоронцы заусмехались и загыкали. А Глеб пристально посмотрел насмешнику в глаза и отчеканил:

– У тебя очень длинный язык, бородач, но все же попробуй держать его за зубами. Иначе мне придется чуть-чуть его подрезать.

Охоронцы, не ожидавшие от мирных странников таких дерзких речей и привыкшие к тому, что путники, не разбирающиеся в тонкостях местной жизни, годятся лишь на то, чтобы быть предметом насмешек, выкатили на Глеба глаза.

– Что-о?! – проревел пожилой охоронец, когда смысл сказанных Глебом слов окончательно уместился у него в мозгу. – Да я тебя...

Бородач вскочил с лавки и рванул из ножен меч.

Глеб не шевельнулся. Он стоял перед охоронцами в полный рост, расставив ноги и заложив руки за спину, и, чуть склонив голову набок, смотрел на разъяренного воина, сжимающего в руке меч, спокойным, холодновато-ироничным взглядом.

Бородач ринулся вперед и рубанул Глеба мечом по голове. Первоход чуть сдвинулся, и бородач вместе со своим тяжелым мечом повалился в пыль.

Охоронцы помоложе захохотали.

– Так его, Пиреней! – весело крикнул кто-то. – Руби на ши!

– Эй, бездельники, чего тут у вас?! – рявкнул громкий, сухой и трескучий голос.

Охоронцы тут же повскакивали с лавок, быстрыми, привычными движениями оправили брони и шеломы, положили руки на края своих мечей и вытянулись в струнку.

К воротам подошел хромой, невысокий человек с темным, безбородым, загорелым лицом, кривыми ногами и такими широкими плечами, что они казались ненастоящими. В лице человека было что-то восточное, но не хазарское, а скорей аравийское. Да и одет он был странно для русского воина – кафтан заморский, сапоги такие, какие носят северяне, на голове хазарская шапка, а на боку кривой печенежский меч в ножнах со вставками из слоновой кости.

Остановившись у ворот, Хромой бес (а Глеб сразу же про себя нарек его этим прозвищем) оглядел гостей и спросил:

– Кто такие будете?

Глеб поклонился и ответил:

– Мы странники. Путешествуем по славянским землям, беседуем с князьями, воинами и простым людом.

Хромой бес чуть прищурил карие, окаймленные густой тушью черных ресниц глаза и с усмешкой проговорил:

– Ясно. Вынюхиваете, значит.

Сказав это, он внимательно и остро взгляделся в лицо Глеба. Тот не повел бровью, а продолжал молча и спокойно смотреть на собеседника. Того, похоже, спокойствие странника немного смутило.

– Так что скажешь, странник? Вынюхиваете или нет?

– Смотря что ты имеешь в виду под словом «вынюхивать», незнакомец, – невозмутимо отозвался Первоход. – Мы интересуемся всем, что считаем интересным, а после делаем заметки для будущего свода. Свод сей, ежели будет создан, значительно облегчит жизнь не только странникам вроде нас, но и купцам.

– А также ратникам, желающим пополоскать сапоги в пыли заморских держав, – с усмешкой добавил Хромой бес.

– И самое благое дело можно обернуть во зло, – спокойно возразил Глеб. – Ножом можно резать хлеб и раздавать его нищим, а можно зарезать хорошего человека.

Хромой бес пристально посмотрел Первоходу в глаза и обронил:

– Ты не глуп. Нашему князю было бы интересно с тобой поговорить.

Глеб вежливо улыбнулся.

– Что ж мешает? Вот он я – весь здесь.

Хромой бес чуток помолчал, потом глянул на замерших по стойке «смирно» охоронцев, снова перевел взгляд на Глеба и заявил:

– Уж больно ловко ты дерешься для простого странника.

– А кто тебе сказал, что я простой странник? В былые годы я был неплохим ратником и служил хлынскому князю Аскольду, а после – его преемнику Егре.

– Князю Егре? Он ведь уже много лет как мертв.

– Верно, – кивнул Первоход. – Князь Егра мертв, а я, после войны с Голядью, повредил спину и не могу держать в руках ничего тяжелее...

Тут Глеб прибавил крепкое словцо, чем вызвал улыбки на физиономиях охоронцев и усмешку на смуглом лице Хромого беса.

– Вижу, – сказал, усмехаясь, Балабан. – Вижу, что ты не при оружии. Хотя... В наше тревожное время по дорогам бродит множество наемных убийц. Я слышал, что иные из них могут убить человека даже голой рукой.

Глеб вскинул брови.

– Голой рукой? Нешто такое возможно?

– Возможно, друг, возможно.

– Какой ужас. Никогда бы не подумал. Так ты устроишь нам встречу с князем Гостиваром, советник Балабан?

– Я бы с радостью устроил вам встречу с князем и с еще большей радостью поприблизился бы на этой встрече сам. Пресветлый князь любит поговорить с гостями из далеких земель. Однако сегодня, странники, вам не повезло.

– Как это?

– Да так. Князь Гостивар сегодня никого не принимает. Придется вам прийти завтра. А пока могу посоветовать вам хороший постоялый двор.

– Отчего же так? – поинтересовался Рамон своим мягким, вызывающим доверие голосом. – Отчего пресветлый князь не принимает?

– Оттого, что хворает.

Глеб и Рамон переглянулись. Рамон хотел что-то сказать, но Глеб остановил его жестом и, снова обратив взор на военного советника, сказал:

– Быть может, нам удастся его вылечить?

Советник Балабан приподнял брови и насмешливо обронил:

– Так ты лекарь? Никогда бы не подумал.

– Никогда не суди о людях по внешности, советник, – вежливо сказал ему Глеб. – На твоём лице почти нет шрамов. Какой-нибудь глупец мог бы решить, что ты не участвовал в сражениях, раз лицо твоё чисто. А я скажу – шрамов у тебя нет, потому что ты умелый и ловкий воин.

Балабан прищурил раскосые глаза.

– Значит, и вправду лечишь?

Глеб кивнул.

– Да. Мы с моим помощником лечим людей лесными снадобьями и травяными настоями.

– И что, хорошо помогают?

Глеб чуть склонил голову в вежливом поклоне и ответил:

– Скажу тебе как на духу, советник: я не встречал ещё болезнь, которую не смог бы вылечить.

– Что ж... Тогда, пожалуй, я проведу вас к князю. Но имейте в виду, странники: ежели прогневите князя, я сам срежу ваши никчемные головы с ваших никчемных плеч.

Слова эти были произнесены ровным, спокойным голосом, но было совершенно очевидно, что Балабан не шутит и в случае необходимости сделает то, что пообещал.

Балабан повернулся и зашагал к терему. Глеб и Рамон последовали за ним.

– Первоход, – тихо обратился к Глебу толмач. – Думаешь, князь – тот, кого мы ищем?

Глеб пожал плечами:

– Не знаю, Рамон. Но человек этот определенно во дворце. Я чувствую его присутствие.

– Эй, лекари! – окликнул, не оглядываясь, Балабан. – Чего вы там шепчетесь?

– Обсуждаем целебные зелья, которые можно приготовить из наших трав, – отозвался Глеб.

– Обсуждайте громче! Не люблю, когда бормочут у меня за спиной!

– Как скажешь, советник. Как скажешь.

Горница, куда Балабан ввел Глеба и Рамона, оказалась довольно просторной залой с выкрашенными в разные цвета и украшенными медной чеканкой стенами.

На широкой лавке, накрытой коврами и шкурами, лежал князь Гостивар. Князь оказался сухопарым, пожилым мужчиной с одутловатыми щеками и обозначившимся брюшком. Одет он был в белую ферязь, застегнутую золотой пряжкой. Вид у Гостивара был болезненный и усталый, лицо исказила гримаса боли, а на голове лежал бурдюк – по-видимому, с холодной ключевой водой или со льдом, наколотым на леднике.

Глеб и Рамон поклонились князю в пояс.

– Пресветлый князь, к тебе пришли иноземные лекари! – сообщил Балабан. – Этого вот... – Он указал на Глеба, – зовут Галейб Ибн Табак!

Князь посмотрел на Глеба, мучительно поморщился и проговорил недовольным голосом:

– Отчего такое сложное имя, когда сам ты похож на русича?

– Моя мать была родом из Персии, – вежливо ответил Глеб.

– Вот как? – Князь болезненно усмехнулся. – Далеко же она забралась, чтобы произвести тебя на свет, лекарь. – Он перевел взгляд на Рамона. – А как зовут второго?

– Раймонд, сын Гевеласа! – представился толмач и изящно и церемонно поклонился.

– Каков хлыщ... – усмехнулся князь и поморщился от нового приступа боли. – Я занемог, – сказал он, глядя на Первохода. – Если ваше лекарское искусство принесет мне облегчение, я щедро вас награжу.

– А если нет? – осведомился Глеб.

Князь прищурил морщинистые веки.

– Тогда прикажу Балабану спустить с вас шкуру живьем. Уж не обессудьте.

– Это справедливо, – согласился Глеб и незаметно сглотнул слюну. – Я постараюсь вылечить тебя, пресветлый князь.

Он посмотрел Гостивару в глаза. А глаза-то у князя были приметные. Небольшие, идеальной формы, с яркими радужными оболочками неопределенного цвета, по центру – зеленые, по краям – голубые, а в целом – как будто бы серые. Взгляд этих необыкновенных глаз был спокойным, холодноватым, но за холодом этим чувствовался неистовый огонь. Как если бы за ледяной стеной полыхал костер, отблески которого ложились на эту стену.

Князь покосился на советника Балабана и капризно проговорил:

– Балабан, тебе необязательно тут быть.

– Твоя правда, пресветлый князь, – с поклоном ответил военный советник. – Я оставлю здесь двух охоронцев, а остальных уведу, чтобы они не мешали.

Военный подал своим людям знак и ушел, прихватив с собой троих и оставив у двери двух дюжих охоронцев, таких молчаливых, непроницаемых и неподвижных, что их легко можно было спутать с мебелью.

Дождавшись, пока Балабан выйдет, Глеб дал знак Рамону отойти в угол и сесть на лавку, а сам уселся на резную скамеечку рядом с кроватью и повнимательнее вгляделся в лицо князя.

«Он? – подумал Глеб, старательно прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. – Или не он?... А ежели не он, тогда кто? А ежели он – то в чем заключается его Дар? Не размажет ли он меня взглядом по полу и не вывернет ли наизнанку, как рукавичку?»

С опаской поглядев на Гостивара, Глеб осторожно спросил:

– На что жалуешься, князь?

– На судьбу, – ответил тот.

– И чем она тебе не угодила?

– Тем, что заставляет меня страдать от головных болей, – последовал мрачный ответ. – И это при том, что я не пью ни брагу, ни водку.

– Ну, что ж... Тогда мы с тобой поговорим о твоей болезни подробнее, а затем уж я

сделаю вывод и пропишу тебе лекарство.

Глеб думал, что князь заупрямится, но тот, поминутно поморщиваясь от боли, подробно рассказал ему о том, что чувствует, как и от чего возникает боль и благодаря чему проходит. Чем больше Глеб слушал, тем больше убеждался в том, что все это он уже слышал. Много лет тому назад, в Москве, от редактора отдела моды Кати Корольковой.

Раз в неделю или в две Катя заявляла, что она «полный неликвид», потому что у нее снова «эта проклятая мигрень». Далее следовало подробное и жалостливое описание симптомов и просьба ко всем «не дергать меня по пустякам, а лучше вообще оставить меня в покое».

Выслушав Гостивара, ходок сделал умное лицо и со значением проговорил:

– Пресветлый князь, похоже, что у тебя мигрень.

Зрачки Гостивара расширились.

– Миг... что?

– Рень, – сказал Глеб. – Миг-рень. Голова кружится или только болит?

– Иногда кружится, – ответил князь, поглядывая на Глеба взглядом, в котором затеплилась надежда.

– И болит всегда с одной и той же стороны?

– Да.

– И отдает в глазу?

– Да.

– Дай-как мне свою левую руку, – потребовал Глеб.

Гостивар нахмурился, но руку протянул. Глеб обхватил пальцами запястье властителя и послушал пульс. Потом сравнил со своим. Пощупал лоб князя (лоб был холодный), откинулся на спинку кресла и изрек:

– Пресветлый князь, я не самый гениальный диагност в мире, но думаю, что ты гипотоник.

– Кто я? – не понял Гостивар.

– Гипотоник, – повторил ходок. – Человек, страдающий от пониженного давления. Кровь струится по твоим сосудам медленнее, чем надо.

– Вот как? – Князь сдвинул брови. – И как же ее разогнать?

Глеб немного подумал, потом вздохнул и полез в сумку-ташку, притороченную к поясу. Охоронцы, стоявшие у двери, тут же лязгнули оружием, но князь вяло махнул рукой и сказал:

– Пускай.

Охоронцы не отозвались, оставшись на своих местах и по-прежнему внимательно следя за действиями пришедшего лекаря.

Глеб тем временем достал из сумки оловянную коробочку, скovyрнул ногтем крышку и протянул князю.

– Понюхай.

Гостивар понюхал. Посмотрел на ходока снизу вверх и хмуро осведомился:

– Что это?

– Жареные и перемолотые в порошок кофейные зерна. Берег для себя, но раз такое дело... Сейчас я тебе приготовлю отличный крепкий кофе. – Глеб повернулся к охоронцам: – Эй, вы! Принесите мне кружку с крутым кипятком. И другую – с холодной водой. Да поживее!

На непробиваемых физиономиях охоронцев появилось озабоченное выражение.

– Чего глазами лупаете?! – прикрикнул на них князь. – Ташите кипяток, раз лекарь говорит!

Охоронцы переглянулись. Один из них резко повернулся и шагнул к двери. А спустя пять минут князь уже держал в ладонях большую чашку с ароматным кофе, который Глеб разбавил холодной водицей, чтобы не ждать, пока он остынет.

Гостивар решил отведасть диковинного напитка лишь после того, как Глеб сам

отхлебнул. После двух глотков князь сморщился и сообщил:

– Горек твой напиток, лекарь.

– Он и должен быть горек, – рассудительно произнес Глеб. – Это ведь лекарское снадобье, а не вишневый компот. Кстати, совсем забыл...

Первоход снова полез в сумку-ташку. На этот раз охоронцы не стали хватать его за руки, но предостерегающе положили пальцы на рукояти своих мечей. Глеб же достал из сумки фляжечку с водкой, открутил крышку и плеснул немного водки в чашку с кофе, которую Гостивар держал в руках.

Князь унюхал запах спиртного, сурово сдвинул брови и спросил:

– Это зачем?

– Пей и не спрашивай, – сухо ответил Глеб.

– Но я не...

– Пей, если хочешь вылечиться.

Гостивар нахмурился, но спорить не стал. За несколько глотков он выпил весь кофе, поставил пустую чашку на стол и откинулся на шкуры и подушки.

Все время, пока он пил, Первоход пытливо разглядывал его и пытался угадать – человек ли князь или нет? На какое-то мгновение Глеб почувствовал такой напор неведомой Силы, что у него слегка закружилась голова. Что-то вроде легкой, едва ощутимой тени попыталось проникнуть ему под черепную коробку и ощупать его мысли. Глеб прикрыл веки, стиснул зубы и усилием воли выбросил «чужака» из головы.

Затем он взглянул на князя и вздрогнул. Гостивар смотрел на него пристальным тяжелым взглядом, от которого Глебу снова сделалось не по себе.

– Что дальше? – сухо осведомился князь.

– Дальше? – Глеб выдавил улыбку. – Полежи немного неподвижно. А там решим, что дальше.

– Ну, смотри, – с угрозой произнес князь Гостивар и расслабился.

Глеб бросил взгляд на Рамона. Тот сидел на лавке с невозмутимым видом. Однако спокойствие это было обманчивым. Глеб знал, что гибкое тело Рамона в эти секунды подобно сжатой пружине, готовой распрямиться в любой момент.

Прошло несколько минут. Князь посмотрел на Глеба и вдруг – улыбнулся.

– Мне легче, – выдохнул он. – Мне и в самом деле легче.

Глеб облегченно вздохнул, Рамон улыбнулся, и даже охоронцы, стоявшие у двери, слегка подтаяли и расслабились.

И тут Глеб почувствовал новую атаку. На этот раз чуждая, страшная тень так резко вторглась ему в мозг, что перед глазами у него ярко вспыхнуло, а затем глаза заволокло желтой пеленой. За мгновение до этого он успел увидеть, как Рамон вскинул руки к голове и сжал виски.

Поняв, что вот-вот потеряет сознание, Глеб вскочил со скамьи и бросился на одного из охоронцев. Рамон последовал его примеру – дикой кошкой прыгнул он на второго охоронца, намереваясь сбить его с ног. Чуждая тень выскользнула из головы Первохода, сознание его прояснилось, а в следующее мгновение он, быстро присев, ударил охоронца кулаком в пах, а затем выхватил у него из ножен меч, резко распрямился и со всего маху рубанул охоронца голомением меча по медному шелому. И тут же повернулся ко второму.

А тот уже сбросил с себя Рамона, швырнул толмача об пол и разбил ему голову. Глеб сделал яростный выпад, и клинок его меча вонзился охоронцу в горло.

Первоход отпихнул бедолагу ногой и выдернул меч, а затем повернулся к первому охоронцу, который медленно сползал по стене на пол, и еще раз двинул ему голомением по шелому.

Битва была закончена. Глеб склонился над Рамоном и быстро спросил:

– Ты как?

– Жи...вой, – с трудом ответил Рамон.

Глеб глянул на его окровавленную голову («с виду ничего серьезного, рассечена кожа,

и только-то»), кивнул, потом повернулся к князю.

Тот сидел на своей крытой шкурами и коврами лавке и смотрел на Глеба угрюмым взглядом. В руке у князя Глеб увидел короткий, остро отточенный кинжал.

– Брось ножик, Гостивар! – сурово приказал ходок.

Князь сглотнул слюну, а затем нехотя швырнул кинжал на пол. Снова посмотрел на Первохода и спросил сиплым, подрагивающим голосом:

– Тебя наняли убить меня?

– Нет, – ответил Глеб и вытер рукавом потный лоб. – Я пришел к тебе за помощью, Гостивар.

– За помощью? – Брови князя приподнялись. – Но разве *так* просят о помощи?

– Нечего было лезть в мои мозги, – хмуро ответил Глеб. – К тому же, когда я шел сюда, я не знал, что ты окажешься князем.

На лице Гостивара снова появилось недоумение.

– Я тебя не понимаю, лекарь.

– Ничего, потом поймешь. Кстати, как твоя голова? Не болит?

– Голова?... – растерянно пробормотал князь. – Нет... Уже не болит. Ты излечил меня.

– Сегодня мне исключительно везет, – сообщил Первоход. – Два диагноза, и оба в точку. Может, и впрямь податься в лекари? Стану здесь местным «доктором Хаусом». Отличная перспектива.

– Я не понимаю тебя, лекарь, – снова тревожно проговорил Гостивар.

– Я потом тебе все объясню, – пообещал Глеб. – А теперь – прости.

Глеб повернулся к воронцу, сгреб с него кувшин и резко ударил князя кувшином по голове.

...Отшвырнув обломок кувшина, оставшийся в руке, Первоход пощупал жилку на шее князя и удовлетворенно кивнул:

– Живой.

– Думаешь, мы сможем вынести его из терема? – спросил Рамон, вытирая голову смоченным в вине полотенцем.

Глеб разомкнул губы для ответа, но тут насмешливый девичий голос у него за спиной негромко произнес:

– Думаю, да.

– Зоряна, – усмехнулся Глеб и повернул голову на голос.

Девушка вышагнула прямо из стены, остановилась посреди горницы и окинула поверженных врагов хмурым взглядом.

– Да, мальчишки... Наделали вы делов. – Потом взглянула на Глеба и спросила: – Первоход, мне стать князем? Или лучше каким-нибудь десятником?

– Князем, – ответил Глеб.

Девушка кивнула, посмотрела на князя и начала меняться. Через десять секунд вместо Зоряны посреди горницы стоял князь Гостивар, только одетый в женскую длинную куртку, расшитую бисером, и женские сафьяновые сапожки.

– Про одежду забыла, – напомнил Рамон.

Зоряна кивнула и за пару секунд довершила начатое дело.

4

Из терема выехали на роскошной, крытой парусиной телеге. Удивленным охоронцам «князь» сообщил, что желает показать дорогим гостям свой город, и запретил им сопровождать себя.

Глеб боялся наткнуться на военного советника Балабана. В отличие от безмозглых, безынициативных охоронцев Хромой бес был хитер и прозорлив, и он бы, конечно, сразу понял, что «тут что-то не так». Однако фортуна уберегла Глеба и его спутников от разоблачения. Балабана во дворе не было.

Телега благополучно выехала за ворота и покатила по улице к городской стене. Связанный по рукам и ногам князь открыл было глаза и попытался что-то сказать, но, во-первых, рот его был заткнут кляпом, а во-вторых, он увидел Зоряну, которая как раз меняла одно обличье на другое. Князь выпучил глаза, а потом щеки его покрыла бледность, зрачки закатились под веки, и он снова потерял сознание.

– Чувствительный, – сочувственно проговорил Рамон. – Не то что наш князь Добровол.

– Он уже не князь, – напомнил Глеб.

Рамон усмехнулся и сказал:

– Да уж. И где он, интересно, сейчас?

– Бегаёт по лесу, обратившись в чудовище, – сухо ответил Первоход. – Рамон, Зоряна, будьте внимательнее. Мы подъезжаем к городской стене. Зоряна, самое время обратиться в какого-нибудь охоронца поважнее чином.

Девушка кивнула и за несколько секунд превратилась в хмурого, рыжебородого десятника, которого видела час назад, пробираясь к княжьему терему.

Возле чахлой рощицы берёз Глеб велел Рамону остановить телегу, быстро выскользнул наружу, прошел к куче сухой травы и вынул из-под нее мечи и ольстру. Затем вернулся в телегу, и они продолжили путь уже с мечами-всерубами и громовым посохом.

Доехав до ворот, телега остановилась у бревна, лежащего на вкопанных в землю рогатинах и перекрывающего дорогу. Зоряна, принявшая облик рыжебородого детины, высунулась в окно и гаркнула:

– Подымай бревно! Мы спешим по княжьим делам!

Набольший в группе охоронцев поднялся с лавки и подошел к телеге.

– Аждай, ты ли? – спросил он, увидев в окошке рыжую бороду своего боевого товарища.

– Я, кто ж еще! – пробасила в ответ Зоряна. – Подымай бревно, спешим мы!

Десятник дал знак своим охоронцам – двое из них поднялись с лавок и пошли открывать «шлагбаум». Сам же десятник снова повернулся к окошку и спросил:

– Слышь, Аждай, когда смена-то будет? Мы уж заждались.

– Будет, не бойсь, – ответила Зоряна. – В свой срок.

От далекого пригорка, на котором стоял княжий терем, донесся раскатистый звук трубы.

– Чего это там? – встрепнулся десятник. – Не тревогу ли играют?

Зоряна выдавила улыбку.

– Князь решил проверить, надежно ли его охраняют, – пробасила она. – Это для теремных охоронцев проверка, не для вас.

– Для теремных, говоришь? – Из-за деревянной зимней будки вышел невысокий, кривоногий и хромо́й ратник. Взглянув на Зоряну-«Аждаю» раскосыми глазами, он вдруг выхватил из ножен кривой меч и шагнул к телеге.

– Зоряна, берегись! – Глеб схватил девку за плечо и отдернул ее в глубь крытой телеги. Клинок меча пронесся у нее перед самым носом.

А дорогу уже преградили ратники. Было их не меньше трех десятков, все дюжие, хмурые, с обнаженными мечами.

– Вылазьте из телеги, лекари! – крикнул военный советник Балабан. – Вам не уйти!

Глеб приник к окошку и крикнул в ответ:

– Мы пленили князя Гостивара! Трубы у терема трубят по нему! Если не дадите нам уехать, я перережу ему глотку!

Охоронцы встревоженно загалдели, но Балабан поднял левую руку, и они тут же замолчали. Глядя на окошко темными, холодными глазами, Балабан потребовал:

– Покажите нам князя!

– Легко! – Глеб повернулся к лежащему на рогоже князю Гостивару, поднял его за плечи и хорошенько встряхнул.

Князь открыл глаза и с ужасом уставился на Первохода. Глеб вынул ему изо рта кляп и

спросил:

– Ты как? Говорить можешь?

– Мо... гу, – хрипло пробормотал Гостивар.

– Тогда высунь голову в окошко и прикажи Балабану убрать с дороги бревно. И постарайся быть убедительным.

Глеб, по-прежнему держа Гостивара за плечи, чуть отстранил его от себя, быстро подтащил к парусиновой стене телеги и сунул физиономией в окошко.

Завидев его, Балабан шагнул вперед и быстро спросил:

– Князь, ты не ранен?

– Н-нет... – промямлил Гостивар.

Глеб сзади ткнул дуло ольстры князю в затылок.

– Убеди его, – тихо распорядился он.

«Просьба» подействовала. Князь облизнул губы и хрипло произнес:

– Я цел, Балабан. Делай, как тебе говорят.

Военный советник сдвинул брови, пристально посмотрел на бледное лицо князя и покачал головой:

– Нет, пресветлый князь. Прости, что перечу, но я не могу этого сделать. Они хотят увезти тебя. Я им этого не позволю.

– Вот упрямый дьявол! – выругался Глеб. – Опять придется стрелять!

Он оттолкнул князя от окошка и крикнул:

– Балабан! Меня зовут Глеб Первоход, возможно, ты слышал обо мне?

– Я слышал о тебе, ходок! – последовал ответ.

– А раз ты слышал обо мне, значит, слышал и о моем громовом посохе?

– И об этом я слышал, – отозвался военный советник.

– Громовой посох при мне! Уйди с дороги, Балабан, и уведи своих воинов, если не хочешь, чтобы я отстрелил им их красивые бороды – вместе с головами!

Некоторое время снаружи не доносилось ни звука, а потом Балабан холодно проговорил:

– Ты совершил большую ошибку, Глеб Первоход! Я не выпущу тебя из города!

Первоход нахмурился, приник к крошечной прорехе в парусиновой стене телеги, осмотрел местность и прикинул в уме, кого из двадцати-тридцати ратников он «срежет» первыми выстрелами.

– Эй, Первоход! – окликнул Балабан презрительным голосом. – Даже если ты и твой товарищ убьете десятерых из нас, оставшиеся двадцать изрубят вас на куски!

Глеб задумчиво наморщил лоб. В словах Хромого беса была доля истины. Хотя и небольшая. Десяток ратников он сможет уложить и сам. Двоих или даже четверых уберет Рамон. Толмач, несмотря на свой ангельский вид, ловок и силен, как дикая кошка. Зоряна... Допустим, она тоже сумеет прикончить парочку охоронцев. Но этого мало.

К тому же отряд охоронцев возглавлял советник Балабан. Глеб хорошо разбирался в людях и мог по манере держаться и двигаться отличить прирожденного воина от тех, кому оружие лишь по чистой случайности попало в руки. Хромой бес был прирожденным воином, и Глеб не сомневался, что с этим кривоногим парнем у него будет больше всего проблем.

Однако и Балабан должен был сознавать, что с Первоходом далеко не просто совладать.

– Ну?! – снова крикнул Балабан. – Ты намерен и дальше выжидать, Первоход? Или положишь оружие на траву и сдашься? Если ты сдашься, я лично попрошу князя не рубить тебе голову! Тебе всего лишь отрубят правую руку, как вору и похитителю! Ну, и еще вырвут язык за твои грязные речи, обращенные к князю!

– Руку и язык? – Глеб покачал головой: – Мне это не нравится!

– Лучше язык, чем голова! – резонно заметил Балабан.

Глядя в щелку, Первоход заметил, как Хромой бес подал ратникам знак и как пальцы ратников обхватили рукояти мечей. До нападения оставалось не больше нескольких секунд.

Похоже, Балабан готов был рискнуть даже жизнью князя. Отчаянный тип!

Глеб глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Сердце его билось спокойно и ровно, а палец, лежавший на спусковом крючке ольстры, не дрожал. «Бой – значит, бой. И да помогут нам боги!»

Но все получилось не так, как ожидал Глеб.

5

Все получилось не так, как ожидал Глеб, и далеко не так, как, должно быть, ожидал Балабан. Громкий голос, больше похожий на трубный рев оленя, раздавшийся из-за зимней сторожевой будки, повелел:

– Бросьте оружие, ратники! Вы у нас на прицеле!

Хромой бес не обернулся. Он лишь прищурил миндалевидные глаза и сказал:

– Эге, ходок, да ты пришел сюда с подмогой. Неглупо с твоей стороны. Да только вряд ли тебе это поможет.

– Врешь, косоглазый! – вновь рявкнули из-за будки. – Клянусь гусиной печенкой, я оторву тебе башку, насажу ее на кол и поставлю посреди огорода – отпугивать ворон!

Балабан снова подал знак своим охоронцам, и они умело и бесшумно поменяли позицию. Однако пустить своих воинов в дело Хромой бес не успел. Небо вдруг стало стремительно темнеть от набегающих туч.

«Облакаст взялся за дело», – с удовлетворением подумал Глеб, продолжая наблюдать в щелку. И вдруг он почувствовал, что Зоряны больше нет в телеге.

Глеб оглянулся и увидел растерянное лицо Рамона.

– Первоход, она исчезла! – тихо проговорил он.

Глеб снова приник к щелке. И как раз вовремя – из-за поленницы дров, стоявшей слева от будки, поднялась невысокая фигура. Человек смачно харкнул на траву и вытер губы рукавом восточного кафтана. Ратники скосили на него глаза, и лица их вытянулись от изумления, когда они поняли, что их начальник Балабан раздвоился – первый был рядом с ними, а второй стоял возле поленницы и криво ухмылялся.

«Отлично, милая, – подумал Глеб, выглядывая в щелку и сжимая в руке ольстру. – Только без излишеств».

– Ну! – гаркнула преобразившаяся Зоряна голосом настоящего Балабана. – Чего устались?

Она двинулась с места и, прихрамывая, зашагала к ратникам. Те были настолько ошеломлены, что невольно опустили оружие. Балабан заметил это и раскрыл рот для яростного рыка, но Зоряна его опередила.

– Всем убрать оружие – боя не будет! – властно приказала она голосом Балабана. – Эти люди делают верное дело, а тот Балабан, что стоит рядом с вами, – самозванец!

Не то чтобы ратники сразу поверили невесть откуда взявшемуся двойнику, но голос его звучал уверенно, властно и убедительно, а за долгие годы службы доверие голосу начальника стало для них условным рефлексом.

Всего несколько секунд колебались охоронцы, но этого времени хватило Облакасту, чтобы подтянуть тучи и «подпустить ветров». Грянула гроза, в землю из туч ударила молния. Охоронцы с криками разбежались в стороны, но тут же черный смерч, выкрутившись из земли, подобно гигантскому штопору, подхватил охоронцев и затянул их в свою прожорливую, гудящую воронку, а затем – с ужасающим гулом понес прочь.

Весь этот кошмар занял всего секунд десять, затем по небу пронесся раскат грома, и на голову Балабану, единственному уцелевшему в катастрофе, хлынул ливень.

Хромой бес вытер ладонью мокрое лицо и крикнул, глядя в сторону крытой телеги:

– Неплохо!

А потом вдруг захохотал, и от хохота его по спине Глеба пробежал мороз. В душе снова заворочались неприятные предчувствия, но оформить их в четкие мысли они не успели.

Балабан вскинул руку над головой. Тотчас телега, в которой сидели Глеб, Рамон и князь Гостивар, поднялась над землей и зависла в воздухе. Глеб вскочил на ноги, выхватил из ножен меч и одним ударом рассек парусиновую стенку телеги, затем вскинул ольстру и нажал на спуск.

Громыхнул выстрел, но Балабан остался стоять на месте. И тут началось нечто несусветное. Из-за дощатой зимней будки вылетели Облакаст, Хлопуша, Лудобок и Тиш – вылетели они так, словно ими выстрелили из гигантской пращи. Однако они не упали, а зависли в воздухе, так же, как зависла телега вместе с перепуганным конем.

Зоряна, вновь став сама собой, выхватила меч и с яростным криком бросилась на Хромого беса, но он чуть шевельнул рукой, и она отлетела в сторону сажени на две, словно натолкнулась на невидимую, упругую стену.

Некоторое время все, что поднял с земли Балабан, висело в воздухе, а потом он с дьявольским хохотом завертел левой рукой – и все это – телега, конь, Зоряна, выпавший из телеги Глеб, Облакаст, Хлопуша, Лудобок и Тиш – завертелось в дьявольском танце.

Глеб пытался ухватиться за телегу, но оглобля выскользнула у него из пальцев, потом невидимая сила швырнула его головой на железную ось колеса, и он потерял сознание.

6

Открыв глаза, Первоход не сразу понял, что с ним произошло. А поняв, едва не закричал от отчаяния. Он висел на городской стене, пригвожденный к ней десятком мечей, копий и бердышей, которые не ранили и даже не оцарапали его тело, но образовали что-то вроде больших силков или клетки.

Своих товарищей Глеб нигде не видел, зато прямо перед ним, широко расставив ноги и угрюмо поблескивая раскосыми глазами из-под сдвинутых бровей, стоял военный советник Балабан.

– Пришел, наконец, в себя, – с кривой усмешкой проговорил он. – Ну, теперь можно и поговорить.

– На твоём месте я бы прикончил меня без разговоров, – сказал ему Глеб, силясь высвободиться из капкана из копий и мечей, прочно пригвоздившего его к стене.

– Прикончить тебя я всегда успею, – заявил Балабан. – Но сперва хочу разузнать, какого лешего ты сюда приперся и зачем тебе понадобился князь.

Глеб дернул щекой и проговорил с хмурой усмешкой:

– Любопытный, гад... Ладно, говорить так говорить. Тем более я уже вижу, что поставил не на ту лошадку и остался в дураках. Но прежде скажи мне честно – кто промыл жителям города мозги?

– Ты о чем? – прищурился Хромой бес.

– Люди, которых мы встретили, когда вошли в город, хвалились тем, какой замечательный у них князь. Они просто одержимы вашим князем.

Балабан усмехнулся тонкими, темными губами.

– Вот ты о чем. А скажи-ка: мужик, которого ты встретил, не был ли тощ, встрепан и весь залатан, как старая занавеска?

– Был, – сказал Глеб.

– А жена у него была остроносая, похожая на полудохлую крысу?

– Верно, была. – Глеб нахмурился, начиная уже догадываться о том, что услышит дальше. И услышал.

– Ну, тогда все понятно, – сказал Хромой бес. – Мужичка того в городе зовут громким дурнем, а его жену – пустоголовой трещоткой. Обычно с ними бывает еще один – сутулый и смурной. Тоже полный дурак. И если все, что ты тут натворил, ты натворил из-за них, то ты такой же дурак, как эти придурки.

Глеб обдумал слова Хромого беса, вздохнул и признал:

– Я дурак. Значит, тот, кого я ищу, – это ты. И никакая телепатия тут ни при чем. Ты не

забираешься никому в головы, но можешь двигать и швырять предметы силой взгляда.

– Когда я это делаю, мне незачем на них смотреть, – возразил Балабан. – А в мозги я влезать тоже умею, хотя и не так хорошо, как швыряться деревьями и телегами.

Он прищурил раскосые глаза и добавил:

– Но ты не сказал главного, ходок. Те, которые пришли с тобой, – они ведь тоже необычные люди, верно?

– Верно.

– И ты думаешь, что они – такие же, как я. Так?

– Так. Но ты и сам уже это видел.

– Верно, видел, – согласился Хромой бес. – Кто они такие, ходок? И кто... такой я? Ты ведь это знаешь?

Глеб немного помолчал, разглядывая скуластое, смуглое лицо Балабана, потом угрюмо осведомился:

– Если я скажу тебе, ты меня освободишь?

– Может, да. А может, нет. Ты попробуй – а там посмотрим.

Глеб усмехнулся.

– Скользящий ты тип, Балабан.

Рука Глеба, прижатая спиной к бревенчатой стене, дотянулась до кармана охотничьей куртки.

– Ладно, слушай. Много сотен лет назад на город Кишень упала с неба железная звезда. Звездой той управляли боги. Звезда разрушила Кишень, превратив его в мертвый город, а жители города превратились в призраков. Те, кого я привел с собой, – потомки тех призраков. Ты – тоже. Большую часть своей жизни ты прожил, не догадываясь о том, что можешь швыряться деревьями и забрасывать мечи в облака. Но два года назад по небу пронеслась хвостатая звезда.

Пальцы Глеба осторожно скользнули в карман охотничьей куртки.

– А после этого с тобой начали происходить непонятные вещи, – продолжил он. – Вначале ты испугался. Но потом, когда научился управлять своим вновь обретенным Даром, понял, что перед тобой открываются новые радужные перспективы. Ну, а потом...

Глеб вытянул из кармана легкий, почти невесомый клубок и разжал пальцы. Тотчас облако сверкающих нитей веером плеснуло в воздухе. Балабан успел лишь поднять голову, а затем сеть, подобно гигантской паутине или прозрачному парашютному куполу, накрыла его.

Балабан поднял клинок и попытался рассечь сеть, но не смог этого сделать и добился обратного эффекта. От резкого движения сеть плотнее облепила его. Хромой бес двинул плечами и шагнул вперед – сеть молниеносно оплела его руки и ноги, и следующий шаг стал для Балабана последним. Он рухнул на траву и забился в облепивших его со всех сторон нитях.

– Что это?! – хрипло и испуганно завопил Хромой бес. – Что ты со мной сделал, ходок?!

– Ты в Силках Зигвуда, мой друг! – не скрывая торжества, сообщил ему Глеб.

– Почему я не могу их разорвать?

– Потому что они сделаны из более прочного материала, чем все, что ты видел в этой жизни. Когда-то эти Силки принадлежали павшим богам. А твой Дар – всего лишь жалкое отражение того, что они умели делать. Поэтому лежи и не рыпайся, если не хочешь, чтобы нити Силков срезали тебе уши.

7

После того как Глеб отпустил перепуганного князя домой, отряд Глеба углубился на пятнадцать верст в чащобу и там, под защитой плотного леса-глушняка, расположился на отдых.

Тиш играл с флегматичным, неповоротливым Лудобоком в бруски, нервничая из-за проигрышей и тихо ругаясь. Облакаст лежал на ворохе елового лапника с травинкой во рту и разглядывал плывущие по небу тучи так, как дети разглядывают насекомых, которым при желании могут оторвать лапки.

Зоряна, выведав у Рамона, что Глебу нравится сирень, превратилась в сиреневый куст и тихонько трепетала на ветру цветами и свежими листочками.

Лысый чародей, надрезав острой веткой палец, высек из ранки огонь и разжег костер, чтобы поджарить черствый хлеб и сварить кашу из сечки и вяленой свинины.

Хромой бес, связанный по рукам и ногам, спал на лежаке или делал вид, что спит. Однако запах разогретого хлеба и варящейся в котелке каши, долетая до его хищных ноздрей, заставлял их тихонько трепетать, о чем он, вероятно, даже не догадывался.

Рамон сел на палое бревно рядом с Глебом, посмотрел на Балабана и тихо спросил:

– Ну, как он?

– Пока никак.

– Упрямствует?

– Не то слово.

Рамон вздохнул.

– Жаль. Послушай, Первоход, а может, я попробую с ним потолковать? Мне часто говорили, что мой голос внушает доверие. Возможно, мне удастся его убедить.

– Вот еще! – прорычал за спиной у толмача Хлопуша. – Этот гад окунул меня лицом в вонючую болотную жижу, а ты вознамерился поговорить с ним по душам?

– Но он нам нужен.

– Знаю, что нужен. И чем слушать вашу с ним болтовню, я лучше врежу ему промеж глаз кулаком. Вот увидишь – этот косоглазый баран сразу станет шелковым!

– Толстяк прав, – проговорил Хромой бес и открыл глаза.

Взгляды Глеба, Рамона и Хлопуши устремились на него. Балабан зевнул и сказал:

– Никакие ваши уговоры на меня не подействовали. Однако Силки Зигвуда – подействовали. Поэтому оставьте надежду размягчить мне мозги болтовней и положитесь на грубую силу.

– Ну вот! – обрадовался неожиданной поддержке Хлопуша. – Я же говорю – пара хороших зуботычин решает все задачи! Вот погоди, косоглазый, мы с тобой еще подружимся!

– Обязательно, толстяк. А пока... – Балабан улыбнулся. – Не принесешь ли ты мне воды? И пусть это станет началом нашей дружбы.

Хлопуша некоторое время сидел неподвижно, уставившись на Балабана хмурым взглядом и пытаясь понять, издевается над ним Хромой бес или нет. Наконец, встал и сказал с усмешкой:

– Ладно, камнемет. Чего не сделаешь для друга. Скоро вернусь!

– Я с тобой, – сказал Рамон. – Надо набрать воды для ароматного отвара.

Хлопуша кивнул, и оба друга, подхватив по небольшому бурдюку, зашагали к ручью. Как только они скрылись за деревьями, Балабан перевел взгляд на Первохода и окликнул:

– Эй, ходок... Я долго думал над твоими словами и внимательно прислушивался к тому, что говорят твои люди.

– И каков твой вывод?

– Я пойду туда, куда ты прикажешь. Так что можешь выпутать меня из этих проклятых силков.

– Тебя переубедили «уговоры»? Прости, Балабан, но верится в это с трудом.

Хромой бес хмыкнул.

– Ты прав.

– Тогда в чем причина твоего согласия?

– Причина проста. Мой отец был хазарским купцом. Лет восемь тому назад я странствовал с его караваном по славянским землям. И судьба занесла нас в Хлынь-град. Мы

хорошо там поторговали, а затем отправились дальше. Но после бурной ночи, проведенной в вашем Порочном граде, отец и его помощники проспали, и в путь удалось двинуться только после полудня. Нам не хватило нескольких часов, чтобы достичь села Тумнова засветло. Ночь застала нас в пути. Однако отец спешил и не стал располагаться на ночлег в лесу. Он хотел как можно быстрее добраться до людей. Мы шли половину ночи, пока не поняли, что сбились с большака и заблудились.

Глеб слушал внимательно, но не терял бдительности на тот случай, если Хромой бес снова попытается забраться к нему в голову.

– Мы расположились лагерем на небольшой лужайке возле реки, – продолжал Балабан. – Но не знали, что лесная тропа увела нас из чистого леса и завела в Гиблое место. Ночью, когда мы спали, на нас напали темные твари.

Хромой бес перевел дух и сглотнул слюну.

– Моего отца задрали волколаки, – хрипло пробормотал он. – Они изгрызли ему туловище и бросили в овраг. Но пока я решался выйти из кустов, в которых успел затаиться, к оврагу пришли упыри. Не буду говорить, что они делали с останками отца... Я пытался закрыть глаза, но не мог.

Немного помолчав, Балабан заговорил снова:

– Из ваших разговоров я понял, что враг, с которым вы решили сразиться, придет из Гиблого места. Я с юности привык мстить людям за свои обиды, но никогда не мог и предположить, что у меня появится шанс отомстить Гиблому месту за отца.

Глеб обдумал слова Балабана, потом пристально на него посмотрел и уточнил:

– Что же ты так долго медлил с решением?

Хромой бес усмехнулся и ответил:

– Не люблю, когда меня убеждают с помощью Силков Зигвуда. Уж прости, но за три года княжеской службы я отвык от грубого обращения.

– Ясно. Но Силки Зигвуда – не самая страшная вещь из тех, что тебе предстоит встретить на пути к Гиблому месту.

– Я об этом догадываюсь.

Глеб усмехнулся, затем протянул руку. В тот же миг веревки, опутавшие Балабана, спали с него, а Силки Зигвуда сжались в серый комок, похожий на мяч, и прыгнули в ладонь Глеба.

Балабан сел на земле, потер иссеченные мелкими красными царапинами запястья, исподлобья посмотрел на Глеба и спросил:

– Сколько нас?

– Детей падших богов?

Хромой бес усмехнулся:

– Так ты нас называешь?

– Да, – кивнул Глеб. – Вас – сотни.

– И ты хочешь всех нас собрать в свой отряд?

– До наступления Тьмы осталось всего три дня. Мы должны упредить Тьму, не позволить ей вторгнуться в наш мир.

Балабан обвел взглядом небольшой отрядик Глеба, сгрудившийся вокруг костра.

– Значит, это все?

– Есть еще один, – сказал Глеб. – Он находится недалеко отсюда, у восточной границы вашего княжества. В деревеньке под названием Логач.

– Откуда ты знаешь, что он там?

– Я его чую. Как один пес чует другого пса за много километров.

Хромой бес удивленно воззрился на Первохода.

– Но ведь ты не...

Глеб качнул головой.

– Нет, я не такой, как вы. Но люди считают меня порождением Гиблого места, и мне все больше кажется, что у них есть для этого все основания.

Некоторое время Балабан думал над его словами, затем искоса взглянул на Первохода и сказал:

- Тот человек, про которого ты говорил... Какой у него Дар?
- Не знаю, – ответил Глеб. – Он очень силен. Думаю, он даже сильнее тебя. Так же, как ты, он сумел воздвигнуть вокруг себя невидимую стену, сквозь которую я не могу пробиться.
- Но ты чувствуешь эту стену, верно?
- Верно, – кивнул Глеб. – А теперь пошли к костру. Я успел здорово проголодаться, пока воевал с тобой.
- ...Когда они подошли к костру, товарищи Глеба окинули Балабана недоверчивыми, неприязненными взглядами.
- Первоход, ты уверен, что от этого парня не будет беды? – сухо осведомился игрок Тиш. – Мне кажется, ему нельзя доверять.
- Может быть, – согласился Глеб. – Но я все же попробую. Зоряна, Лудобок, потеснитесь и дайте Балабану сесть. Теперь он один из нас.

Глава восьмая ПОСЕЛОК СВЕТА

1

Деревня Логач оказалась довольно большим рыбацким поселком и располагалась недалеко от огромного озера под названием Логачара.

Глеб, Рамон и Хлопуша проехали чуть вперед, чтобы посоветоваться. Дети падших богов не возражали, безоговорочно признавая главенство и авторитет Глеба, отблески которого падали и на двух его друзей.

Рамон заговорил негромко, но веско:

– Глеб, думаю, на этот раз нам нет нужды разделяться. И мы можем отправиться на поиски все вместе.

– Толмач говорит дело, – веско пробасил Хлопуша. – И делай со мной, что хочешь, но после случившегося во владениях князя Гостивара я ни за какие коврижки не отпущу тебя одного.

– Я был с Рамоном, – напомнил Глеб.

– Это одно и то же, – отрезал Хлопуша.

Толмач никак не прокомментировал эту реплику, а лишь мягко добавил:

– Нас немного, всего девять, но отряд наш стоит сотни отборных воинов.

– Да чего там сотни! – с ходу вошел в раж Хлопуша. – Тысячи, а то и двух!

Хлопуша, как всегда, не мелочился, но на этот раз даже правдолюб-толмач не стал ему возражать.

– Мы не знаем точно, с чем, а вернее, с кем нам придется иметь дело, – сказал Глеб. – Будет лучше, если я появлюсь в поселке под видом странника и порасспрашиваю людей.

– Первоход, ты не можешь...

– Это не обсуждается, – перебил Глеб толмача таким голосом, что сразу стало понятно – переубедить себя он не даст. Потом добавил чуть мягче: – Не волнуйтесь за меня. Я умею быть осторожным.

Некоторое время Рамон и Хлопуша хранили молчание, с огромным неудовольствием глядя на Первохода, затем Хлопуша хмуро проговорил:

– Пообещай, что спрячешь под плащом ольстру и не расстанешься с ней, что бы ни случилось.

Глеб нахмурился.

– Но ольстра...

– Пообещай! – потребовал Хлопуша, повысив голос.

Несколько мгновений Глеб молчал, потом улыбнулся и кивнул.

– Хорошо, друг. Я обещаю.

* * *

Рыбаков на берегу было трое. Они укладывали сети в большую лодку, собираясь отправиться на промысел. Рыбаки были крепкие, невысокие, с длинными волосами и стриженными бородами, в засаленных рубахах и меховых жилетках. На ногах у них были сапоги с высоченными голенищами, густо обмазанные какой-то черной мазью – вероятно, препятствующей влаге и делающей сапоги водонепроницаемыми.

Одному из них было на вид лет двадцать, второму – сорок, третьему – пятьдесят или чуть больше.

Остановившись в нескольких шагах от лодки и рыбаков, Глеб приветливо улыбнулся и громко сказал:

– День добрый, сельчане! Пусть ваши боги помогут вам и сделают ваш улов богатым!

Рыбаки посмотрели на Глеба спокойными, нелюбопытными взглядами, после чего двое из них отвернулись, а третий сказал:

– Мы христиане, странник. У нас один Бог, хотя и пребывает в триединстве.

На лице Первохода промелькнуло удивление – давненько он не встречал христиан, а тут их было сразу трое!

– Вот оно что, – негромко проговорил он. Затем приподнял голову и изрек – громко и с выражением: – Истинно говорю вам, братья: вы ловите рыбу, а я сделаю вас ловцами человеков!

Рыбаки резко повернулись и уставились на Первохода изумленными взглядами.

Нужно было срочно закрепить достигнутый эффект. Глеб порывлся в памяти и выдал на гора цитату, которая неизвестно откуда всплыла у него в голове:

– Если Бог будет со мною и сохранит меня в пути сем, в который я иду, и даст мне хлеб есть и одежду одеться, то будет Господь моим Богом! Ибо много лет пил я воду слез своих и ел хлеб изгнания, не оставляя крошек! И хотя до сих пор пребываю я во мраке грешного мира, но будет Господь светом для меня!

Про «не оставляя крошек» – было из другой оперы, но Глеб не стал по этому поводу напрягаться.

То ли слова Глеба произвели на рыбаков мощное впечатление, то ли на них больше подействовала торжественно-пророческая интонация, которую Первоход придал своей речи, но они выпустили из рук сети и выпрямились, не спуская при этом глаз с Глеба.

«Кажется, я их зацепил», – удовлетворенно подумал Первоход, но на всякий случай положил правую руку на приклад ольстры, торчащий из-под хламиды, в которую обрядили его Рамон и Хлопуша.

Первым молчание прервал старший из рыбаков.

– Кто ж ты такой будешь, странник? – спросил он с той теплой интонацией, с которой обращаются к родственным душам. – Уж не проповедник ли из далеких восточных земель?

«Проповедник из восточных земель? Пожалуй, это хорошая «легенда», – подумал Глеб. А вслух сказал:

– Твоя правда, брат. Уже год странствую я по земле и несу людям свет истины.

Рыбаки переглянулись, а на лицах у них появилось уважительное выражение.

– Откуда же ты пришел к нам, странник? – осторожно и мягко спросил тот из рыбаков, который был средним по возрасту. – Из какой земли начал свое странствие?

– Из той земли, которая лежит за далекими Кавказскими горами и зовется Фрязией, – не тратя времени на раздумье, ответил Глеб. – А теперь я хочу спросить вас, братья. Есть ли у вас пастырь?

На лицах рыбаков появилось благостное выражение.

– У нас есть пастырь, странник, – ответил за всех пожилой рыбак. – Имя его Навин.

– Вот оно что. – Первоход одобрительно улыбнулся. – Мне радостно об этом слышать, братья. И как давно существует ваша община?

– Да почитай уже два года, – ответил молодой рыбак. – С того самого времени, как Навин впервые пришел в наш поселок и воскресил нашего старосту Владими...

Пожилой рыбак тихонько ткнул молодого локтем в бок, и тот поперхнулся на полуслове, поспешно отведя взгляд в сторону.

– Значит, вы крестились два года назад, – задумчиво проговорил Первоход.

– Точно так, – кивнул средний по возрасту рыбак.

– Вы и до этого были рыбаками?

– Да, странник. Мы были рыбаками всегда. И мы, и наши отцы, и наши деды. – Рыбак помолчал и, настороженно глянув на Глеба, счел нужным добавить: – Ибо сказано в Учении Его: «В поте лица твоего будешь добывать хлеб свой, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Слова эти были произнесены спокойным, благодушным голосом, но Глебу померещилось, что прозвучали они как-то фальшиво, по-заученному, что ли.

Глеб покивал в знак согласия и тяжело вздохнул.

– Да что же мы стоим! – спохватился вдруг пожилой рыбак. – Ты ведь долгое время был в пути и наверняка голоден! Идем в поселок, там тебя ждут хлеб и рыба! Но сперва назови нам свое имя, чтобы мы могли обращаться к тебе со всем почтением и вежливостью, которых ты достоин!

– Мое имя... Гавриил. Гавриил из Херсонеса.

– А наши имена...

– Погодите, – мягко прервал его Глеб. – Дай-ка я угадаю. Вас зовут... Андрей, Петр и... Матвей. Я прав?

Рыбаки переглянулись и, блеснув белозубыми улыбками, закивали.

«Зубы-то какие крепкие, – отметил про себя Первоход. – Недостатка в рыбе и овощах у них точно не наблюдается».

– Этими именами нас наградил Навин, – с готовностью сообщил молодой рыбак. – Ибо мы были первыми, кого он встретил. Меня он именовал Андреем. Вот его... – Он указал на среднего. – Петром. А его – Матвеем.

Все три рыбака приветливо улыбались, но в какой-то момент, на одно короткое мгновение, Глебу показалось, что во всей этой ситуации слишком много театрального.

«Слишком уж все правильно», – зигзагом пронеслась в голове Глеба неприятная мысль, но тут же улетучилась, едва лишь он встретился взглядом с Андреем. Глаза у парня были синие, чистые и незамутненные грязной, исподней мыслью. Такие глаза бывают только у маленьких детей.

– Я с радостью познакомлюсь с вашим Пастырем и с наслаждением утолю духовную жажду, глотнув из чаши премудрости его, – со смиренной улыбкой проговорил Глеб, а про себя тревожно подумал: «Чего это я такое сказал?»

Но, видимо, слова Глеба понравились рыбакам, потому что они радостно закивали головами и, обступив Первохода, повели его к поселку.

2

Навин сидел во главе длинного стола (или скорей – пяти или шести столов, сдвинутых в одну линию). Выглядел проповедник именно так, как представлял себе Глеб. Это был человек среднего роста и худощавого телосложения. Волосы у него были длинные, темные, чуть вьющиеся. Глаза – серые и спокойные. Чуть вытянутый подбородок венчала темно-русая небольшая борода, а над верхней губой красовались мягкие, красивые усы.

С первого же взгляда Первоходу показалось, что он где-то видел Навина прежде, и лишь в ходе разговора с ним Глеб понял где – на обложке «Библии для детей», которая стояла на полке у одной из его подружек. Было это в прошлой жизни Глеба, которую вернее

было бы назвать будущей.

– Ибо отметил меня Отец мой своею благодатью, наделив особыми Дарами, которыми я щедро делюсь с людьми, – произнес Навин проникновенным голосом, внимательно и заботливо оглядывая свою паству, в благоговейном молчании сидевшую по обе стороны сдвинутых столов.

Затем он обратил взор на трех рыбаков и спросил:

– Вы принесли рыбу, дети мои?

– Да, отче. Она хорошо проявилась. – Андрей поставил на стол корзинку с четырьмя вялеными рыбинами.

– А хлеб? Кто-нибудь принес хлеб?

– Мы принесли хлеб, отец! – хором проговорили две девочки, лет двенадцати на вид, и поставили на стол корзинку с караваем.

Навин улыбнулся и пододвинул к себе обе корзинки, а затем вынул каравай, отломил от него кусок и передал сидящему рядом старику, тот передал его дальше. Навин отломил еще кусок и снова передал старику. Прошло с полминуты, а он продолжал отламывать от каравая куски и передавать их по цепочке.

Глеб сидел на другом конце стола, с куском хлеба в руке и с отвисшей от изумления челюстью. Наконец, каждый из пятидесяти или шестидесяти человек, сидящих за столами, получил свой кусок хлеба.

«Это невозможно! – подумал Глеб, чувствуя, что вот-вот сойдет с ума. – Такого просто не может быть!»

А в руках у Навина оставалась еще четверть каравая, которую он положил обратно в корзинку. Затем проповедник пододвинул к себе корзинку с вяленой рыбой. Опустил туда руки, оторвал от рыбьего бока кусок вяленого мяса, вынул из корзинки и спокойно передал его старику.

«Если он проделает тот же фокус и с рыбой, придется признать, что он – Сын Божий!» – нервно усмехнувшись, подумал Глеб.

Навин тем временем вынимал из корзинки уже шестой кусок рыбы. Глеб замер с открытым ртом. Он сам видел, что в корзинке было всего четыре рыбины, но Навин все доставал и доставал оттуда рыбье мясо, будто перед ним стояла не легкая корзинка, а бездонная бочка, доверху заполненная вялеными лещами.

Через пару минут каждый член общины, включая и Глеба, получил по большому куску рыбы.

Глеб, покрываясь потом от изумления и волнения, прикинул в уме, что если сложить все куски рыбы воедино, понадобится не меньше десяти корзинок, чтобы унести ее.

Навин отставил корзинку в сторону и взглянул на Глеба. А потом заговорил, и, несмотря на то что Глеба и проповедника разделял длинный-предлинный стол, а голос Навина звучал тихо, Глеб слышал каждое его слово так, словно Навин сидел рядом.

– Ты плохо выглядишь, странник, – сказал проповедник. – Я могу помочь тебе.

Глеб посмотрел на хлеб и рыбу, которые держал в руках, снова поднял взгляд на проповедника и хрипло пробормотал:

– Благодарю тебя, отче, но я не болен. Просто устал с дороги... – Он сглотнул слюну и добавил с вымученной улыбкой: – Должен тебе сказать, что я никогда прежде не видел ничего подобного тому, что ты делаешь... А повидал я немало.

Навин улыбнулся.

– Ты не видел и сотой доли того, на что я способен. Говорю это тебе без гордости, сын мой. Просто чтобы ты знал – это лишь малая толика того, что тебе предстоит увидеть. Ты ведь никуда не спешишь?

Глеб покачал головой.

– Нет, отче. И даже больше: я не премину задержаться в твоей общине подольше, если, конечно, ты не прогонишь меня.

Навин чуть склонил голову набок и произнес мягким, доброжелательным голосом:

– Мы рады каждому, кто хочет присоединиться к нашим молитвам и преломить с нами хлеб. Живи здесь столько, сколько пожелаешь, Гавриил.

Глеб совсем забыл, что представился рыбакам этим именем, и, услышав подобное обращение, едва не вздрогнул от неожиданности.

– Благодарю тебя, отче, – пробормотал он.

Навин кивнул и сказал:

– Я хочу поговорить с тобой наедине. Ты не возражаешь?

– Н-нет... – вновь проямлил Глеб. И, спохватившись, добавил твердым голосом: – Конечно, нет.

– Тогда после обеда мы с тобой уединимся в Белой избе и побеседуем. А теперь... – Навин обвел благосклонным взглядом замершую в ожидании его слов паству и улыбнулся: – пора приниматься за трапезу.

3

После обеда рыбак Андрей отвел Глеба в небольшую избу, сооруженную из тесаных бревен, покрашенных белой краской. Изба была небольшая – сени да горница. В горнице Глеб увидел стол, кровать, лавку и небольшую печурку.

Усадив Глеба за стол, Андрей ушел. Однако Первоходу не пришлось долго пребывать в одиночестве. Меньше чем через минуту дверь снова открылась, и в горницу вошел проповедник Навин.

Глеб невольно привстал, но проповедник жестом попросил его не вставать. Подойдя к столу, Навин сел напротив Глеба и посмотрел на него внимательным, добрым взглядом. Потом разомкнул красиво очерченные губы и негромко попросил:

– Матрена, принеси нам чего-нибудь попить.

Дверь приоткрылась, и в горницу заглянула тетка в белом платке.

– Отче, в сенях есть только вода. Хочешь, я пошлю мальчишек на ледник за холодным квасом?

Навин качнул головой.

– Нет. Пусть будет вода.

– Хорошо, отче.

Матрена скрылась, но меньше чем через минуту внесла в горницу деревянный ковш с водой и поставила его на стол.

– Что-нибудь еще, отче?

– Нет, Матрена. Благодарю тебя.

Матрена ушла, и Глеб с Навином остались в горнице одни. Проповедник взглянул на ковш. Вода тихо плеснулась в ковше, отразив свет лучин и жирников.

– Испей воды, добрый гость, – проговорил Навин и пододвинул ковш к Глебу.

Глеб не хотел пить, но из вежливости взял ковш и осторожно поднес его к губам. Вода была не слишком чистая и слегка пахла водорослями. Однако Глеб смело глотнул из ковша. И вдруг закашлялся и едва не выронил ковш из рук.

Прокашлявшись, он вытер выступившие на глазах слезы и недоверчиво и изумленно понюхал воду в ковше. Сомнений быть не могло – вода каким-то непостижимым образом превратилась в красное вино. Терпкое, с приятной кислинкой.

Первоход поднял глаза на Навина. Тот улыбнулся:

– Понравилось?

Глеб снова поднес ковш к губам и слегка отпил. Вино! Точно вино! Великолепное вино, и никакого запаха водорослей!

– Как? – изумленно спросил Глеб. – Как ты это сделал?

– Как я это сделал? – Навин улыбнулся. – Ты знаешь как. Я просто благословил эту воду.

Некоторое время оба молчали, изучающе разглядывая друг друга, а потом проповедник

снова заговорил проникновенным, полным трогательной искренности голосом:

– Я пришел дать людям то, чего им не хватало, Гавриил. Тридцать лет я пребывал в спячке, но два года назад проснулся и понял, кто я такой и в чем заключается мое предназначение. За это я должен благодарить странника-христианина, такого же, как ты, Гавриил. Я открылся ему, рассказал о своих способностях, и он сразу все про меня понял.

– Странник-христианин? – Глеб насторожился (перед глазами у него промелькнул облик охотника Громола, закутанного в плащ). – Отче, этот странник все еще здесь?

Навин покачал головой.

– Нет. Открыв мне мое предназначение, он ушел странствовать дальше.

– Ясно. – Глеб посмотрел на ковш с вином и нахмурился.

«Что же это такое? – с горечью подумал он. – Колдовство? Гипноз?... А что, если этот Навин и в самом деле тот, за кого себя выдает?»

Первоход качнул головой, прогоняя эту навязчивую мысль. От Навина не укрылось это движение.

– Скажи мне, что тебя гнетет, странник? – спросил он. – Что мешает тебе стать свободным?

Глеб помолчал, обдумывая ситуацию, а потом, не в силах больше сдерживаться, признался:

– Когда-то давно я жил... далеко отсюда. Очень далеко. Однажды я отправился в поход и по ошибке... или скорей по глупости... обидел лесную богиню Сорни-Най.

– Богиню? – вскинул брови Навин.

– Ну, то есть... – Глеб замялся под пристальным, прямым взглядом проповедника. – Вернее будет назвать ее демоном.

– Демоны мстительны, – хмуро и задумчиво произнес Навин.

Глеб кивнул.

– Да. И Сорни-Най отомстила мне. Она зашвырнула меня в Хлынское княжество и оставила на моем правом предплечье десять шрамов-зарубок. Чтобы искупить свою вину перед Сорни-Най, я должен был совершить десять подвигов. Только в этом случае я мог рассчитывать на прощение и на возвращение домой.

Навин прищурил чистые, ясные глаза.

– Вот оно что. И сколько зарубок на твоей руке сейчас?

– Четыре, – ответил Глеб. – Их осталось четыре.

Навин некоторое время размышлял, а потом голосом назидательным и участливым проговорил:

– Ты не должен идти на поводу у демонов, брат.

– Но тогда я не смогу вернуться домой, – неуверенно возразил Глеб.

Навин внимательно посмотрел на него и улыбнулся.

– А нужно ли тебе это, Гавриил? В нашем поселке ты сможешь обрести новый дом. Здесь есть все, чего взыскует беспокойная человеческая душа.

Первоход покраснел.

– Навин, я обманул вас... Дело в том, что я не Гавриил.

Проповедник улыбнулся.

– Я знаю.

– Знаешь?

Он кивнул:

– Да. Человеческие души подобны свиткам. И я тот, кто умеет эти свитки читать.

Плечи ходока опустились.

– Выходит, ты с самого начала знал, что я Глеб Первоход?

– Да.

– Но почему ты не прогнал меня за мою ложь?

– Человек лжет по разным причинам. Чаще всего из-за чувства вины за свершенные недостойные поступки и из-за страха быть разоблаченным. Но здесь тебе нечего бояться,

Глеб. И если ты пожелаешь остаться с нами, мы будем рады стать тебе хорошими братьями и сестрами.

Слова эти прозвучали так просто и естественно, что по груди Глеба разлилось тепло. Он почувствовал, что чувство опасности, преследующее его уже много лет, куда-то испаряется и на смену ему приходят покой и доверие.

– Значит, ты не обижаешься на меня? – робко спросил он Навина.

Тот покачал головой.

– Нет.

Первоход закусил губы и опустил взгляд в стол. В голове и в душе у него царил такой сумбур, что Глеб почувствовал сильнейшую необходимость остаться наедине и хорошенько разобраться в своих мыслях и чувствах.

– Мне нужно... – Глеб сглотнул слюну. – Нужно отойти, отче.

Навин улыбнулся и кивнул.

– Конечно, брат. Тебе многое нужно обдумать. Возвращайся скорее, я буду тебя ждать.

4

Глеб долго брел по поселку, почти не разбирая дороги. От переполнявших его чувств и мыслей он был как пьяный. Все, что ему сейчас было нужно, – это уединенное место, где он смог бы хорошенько все обдумать.

В конце концов такое место нашлось – на окраине поселка, в паре верст от сизой полосы леса, возле старого, давно заброшенного и заваленного камнями колодца.

Усевшись на замшелый камень, Глеб сжал кулак и тихо пробормотал:

– Я не могу... Это неправильно... То, что я собираюсь сделать, неправильно.

Первоход обхватил виски ладонями и долго сидел так молча. Потом разомкнул губы и прошептал:

– Мне кажется, что я схожу с ума. Но что, если... Что, если он и вправду Сын Божий? Я понимаю, как глупо это звучит, но... Но что, если это правда?

Долго еще сидел Глеб на камне, беседуя сам с собой. И чем дольше он размышлял, тем тревожнее и тяжелее делалось у него на сердце. В конце концов, поняв, что больше не может оставаться наедине со своими мыслями, Первоход вскочил с камня и двинулся обратно к людям.

Совершенно подавленный и потерянный, он медленно брел по поселку. Всюду царили порядок и уют. Ровные заборчики, уютные, чисто выметенные дворы, аккуратно развешанные для просушки рыболовные сети.

«Да что же это я?... – Глеб рассеянно улыбнулся. – Ведь надо радоваться, а не горевать! Не я ли в юности мечтал отправиться на две тысячи лет в прошлое, чтобы увидеть *Его* пришествие, быть свидетелем чудес, которые *Он* вершил? Не я ли считал апостолов идиотами за то, что они смотрели на *Него* своими глазами, видели *Его* и все равно сомневались? А теперь я сам поступаю, как когда-то они! Еще немного, и я захочу вложить персты в *Его* отверстые раны, как сделал это придурок Фома!»

Остановившись возле одного из домов, чтобы перевести дух и прийти в себя, Глеб засмеялся. Внезапно он почувствовал себя всепоглощающе счастливым.

«Значит, Он есть! И значит, все не зря! Весь наш мир не зря!»

Глеб снова тихо засмеялся. Он уже собрался идти дальше, но тут взгляд его упал на окно ближайшего дома. И смех оборвался, застряв у него в глотке.

Нет, Господи... Только не это...

Глеб увидел нечто такое, отчего волосы у него на голове зашевелились и встали дыбом. Посреди комнаты стоял стол, а на нем лежало нечто ужасное – черное, сгнившее, раскисшее, покрытое плесенью. В грязных тарелках шевелились огромные, отвратительные насекомые, похожие на тараканов. Но самое страшное было не это.

Возле стола, в профиль к окну, стояли и беседовали два существа, омерзительнее

которых Глеб не встречал даже в Гиблом месте. Лица у них были темными, скукоженными и блестели гнойной влагой, как размоченные в молоке сухофрукты. Глаза были лишены век и торчали из полусгнивших впадин, как белые, студенистые шарики. Черные языки, вывалившиеся изо ртов, неуклюже шевелились между изорванными губами в такт словам.

А на стене... (Глеб почувствовал, как к горлу подступает тошнота)... На стене, вверх ногами, висело освежаванное человеческое тело, с отрезанной головой и жуткими обрубками вместо кистей рук.

Несколько секунд Первоход смотрел в окно, оцепенев от ужаса и не в силах поверить своим глазам. А потом оконное стекло потемнело, словно его заволокло изнутри черным дымом. Глеб сжал кулаки и пошел к двери, намереваясь выяснить все до конца.

Стукнув по двери кулаком, он нащупал под плащом ольстру и стал ждать. В избе послышался какой-то шум, потом звук шагов, и, наконец, дверь открылась. На пороге стояла пожилая, полная, розовощекая женщина в белом чепчике. Она улыбнулась Глебу и вопросительно на него посмотрела.

Глеб, приготовившийся к тому, чтобы увидеть нечто ужасное, облегченно вздохнул.

– Не дадите ли попить воды? – с улыбкой проговорил он.

– Конечно. Проходи, странник.

Женщина посторонилась, впуская Глеба в дом. Он на секунду замер у порога (перед глазами у него пронеслось ужасное зрелище, виденное в окне), а затем взял себя в руки и вошел в дом.

«Только бы все, что я заметил в окне, было видением, Господи! Только бы все это оказалось бредовым видением!»

На лавке перед столом, накрытым белой, расшитой цветами скатертью, сидел пожилой мужчина в чистой, длинной рубахе. Он улыбнулся и кивнул Глебу. Глеб кивнул в ответ.

В доме царил идеальный порядок. Полы были выскоблены и вымыты. На полочках – ни соринки. На белой скатерти стола стояли широкие деревянные тарелки с белым хлебом, яблоками и душистым сыром.

– Держи, странник!

Женщина подала Глебу деревянный ковш с водой. Ходок поднес ковш к лицу и осторожно понюхал. Вода. Хорошая чистая вода. Сделав несколько глотков, Глеб передал ковш женщине.

– Спаси вас Бог, – поблагодарил он.

– И тебя тоже, милый. Пообедаешь с нами, чем Бог послал?

– Благодарю, но я недавно обедал. – Сказав это, Глеб на всякий случай покосился на стену. Никакого освежаванного тела он там не увидел. На стене висел длинный, чистый мужской кафтан.

Глеб снова почувствовал огромное облегчение.

– Спаси вас Бог! – снова поблагодарил он и повернулся к двери.

И в этот самый миг Глеб уловил краем глаза какое-то быстрое движение на полу. Он почувствовал, что задыхается. Мерзкое насекомое, похожее на огромную мокрицу, быстро перебирая лапками, скользнуло в щель между половицами.

Первоход, забыв про ольстру, схватил с воронца длинный хлебный нож и резко повернулся. Он успел увидеть, как омерзительные хари чудовищ превратились в улыбающиеся человеческие маски, успел увидеть гору гниющего мяса на столе и захватил краем зрения обезглавленную и освежаванную человеческую фигуру на стене.

А в следующее мгновение нож у него в руке превратился в холодную, упругую змею, она быстро изогнула шею-лезвие и ужалила Глеба в руку.

5

Когда Глеб снова открыл глаза, он увидел, что лежит на жухлой траве, возле колодца, и что его со всех сторон обступили сельчане.

– Что случилось? – хрипло спросил Глеб.

– Тебе стало дурно, – объяснил кто-то. – Тебя вынесли на воздух.

Первоход приподнялся на локтях и огляделся. Он слабо помнил, что с ним произошло. Вроде бы ему что-то привиделось. Но что именно?... И почему так болит правая рука?

Глеб сел на траве и, чувствуя себя неловко от десятка обращенных на него взглядов, задрал правый рукав куртки.

– Боже! – воскликнул кто-то. – Тебя укусила водяная гадюка!

– Га... дюка?

– Возле озера их полно, а иногда они заползают и в поселок. Яд водяных гадюк не смертелен, но иногда он вызывает видения.

– Вон оно что... – выдохнул Глеб.

«Ясно, откуда эта тревога на душе, – подумал он. – И этот страх...»

Постепенно черные тиски, сжавшие его душу, разжались, и он снова смог вдохнуть воздух полной грудью.

Глеб снова посмотрел на правое предплечье. Что-то здесь было не так... Что-то, помимо красноватой опухоли и двух красных отметин от змеиных зубов. И вдруг Первоход понял, что именно. Шрамы! На месте двух из них багровели следы укуса, третий из-за того, что рука раздулась, стал совершенно незаметен. Лишь у самого локтевого изгиба Глеб разглядел белесую полоску-зарубку.

«Ты не должен идти на поводу у демонов, – прозвучал у него в ушах спокойный, ровный, уверенный голос Навина. – В нашем поселке ты сможешь обрести новый дом. Здесь есть все, чего взыскует беспокойная человеческая душа».

«В самом деле, – с улыбкой подумал Глеб. – Какого дьявола я ищу? Зачем вновь и вновь я таскаюсь в Гиблое место, полное темных тварей?... Неужели мне мало тех адских созданий, которые обитают в моей собственной душе?»

При мысли об адских созданиях в памяти Глеба заворчалось какое-то призрачное, неясное воспоминание, заставившее его передернуть плечами от ужаса и отвращения. Чудовища, стоящие у стола... Блюда, полные гнилого мяса... Обезглавленный человеческий труп, висящий на крюке, вбитом в стену...

В сердце Глеба засадила заноза, а в душе снова шевельнулась черная тоска. Как отвратительное послевкусие, оставшееся после дурного обеда.

«Должно быть, во всем виноват яд водяной гадюки, – решил после недолгого раздумья Глеб. – Он вызывает видения».

– Помоги-ка, – попросил Глеб какого-то парня и протянул ему руку.

Парень ослабил в улыбке крупные, редкие зубы и вцепился в руку Глеба влажными, прохладными пальцами. Глеб слегка передернул плечами – отчего-то прикосновение паренька вызвало у него огромное отвращение. Однако Глеб счел эту странную неприязнь одним из последствий змеиного укуса.

Поднявшись на ноги, он обвел сгрудившихся вокруг него посельчан смущенным взглядом и сказал:

– Со мной все в порядке. Можете расходиться.

Но люди не разошлись. Мужики, бабы, парни, девки – все они стояли вокруг Глеба широким полукругом и молча смотрели на него. Отчего-то от этих взглядов Первоходу снова сделалось не по себе.

– Ладно, – выдохнул Глеб. – Пожалуй, я немного прогуляюсь.

Он повернулся было, чтобы пойти по улице, но дорогу ему преградил приземистый толстяк со странными, будто оцепеневшими, глазами. Глядя ходоку в глаза и растянув губы в улыбку, он сказал:

– Странник, яд водяной змеи очень опасен. Чтобы не заболеть, ты должен выпить это. – И он протянул Глебу кружку с какой-то жидкостью.

Люди, смотревшие на Глеба, улыбнулись еще шире и закивали головами.

– Ну, раз должен...

Первоход протянул руку и взялся за кружку. Толстяк выпустил ее из пальцев, но Глеб не успел как следует ухватиться, и кружка брякнулась на землю.

– Что ты сделал! – рявкнул толстяк.

Глеб посмотрел на него удивленно и неприязненно.

– Не стоит так волноваться, крепыш, – сказал он. – Это всего лишь деревянная кружка.

– Но там было лекарство для тебя!

Посельчане, окружившие Глеба, осуждающе качали головами.

– Ничего страшного, – заверил их Первоход. – Я неплохо себя чувствую. Рука уже почти не болит.

Лицо толстяка снова стало добродушным.

– Прости, что накричал на тебя, – произнес он приветливым, слегка виноватым голосом. – Я принесу тебе еще лекарства. Пожалуйста, подожди меня здесь, странник.

– Спасибо, брат, но лекарство мне ни к чему.

Глеб хотел обойти толстяка, но тот снова заслонил ему дорогу.

– Пожалуйста... – проговорил он, чуть ли не подбострастно заглядывая Глебу в глаза. – Если мы не вылечим тебя, Навин будет расстроен. А мы не хотим расстраивать Навина.

В сущности, Глебу ничего не стоило согласиться и позволить толстяку сбегать за новой дозой лекарства. Но, как это обычно бывало, когда кто-то начинал слишком уж упорно давить на Орлова, в душе у него проснулось всегдашнее упрямство.

– Насколько я успел понять, ваш пастырь не из тех, кто расстраивается по пустякам, – холодно проговорил Глеб.

Он аккуратно отстранил толстяка рукой и зашагал вниз по улочке. Глеб чувствовал, как вся община смотрит ему в спину, и от взглядов этих странных румяных людей ему сделалось неуютно. В былые времена случалось, что вот так же в спину ему смотрели волколаки, оборотни и упыри, но даже тогда он не ощущал себя таким уязвимым и незащищенным.

«Вероятно, во всем виноват яд водяной гадюки, – решил он. – Должно быть, это дерьмо расслабляет волю».

Почувствовав острое желание выпить, Глеб почти машинально открыл сумку-ташку, притороченную к поясу, и увидел в ней оловянную бутылочку с водкой. Секунду колебавшись, он достал бутылочку, свинтил крышку и быстро к ней приложился. Водка горячей волной прокатилась по пищеводу. В мозгах слегка прояснилось.

Глеб хотел двинуться дальше, но вдруг все вспомнил! Стол с ужасными яствами, чудовищ, пожирающих гниль...

Некоторое время Глеб стоял посреди улочки, уставившись в землю, и растерянно моргал. Две реальности, виденные им, никак не могли соединиться в одну. А потом он поднял взгляд и увидел, что Андрей, Петр и Матвей стоят у него на пути.

6

Спиной Глеб почувствовал взгляды других посельчан. Вероятно, рыбаки окружили его, спрятавшись за домами.

Что-то нервировало и раздражало Глеба, и он не сразу понял, что причина была в запахе. А вернее – в страшной вони, исходившей от трех рыбаков. Так пахнет морской берег после шторма, выбросившего на песок гальку, гнилые водоросли и дохлых, успевших разложиться на утреннем солнце рыб и медуз.

Стараясь вдохнуть воздух ртом, Глеб нащупал под балахоном приклад ольстры и сказал рыбакам:

– Уйдите с дороги, ребята. Я сыт по горло вашими играми, и если вы не уйдете, я за себя не ручаюсь.

Петр разомкнул губы и хмуро проговорил:

– Ты не можешь уйти, Гавриил.

– Ты не можешь уйти, – подтвердил Матвей. – Никто не уходит из поселка.
– Попробуйте меня остановить, – холодно прищурившись, предложил Глеб.
Андрей облизнул мокрые, странно бледные губы и сказал:

– Ты не понимаешь, странник. Никто не может покинуть поселок без разрешения Навина.

– Ну, передайте ему, что я прошу разрешения, – небрежно произнес Глеб. – Надеюсь, он мне не откажет. Ведь Бог должен быть не только всемогущим, но и всеблаг.

Матвей вздохнул.

– Ты все еще не понимаешь нас, Гавриил. Ты не уйдешь из поселка. Никто не уходит. Никогда.

Глеб усмехнулся и хотел ответить, но вдруг заметил, что все три рыбака были мокрыми, и с одежд их на песок стекала мутная, коричневая вода.

«Что за черт? – изумленно подумал Глеб, прикинув, что до озера отсюда не меньше полутора верст. – Где это они успели выкупаться?»

И тут рыбаки сдвинулись с места и медленно зашагали к Глебу. И чем ближе они подходили, тем страшнее становились их лица. Сердце Первохода учащенно забилося, а по спине пробежала ледяная волна, когда он понял, что лица у рыбаков темные и распухшие, а в волосах запутались гнилые водоросли и мелкие ракушки.

Рыбаки подходили все ближе, и Глеб невольно отступил на несколько шагов.

Из темной, распухшей, дырявой щеки Матвея высунулся черный крабик. Однако, увидев перед собой Глеба, крабик поспешно скрылся.

Глеб выхватил из-под балахона ольстру и нажал на спусковой крючок. Пуля с отвратительным чавканьем вошла Матвею в мокрую грудь, но рыбак не остановился.

Глеб тщательно прицелился и выстрелил рыбаку в колено. Тот споткнулся и повалился на землю, но и тут не остановился, а пополз к Глебу, глядя на него безумными, полными лютой злобы глазами и подволакивая за собой простреленную ногу.

Первоход глянул по сторонам и увидел, что поселок самым жутким образом переменялся. Вместо чистеньких домов вдоль улицы стояли покосившиеся от времени лачуги с изъеденными древоточцем бревнами. Заборы были черны и повалены, огороды поросли высоким, жухлым бурьяном. На всем был налет глубокого запустения, будто в этих лачугах и в этих дворах никто не жил и не ходил уже много-много лет.

Со всех сторон Первохода окружали люди с синими, опухшими лицами. Одежда на них была насквозь мокрая и обвита водорослями.

И тут нервы у Глеба сдали. Он выстрелил подползающему Матвею в лицо, а затем принялся палить из ольстры в поселян. Но пули не причиняли им никакого вреда.

– Опусть свой громовой посох, странник! – услышал Глеб громкий голос Навина.

Первоход повернулся на голос и увидел проповедника. Тот стоял возле колодца и внимательно смотрел на Глеба.

– Твой громовой посох здесь бесполезен, – сказал тот. – Нельзя убить того, кто уже мертв.

Глеб почувствовал, как быстро и судорожно забилося его сердце, а ольстра дрогнула у него в руках.

– Ты хочешь сказать... – хрипло начал Глеб, но остановился, перевел дух и договорил окрепшим голосом: – Ты хочешь сказать, что все они мертвы?

– В обычном понимании этого слова – да, – спокойно ответил Навин. – На живых людях Господь давно поставил крест. Они смотрят и не видят, слушают и не слышат.

Проповедник нахмурился и продолжил с горечью в голосе:

– Когда я пришел дать им свободу, они встретили меня кольями и вилами. Я оживил их старосту, но вместо благодарности они испытали ужас. Люди, жившие в этом поселке, были неразумны, а их уши и сердца были глухи к моим словам. Мне пришлось истребить весь поселок.

– Как? – хрипло спросил Глеб.

– Я велел им пробить в днищах ладей дыры. А потом заставил их сесть на ладьи и отплыть подальше от берега.

– И они послушались?

– Да, – ответил Навин. – Они подчинились мне. Не могли не подчиниться, ибо я – десница Божья и трубный ангельский глас.

Он снова замолчал. Помолчал несколько секунд, глядя на Первохода внимательным, спокойным взглядом, а потом сказал:

– Я очень долго жил здесь один, брат. И скорби моей не было предела. Пастырь без паствы... Учитель без учеников... Но внезапно на меня снизошло озарение. Я понял, что по силе своей и по своему могуществу равен Богу. И значит, я могу вернуть себе паству единым актом божественного творения. И я сделал это. Поднял их со дна озера. Всех до одного.

Глеб обвел взглядом мертвые лица окруживших его утопленников, облизнул пересохшие губы и снова посмотрел на проповедника.

– Ты утопил людей, а вернул монстров, Навин! Я видел, как эти чудовища ели человеческую плоть!

Некоторое время Навин молча смотрел на Глеба. Потом сухо проговорил:

– За два дня до тебя к нам пришли два странника. Но они были не так чисты и крепки духом, как ты, и мне пришлось убить их. Иногда я позволяю своей пастве полакомиться плотью. Мертвецы голодны, странник. Они всегда голодны, и мне приходится постоянно держать их в узде. Но теперь... – Взгляд Навина, устремленный на Глеба, смягчился, и на губах его появилась улыбка. – Теперь нас будет двое, странник. Двое живых в этом удушающем царстве мертвых. Двое зрячих в стране слепых. И это будет началом нового мира.

Глеб молчал и хмурил брови. Но Навин, казалось, не замечал его неприязненного взгляда.

– Посмотри, какой дивный поселок я создал! – Навин обвел рукой дома, и Глеб увидел, что поселок вновь преобразился, а вместо раздутых утопленников рядом с калитками и заборами стоят счастливые, розовощекие, улыбающиеся посельчане. – Это настоящий островок счастья в безбрежном море зла и ужасов!

Навин посмотрел на Первохода взглядом, полным добродушия и надежды.

– Будь со мной, Глеб! – сказал он. – Будь со мной по доброй воле! Господи, я так этого хочу!

Первоход медленно покачал головой.

– Нет, Навин. Я не останусь в твоём царстве счастливых мертвецов.

Лицо Навина потемнело.

– Вижу, ты такой же неразумный строптивец, как и они, – с болью и горечью в голосе проговорил он. – Что ж... попробуем по-другому.

И проповедник устремил на Глеба холодный, яростный взгляд.

Глеб вскрикнул и упал на колени. Боль была такой свирепой, будто его мозг пронзила раскаленная игла. Навин неторопливо подошел к ходоку, остановился перед ним и возложил руки ему на голову.

– Тише, сын мой. Тише.

Боль слегка отпустила, но из глаз Первохода все еще лились слезы. Навин погладил его по волосам и мягко проговорил:

– Тебе многое пришлось пережить, сын мой. Ты запутался. Заблудился. Но у тебя есть выход. Положи свой громовой посох на землю и следуй за мной.

– Куда? – прохрипел Глеб, едва не теряя сознание от адской боли.

– В светлый и лучший мир, – ответил Навин и вновь погладил Глеба ладонью по голове. – Я крещу тебя озерной водой. Так же, как крестил всех их. Ты станешь частью общины и никогда... слышишь, никогда больше не будешь одинок. Ты ведь этого хочешь?

– Да... – хрипло выговорил Глеб. – Я этого хочу.

Он сцепил зубы, поднял ольстру, ткнул ее дулом проповеднику под адамово яблоко и

нажал на спуск.

Гроыхнул выстрел, и голова Навина разлетелась на куски, а сам он рухнул на дорогу, как деревянная колода, дернул ногой и оцепенел.

Посельчане, стоявшие у домов, уставились на мертвого проповедника, потом перевели взгляды на Глеба и открыли черные рты. Страшный многоголосый крик ворвался Глебу в уши, взорвал его мозг и заставил его самого закричать от нового приступа боли.

Но тут посельчане стали падать один за другим. Глеб зажмурился и с силой потер веки и виски. Когда он снова открыл глаза, наваждение исчезло. Теперь вокруг Глеба снова был старый, давным-давно обезлюдевший поселок, на улицах которого лежали воняющие гнилыми водорослями, раздутые и посиневшие утопленники.

7

Глеб соскреб со дна коробочки остатки бурой пыли и сунул их на язык. Потом открыл оловянную бутылочку с водкой и, запрокинув голову, сделал большой глоток.

– Давай, – хрипло проговорил он, отставив бутылочку. – Давай же...

Голова у него слегка закружилась, перед глазами повисла желтоватая пелена, а когда пелена рассеялась, Глеб увидел перед собой зыбкую человеческую фигуру.

– Громол! – воскликнул Глеб. – Наконец-то ты пришел! Объясни мне, что происходит?

Охотник внимательно посмотрел на Первохода и сказал:

– Тьма, Глеб. Та самая Тьма, о которой я тебе говорил. Она всегда готова принять какую-то определенную форму.

– Значит, проповедник Навин... – Глеб нахмурил лоб и мучительно поморщился. – Погоди... Дай сообразить... Ты хочешь сказать, что Навин был частью Тьмы? И что его Дар был *темным даром*?

– Проповедник Навин? – Охотник прищурил холодные серые глаза. – О ком ты говоришь?

– Как о ком? О нем! – Глеб хотел показать на обезглавленное тело Навина, но с удивлением увидел, что тела нет.

Ходок огляделся, и лицо его еще больше вытянулось от изумления. Никакого поселка не было, и раздувшихся утопленников – тоже. Он сидел у Кривой балки, а вокруг шелестели листьями деревья.

– Что за дьявольщина? – хрипло проговорил он. – Должно быть, это из-за бурой пыли...

– Бурая пыль здесь ни при чем, – перебил его охотник.

– Тогда что при чем? Как я, дьявол тебя побери, снова оказался в Гиблом месте? Я ведь покинул Хлынь почти неделю назад! Что это за фокусы, Громол?

Охотник чуть склонил голову набок и посмотрел на Первохода сочувствующим взглядом.

– Неужели ты еще не понял, Глеб?

– Не понял что? – раздраженно спросил ходок. – Что я должен понять, Громол?

Зрачки Громола расширились, и он тихо проговорил:

– Врата, через которые ты вошел в поселок Логач, были вратами вечных сумерек. Ты в Сумеречном мире, Первоход. На границе Света и Тьмы.

Стоило Громолу произнести эти слова, как что-то в окружающем Глеба мире неуловимо переменялось. То ли воздух стал плотнее и приобрел красноватый оттенок, то ли небо опустилось ниже, но реальность стала другой, и Глеб это сразу понял.

Ходок снова огляделся.

– Это, безусловно, Кривая балка... – пробормотал он. – Но выглядит она как-то... иначе.

Охотник кивнул:

– Да. То, что тебя окружает, – это не Гиблое место.

– А что же?

– Его темная, скрытая от людских глаз изнанка. Твои спутники ждут тебя у Межи, Глеб. Ступай к ним и объясни им все. Конечно, если сможешь.

Глеб снова с силой потер виски.

– Предположим... Предположим, что я так и сделаю. Но что нам делать дальше?

– Отправляйтесь в глубь Сумеречной чащобы и разыщите там темного кузнеца.

– Кто это?

– Темный двойник Вакара. Попроси его продать тебе оружие, которым можно одолеть Тьму.

Глеб посмотрел на охотника с удивлением и недоверием.

– И он согласится?

– Должен согласиться. Однако взамен он попросит нечто такое, что тебе очень дорого.

– Что именно? – уточнил Глеб.

Призрачный охотник покачал головой.

– Этого я не знаю.

Первоход обдумал слова друга. После стольких лет, проведенных в Гиблом месте, он был уверен, что никто и ничем не сможет его удивить. И вот в течение одного дня он встретил *живого бога*, оказавшегося *призрачным богом мертвых*, а затем оказался в реальности, которую с полным основанием можно было назвать *иной*.

Насчет «живого бога» он, кажется, все понял. Проповедника Навина ему подбросила в качестве развлечения (или, быть может, проверки?) та самая Тьма, о которой твердил Громол.

А что касается Сумеречной чащобы, то тут на ум Глебу пришел фильм, виденный много лет назад (или вперед?) в Москве XXI века. Герои фильма, маги и колдуны, то и дело ныряли в параллельную реальность, которую они называли Сумраком. Реальность эта была чем-то вроде теневого двойника нашего мира, и обычным людям путь туда был заказан.

Стало быть, Сумеречная чащоба была тeneвым двойником Гиблого места. Или – истинным его обликом.

Поразмыслив над этим, Глеб снова посмотрел на охотника и спросил:

– И что нам делать потом? Где произойдет наша схватка с Тьмой?

– В Храме Падших Богов, – ответил охотник.

– В Храме Падших Богов... – задумчиво повторил Глеб. – Звучит неплохо. Ну, и как же я его разыщу?

– Просто, – ответил Громол. – В Сумеречной чащобе любая тропа ведет к этому Храму. Кроме того, углубившись в чащобу, ты почувствуешь его. Так же, как чувствовал детей падших богов, когда отправился на их поиски.

Обдумал Глеб и это. Что ж, по крайней мере, маршрут Громол обозначил вполне определенно. Ну, а там...

Глеб прерывисто вздохнул и вновь взглянул на охотника.

– Положим, Храм мы отыщем. А дальше, Громол? Что я буду делать, когда найду Храм?

Призрачный охотник внимательно посмотрел на Глеба и ответил:

– То, что умеешь лучше всего.

Глеб мрачно усмехнулся.

– Я собрал всего шесть чародеев, Громол. Этого мало.

– Тьма приходит в движение, Глеб, – сказал охотник. – У нас больше нет времени. Придется встретить врага с тем, что есть.

Глава девятая СУМЕРЕЧНАЯ ЧАЩОБА

Передвигаться по Сумеречной чащобе было не сложнее, чем по обычному лесу. Путники перебирались через болотца, пробивались сквозь чащу деревьев, отдыхали под защитой кустарников, выставив караулы, разводили небольшие костры. Спали чутким сном, слушая отдаленный вой оборотней и волколаков (или их сумеречных подобий?).

В остальное время, преодолевая страх и усталость, они шагали ходко, зорко всматриваясь в каждую рощу и заросли кустарника. Легкий ветерок покачивал голые ветки, шуршал в ржавых бурьянах. Чудилось, что где-то неподалеку рыщут стаи темных тварей, жаждущих полакомиться живой плотью.

«Интересно, какие они – здешние темные твари? – изредка думал Глеб, оглядывая странные деревья, листья на которых были либо светло-серыми, либо белыми с черной траурной каймой. – Такие же, как в Гиблой чащобе? Да нет, должны отличаться. Примерно так, как отличаются оборотни и волколаки от обычных волков и собак».

Впрочем, встречаться с этими чудовищами у Глеба не было никакого желания.

Приходили ему в голову и другие мысли.

«А может быть, я уже мертв? – подумывал Глеб, бесшумно шагая по валежнику. – Кажется, был такой философ-мистик, который утверждал, будто после смерти человек не сразу понимает, что умер. Какое-то время ему кажется, что он продолжает свое существование, не замечая перемен. Но на самом деле то, что он переживает, – это уже не жизнь, а своего рода инерция».

Эта мысль привела Глеба в волнение, и он сглотнул слюну.

«Быть может, все, что со мной происходит в последние годы, – это тоже затянувшаяся инерция жизни? А на самом деле я умер в тот момент, когда в дерево, под которым я спрятался, попала молния? А последовавшее за этим путешествие в прошлое не более чем мое посмертное видение?...»

Спутники Первохода были суровы и молчаливы. Никому не хотелось разговаривать с этой жуткой чащей и привлекать неведомых чудовищ, шныряющих по лесу.

Перед очередным привалом Рамон встал рядом с Глебом и взволнованно проговорил:

– Глеб, смотри! Там что-то дымится!

– Да, я вижу.

Умение хорошо видеть в темноте не подвело Глеба и на этот раз. Он разглядел темный короб избы и узнал его. Это была кузница Вакара. Та самая кузница, которую много лет назад он построил в Гиблом месте, когда ковал мечи и копья для воинства нелюдей. Вернее – это была копия той кузницы, как и все, что окружало странников в Сумеречной чащобе.

Стоило Глебу понять, что он видит кузницу, как тут же до слуха его долетел тихий, методичный стук.

– Кузница! – тихо выдохнул Облакаст, удивленно уставившись во тьму. – Первоход, здесь есть люди!

– Тише, – оборвал его Рамон. Затем посмотрел на Глеба и сказал: – На этот раз ты не пойдешь туда один.

– И не оставишь нас в этом жутком месте без присмотра, – добавила Зоряна и крепко взяла Глеба за руку.

Первоход не стал возражать. Он поправил перевязь с кобурой, поудобнее сдвинул ножны и, дав своим спутникам знак идти как можно тише, двинулся вперед.

Темная кузница ничем не отличалась от той, первой, и даже телега со снятыми колесами во дворе стояла такая же.

Из утробы кузницы доносился размеренный стук.

Остановившись на мгновение перед дверью, Глеб взялся за изогнутый железный штырь, служащий ручкой, и решительно распахнул дощатую дверь.

Угол сумеречной кузницы был завален всевозможным скарбом – колесами с треснувшими ступицами, поломанными секачами для рубки соломы и целой кучей предметов помельче.

Отблеск белого огня из горнила кидал резкие тени на суровое лицо кузнеца.

Прервав работу, он посмотрел на Глеба и его спутников мерцающими в полумраке белыми глазами и спросил:

– Кто ты? Я плохо тебя вижу.

– Меня зовут Глеб. Глеб Первоход.

Кузнец усмехнулся:

– Тот самый Первоход? Я слышал о тебе. Чего ты хочешь, Глеб Первоход?

– У тебя есть оружие, которым можно одолеть Тьму. Продай мне его.

Кузнец чуть склонил голову набок, посмотрел своими глазами-бельмами Глебу в лицо и глухо спросил:

– А что у тебя есть?

– А что ты хочешь? – спросил в ответ Глеб.

– Долгие годы я работаю здесь один. И мне сильно не хватает помощника. Отдай мне одного из твоих спутников, Первоход.

Глеб нахмурился и покачал головой.

– Это невозможно.

– Не хочешь, – мрачно констатировал темный кузнец. – Так я и думал. Но давай спросим твоих друзей.

Кузнец перевел глаза-бельма на спутников Глеба, безмолвно стоящих у двери.

– Без моего оружия вы не выберетесь из Сумеречной чащобы. Вы сгинете тут все до одного. Но я могу дать вам оружие и спасти вас. – Кузнец выдержал паузу и договорил, повысив голос: – Так кто из вас согласен принести себя в жертву во имя общего дела? Найдется ли такой смельчак?

Рамон хотел шагнуть вперед, но Хлопуша схватил его за плечо и отпихнул назад, а сам выступил из отряда и сказал:

– Я буду твоим помощником!

Глеб метнул на него изумленный взгляд.

– Хлопуша, какого черта ты де...

– Исполнено! – громовым голосом воскликнул кузнец и хлопнул в ладоши.

В тот же миг плечи здоровяка Хлопуши безвольно ссутулились, и он двинулся к кузнецу.

– Хлопуша, стой! – окликнул его Глеб. – Говорю тебе – подожд...

Здоровяк дошел до кузнеца, встал рядом и повернулся к Глебу лицом. Слова застряли у Глеба в горле. С широкого лица Хлопуши на него смотрели белые, слепые глаза.

– Поздно, Глеб, – проговорил здоровяк ровным, лишенным выражения голосом. – Теперь я принадлежу ему.

Кузнец неторопливо достал что-то из кармана кожаного фартука и протянул Глебу.

– Что это? – спросил ходок.

– Оружие, с помощью которого ты сможешь одолеть Тьму.

Глеб внимательно присмотрелся к предмету и удивленно проговорил:

– Это ключ?

– Да, – ответил кузнец своим безжизненным, мертвяще-спокойным, лишенным модуляций голосом. – Ключ от Храма. Воспользуйся им.

Глеб взял ключ и едва не выронил его. Сперва Глебу показалось, что ключ раскален добела, но потом ходок понял, что пальцы ему обжег не жар, а ледяной холод. Глеб быстро положил ключ в карман куртки, и замша куртки в этом месте тут же замерзла и затвердела.

– Хлопуша, я вернусь за тобой, – пообещал Глеб сурово. Потом перевел взгляд на кузнеца и добавил: – Мне плевать, темный ты кузнец или светлый, но если с головы моего друга упадет хоть волосок – я сотру тебя в пыль вместе с твоей поганой кузницей. Надеюсь,

ты это запомнишь.

Глеб развернулся, подтолкнул к двери своих угрюмых спутников и вышел на улицу вслед за ними.

Путники двинулись дальше. По влажному, заболоченному лесу тянулись илистые ручейки. Вода с журчанием переплескивалась через камни и упавшие ветки.

– Ходок, ты знаешь, куда идти? – уже в десятый раз уточнил Тиш, хмуро поглядывая на Глеба.

– Знаю, игрок, – терпеливо, не повышая голоса, ответил в десятый раз Глеб.

Ему было понятно волнение Тиша. Не только игроку, но всем в отряде было не по себе.

Пройдя несколько верст, остановились на отдых и перекусили холодным вяленным мясом и сушеными яблоками, запивая все это водой.

Путники были так измотаны, что никому не хотелось собирать валежник для костра. Они втянули головы в воротники кафтанов и мрачно жевали ставшее отчего-то безвкусным и жестким мясо.

– Мясо потеряло вкус, – сказал Огнерод. – Отчего бы это?

– Оттого, что мы в потустороннем мире, – ответил ему увалень Лудобок. – Этот мир – невзрачная изнанка нашего мира, и вкус мяса здесь – не вкус, а всего лишь изнанка вкуса.

Объяснение Лудобока удовлетворило всех. По крайней мере, ни спорить, ни возражать ему никто не стал.

Перекусив и отдохнув (а заодно основательно замерзнув), поднялись с жухлой травы и отправились дальше.

Постепенно почва под ногами стала влажной, а потом и вовсе превратилась в топь. В некоторых местах ноги путников проваливались выше щиколоток, покуда не нащупывали скользкое твердое дно. Но они молча и упорно продвигались дальше, выискивая заросшие мелким, странновато-белым тальником островки.

– Леший! – выругался вечно недовольный Тиш, провалившись в топь по колено. – Да когда же это кончится?

– Кончится это – начнется другое, – ответил ему неунывающий белокурый Облакаст.

– Боишься промочить ножки? – с ухмылкой поинтересовался у игрока Балабан. – Радуйся, что пока так. Когда дойдем до Храма Падших, вымокнуть придется целиком, и вместо воды будет кровь.

– Типун тебе на язык, живодер косоглазый, – огрызнулся Тиш.

Балабан засмеялся, но другие дети падших богов, включая Зоряну, Огнерода и неуклюжего Лудобока, посмотрели на военного советника неодобрительно.

Еще с полчаса они шли по жидкой каше, а затем выбрались, наконец, на твердую почву.

– Слава богам, болото кончилось, – облегченно вздохнул Тиш. – Надеюсь, что дальше...

– Тихо! – оборвал его Балабан и молниеносно выхватил из ножен свой кривой меч. – Там... – шепотом сказал он, покосившись на Глеба. – За кустами.

Странники осторожно раздвинули кусты. И вот что они увидели. Из рощицы молодых деревьев с красными стволами и «траурными» листьями вышли два человека. Тот, что шел впереди, был одет в купеческий кафтан и седовлас. Следовавший за ним молодой рыжебородый парень тоже походил на купчика. В руках оба странника несли легкие походные луки со стрелами, уложенными на тетиву. Из-за спин у купцов торчали сагайдаки, а сами они тревожно озирались по сторонам.

– Этих можно не бояться! – громко сказал Глеб.

Спутники его вздрогнули, а Глеб добавил:

– Эти купцы ничего нам не сделают. Смотрите, что будет дальше.

Один из купцов что-то крикнул, но изо рта у него не вылетело ни звука. Вдруг оба купца уставились на что-то расширившимися от ужаса глазами. Глеб видел, как ужас купцов отразился на лицах его спутников, но сам лишь мрачно усмехнулся.

Несколько секунд купцы таращились на неведомого врага, а потом вскинули луки и стали стрелять по нему, выдергивая из сагайдаков одну стрелу за другой. Однако стрелы их, едва слетев с тетивы, тут же растворялись в воздухе.

Выпустив очередную стрелу, молодой купец упал на землю. Из его левого предплечья брызнула кровь, будто кто-то разорвал ее клыками.

Из-за деревьев выскочил третий человек, одет он был как охотник или ходок, а в руке держал меч-всеруб. Седовласый купец что-то беззвучно крикнул ему и показал на что-то пальцем. Охотник посмотрел в том направлении, и лицо его побелело от ужаса.

Еще пару секунд охотник стоял на месте, затем бросился к истекающему кровью парню. Вдвоем со стариком они взяли парня под мышки и быстро оттащили его к колючему багровому кустарнику. Секунду спустя все трое скрылись из вида, но в следующее мгновение оба купца – молодой и старый – вновь выскочили с другой стороны лужайки, и все началось сначала.

– Парень снова цел! – воскликнула Зоряна.

– Не просто цел, – заметил, блеснув лысиной, Огнерод. – Они делают в точности то, что делали две минуты назад. Все повторяется.

– Что же это?... – испуганным голосом проговорил Лудобок. – Как же это так, а?

Рамон и дети падших богов воззрились на Глеба, ожидая объяснений.

– Купцы угодили в Силки Времени, – сказал он. – Это одна из множества ловушек Гиблого места. Вернее – Сумеречной чащобы, поскольку мы с вами теперь в ней.

Тем временем два купца и охотник на поляне продолжали свою жуткую пантомиму. Путники смотрели на них с сочувствием и страхом.

– Купцы попались в Силки Времени несколько лет назад, – сказал Глеб. – С тех пор они беспрестанно кружатся в этом водовороте времени, как белки в колесе. Тот парень в замшевой куртке... его зовут Хвощ... попытался прийти им на помощь, но угодил в Силки сам.

– Они кружатся так уже несколько лет? – изумленно проговорил игрок Тиш.

Глеб кивнул:

– Да. Думаю, нам не следует подходить к этому месту слишком близко.

– Я им помогу! – решительно проговорил игрок.

– Нет, Тиш!

Но было поздно. Тиш ринулся вперед и выскочил из кустов. Когда он прошел сквозь невидимое силовое поле Силков Времени, в глаза путникам блеснула яркая вспышка, и они невольно отвернули лица. А когда вновь взглянули на Силки Времени, взорам их открылась жутковатая картина.

Тиш мгновение стоял на месте с ошеломленным видом, а затем медленно, как бы преодолевая вязкий, невидимый поток, двинулся наперекор движению попавших в Силки охотников.

Игрок двигался им навстречу, и с лицом его происходили странные метаморфозы. Оно стремительно покрывалось глубокими морщинами и ссыхалось, словно каждый шаг стоил игроку двадцати лет жизни, но Тиш сжимал зубы, и морщины на его лице снова разглаживались, а поседевшие было волосы снова обретали исконный цвет.

Тиш продолжал с трудом двигаться вперед, сражаясь с безжалостным временем, и лицо его продолжало меняться – то стареть, то молодеть.

– Интересно, на сколько его хватит? – тихо проговорил Рамон, неотрывно глядя на игрока.

– У него в запасе девяносто лет выигранного времени, – так же тихо пробормотала Зоряна. – Он сам мне об этом говорил.

Охотники, попавшие в Силки Времени, продолжали свое бессмысленное движение, но на какую-то долю секунды Глебу показалось, что они увидели приближающегося к ним игрока и взглянули на него с надеждой.

Первым Тиш вытолкнул из водоворота времени старика. Затем шагнул к парню. Тот

как раз истекал кровью, и Тишу пришлось взять его под мышки и поставить на ноги. Парень бессмысленно хлопал глазами. Игрок что-то сказал ему, затем развернул и вытолкнул за границы Силков.

Охотник уже бежал ему навстречу. Игрок схватил его на ходу, оттащил в сторону и с силой швырнул вон. Теперь внутри водоворота времени остался один Тиш.

И тут словно бы резкий порыв ветра всколыхнул волосы Тиша. Они мгновенно выпцвели и засеребрились и тут же стали облетать с обрастающей морщинами головы. Лицо игрока стремительно ссохлось и, подобно желтому пергаменту, плотно обтянуло кости черепа.

Тиш поднял руку и взглянул на нее – на лице его, лице глубокого старца, отразился ужас.

Последним усилием воли он вывалился из Силков Времени и упал на траву.

Глеб в один миг оказался рядом с ним и присел на корточки. Тиш поднял голову, огляделся и сипло пробормотал:

– А где... купцы?

– Думаю, они вернулись туда, где должны были находиться до того, как их затянуло в водоворот, – ответил Глеб. – И охотник тоже.

– Слава богам... – выдохнул Тиш и поморщился от боли в старческих суставах. – Значит, все было не зря.

3

Первым это предложил благородный Рамон.

– Тиш, – мягко произнес он, глядя на постаревшего, обессиленного игрока, – ты можешь забрать у меня несколько лет жизни. Мне их совсем не жалко.

– И у меня, – тут же сказал Облакаст. – Забирай хоть десять лет – перебыюсь и без них.

Тут заговорили и другие, но Глеб вскинул руку, призывая своих спутников к молчанию, пристально посмотрел на игрока и спросил:

– Ты способен сделать это?

– Я... попробую, – промямлил в ответ Тиш.

– Тогда начни с меня. – Глеб криво усмехнулся и добавил: – Всю жизнь мечтал побывать в шкуре лабораторного кролика.

Рамон попробовал было возразить, но Глеб бесцеремонно оборвал его:

– Охолони, толмач. Если у него получится, то вскоре очередь дойдет и до тебя. Начинай, игрок!

Тиш поднял дрожащую морщинистую руку, распрямил ладонь и, подобно маленькому локатору, направил ее на Глеба. С ладони сорвались призрачные, едва заметные серебристые нити и устремились к Глебу. Первоход нахмурился и покачнулся, но устоял на ногах.

Прошло несколько секунд. Лицо игрока слегка разгладилось, а на его голом, морщинистом черепе появилась робкая поросль седых волос. Лицо Глеба тоже слегка изменилось. На лбу его прорезалось несколько морщинок, а на висках появились седые волоски.

– Давай-давай, – процедил сквозь зубы Глеб. – Пей мою кровушку, упырь.

Рука Тиша бессильно упала, а серебристые нити исчезли, будто растворились в воздухе.

– Ты чего? – спросил Глеб, хрипло переведя дух. – Я ведь пошутил.

– Я слишком... устал, – пробормотал игрок.

– Вот уж никогда бы не подумал, что высасывать из людей энергию так тяжело. Чем я могу помочь тебе, Тиш?

– Ничем, – выдохнул игрок. – Просто оставьте меня здесь. А после... после за мной вернетесь.

Несколько секунд Глеб раздумывал, затем кивнул и сказал:

– Хорошо. Мы отправляемся дальше.
Кудрявый, белокурый Облакаст выдвинулся вперед.
– Первоход, это неправильно! – возмущенно произнес он. – Мы не можем его так оставить!
– Мне это тоже не по душе, Ветерок, – сказал ему Глеб. – Но у нас слишком мало времени.
– Однако я думаю, что...
– Я принял решение, – оборвал его Глеб. – Мы отправляемся дальше.

4

Следующие два часа они пробирались сквозь густо поросший странными красноватыми деревьями лес, перебирались через узкие полосы синих, зловонных топей и вновь выбирались на твердую почву, покрытую ковром белого лишайника, который при их приближении начинал тихонько трепетать и вжиматься в землю.

Теперь здесь не было ни сосен, ни берез, ни ольхи, ни других привычных деревьев, а только красноватые корявые уродцы, опутанные багровыми, сочащимися красным соком прядями лишайника.

Глеб все время был начеку, зная, что Сумеречная чащоба полна неведомых тварей и что рано или поздно эти твари выйдут на их след и попробуют напасть. Однако из-за усталости и холода момент нападения он все-таки прозевал.

Напали они внезапно. Только что перед путниками были красные деревья, и вдруг эти деревья зашевелили раскидистыми ветвями и превратились в чудовищ. Первым нападению сумрачных тварей подвергся Рамон. Толстая ветка, резко преградив ему дорогу, молниеносно обвила его за талию, вздернула в воздух и потащила к огромному черному дуплу, усыпанному черными зубами, похожими на острые обломки веток.

Рамон выхватил из ножен кинжалы, и когда до черного дупла оставалось не больше аршина, вытянулся в струну и дважды полоснул кинжалами по белому пятну лишайника над дуплом – сперва одним, потом вторым.

Раздался оглушительный рев, ветки разжались, как лапы смертельно раненного зверя, и толмач упал на землю.

В этот момент Глеб нажал на спусковой крючок, и пуля, выпущенная из ольстры, разбила в щепы белое пятно над черным дуплом второго гиганта.

Глеб знал, с чем имеет дело. Твари, маскирующиеся под деревья, которых он встречал в Гиблом месте (или видел во сне, теперь он уже не помнил, да это и не имело значения), – это были они или же – их сумрачные двойники. Белое пятно над дуплом было единственным уязвимым местом этих чудовищ.

Два красных, корявых дерева с шумом и треском повалились наземь, и Балабан с Облакастом, орудуя своими мечами, как топорами, изрубили ветви и стволы.

Первоход опустил было ольстру, посчитав, что сражение закончено. Но не тут-то было. Лес вокруг путешественников ожил, и красные деревья, треща лапами-ветвями, двинулись к ним.

...Грохот выстрелов напоминал канонаду. Пули расшибали чудовищам белые пятна, и монстры, теряя равновесие и издавая страшный рев, падали один за другим, с оглушительным треском ломая лапы-ветви и содрагаясь мощными телами-стволами.

Рамон не уступал Глебу. Подобно черной пантере, прыгал он с дерева на дерево, уворачиваясь от гибких, хищных ветвей, и кромсал монстрам уязвимые участки тел острыми кинжалами.

Облакаст несколько раз пытался призвать на помощь тучи и ветры, но ему никак не удавалось сосредоточиться, а мощные кроны оживших деревьев так плотно переплелись у него над головой, что скрыли небо от его взгляда.

Не лучше были дела и у Феникса-Огнерода. От мощных ударов ветвей его кости в

нескольких местах треснули, и из трещин взвились кверху голубые языки огня. Однако ветви и стволы живых деревьев оказались настолько сырыми, что никак не хотели заниматься пламенем. Кости Огнерода продолжали трещать, из глубоких ссадин и ран на теле лилась кровь, и вскоре он вспыхнул, как факел, чтобы сгореть и возродиться в очистительном огне, но пользы от его способности возрождаться из огня отряду не было никакой.

Зоряна, беспрестанно меняя облик, пыталась вступить с чудовищами в схватку, но, какую бы форму она ни принимала, размеры ее были слишком малы, чтобы серьезно навредить древесным монстрам.

Способностей Лудобока хватало лишь на то, чтобы упреждать удары лап-веток и уворачиваться от них, но ответные его удары были слишком слабы и неумелы и не приносили чудовищам особого вреда.

Глеб, Рамон и Балабан дрались, как одержимые, но Балабану негде было развернуться – его дар здесь был не так полезен и уместен, как ольстра Глеба и острые кинжалы Рамона.

Красные деревья падали одно за другим, но на смену им приходили новые. Магазин ольстры Глеба опустел, и ему пришлось вытянуть из ножен меч.

Силы путешественников были на исходе, и тут случилось нечто такое, что окончательно лишило их надежды на победу. Из земли, подобно длинным гибким стрелам, выскочили корни-щупальцы и разом обвили Облакаста.

– Рубите корни! – крикнул Глеб и взмахнул мечом.

Двумя сильными, точными ударами он отсек живые корни, впившиеся в Облакаста. Повелитель погоды рухнул на землю, но тут же поднялся и, зашипев от боли, оторвал от себя обрывки корней. Там, где они коснулись Облакаста, кафтан его намок от крови.

И тут земля под ногами путников дрогнула и зашаталась. А затем огромная черная масса вырвалась из земли и зависла над Облакастом, шевеля сотней черных и гибких корней-щупальцев, покрытых багровыми присосками. А затем все смешалось в тучах земли и пыли.

Это было похоже на взрывы. Огромные фигуры стремительно вырывались из земных недр – одна, вторая, третья, четвертая...

– О боги! – в ужасе воскликнул Балабан. – Это еще что за твари?

– Владыки земных недр! – крикнул Глеб. – Бейте по погонщикам, которые сидят на кронах!

Балабан поднял голову и увидел, что на вершине ближайшего к нему владыки недр, злобно сверкая глазками-бельмами, сидит маленькое черное существо, похожее на гриб-отросток. До пояса тело маленького монстра-погонщика было утоплено в огромном туловище владыки недр.

Гибкие корни зазмеились вокруг путников, и вдруг небо над лесом взорвалось оглушительными раскатами грома, и ослепительная молния ударила в ближайшего владыку недр. Подобно огромному сверкающему мечу, зажатому в руках великана, молния рассекла надвое тело владыки недр и испепелила монстра-погонщика.

– Бегите! – громогласно крикнул Облакаст, вскинув руки к небу. – Уходите же! Скорее, леший вас поберет!

– Уходим! – скомандовал Глеб, подобрал с травы ольстру и первым ринулся сквозь кустарник прочь.

Остальные путники, все, кроме Облакаста, бросились за ним. Не успели они отбежать на двадцать шагов, как по кронам огромных чудовищ заплясали молнии и налетевший шквальный ветер стал с треском и хрустом ломать их ветви.

5

Никогда еще Глеб не чувствовал себя таким угнетенным и разбитым. Неведение и неприятные предчувствия давили на него сильнее, чем затянутое тучами небо над багровой листвой неведомых деревьев, каждое из которых могло оказаться притаившимся чудовищем.

И вскоре тревоги и опасения Глеба подтвердились. Едва они продрались сквозь багровый глушняк и вышли на небольшую лужайку, как над ухом у Первохода просвистела стрела. Вторая, с визгом прошив воздух, угодила бы Зоряне в шею, если бы Глеб не оттолкнул ее в сторону.

– На землю! – крикнул он. – Быстро!

Повторять дважды не пришлось – путники попадали на колючую траву и вжались в землю животами. Над головами у них свистели стрелы.

Глеб быстро выглянул из травы и увидел десятки горящих белых глаз, уставившихся на них из темноты чащи. Стрела сбила с него кожаную шапку, и он снова быстро пригнул голову.

– Дьявол! – хрипло выругался Глеб. – Они окружили нас!

– Кто?! – крикнул Балабан яростным голосом. – Кто они такие?!

– Газары! – крикнул в ответ Глеб. – Несколько лет назад в Гиблом месте обитало племя лесных жителей-газаров! Во время войны людей с темными тварями они выступили на стороне тварей, и мне пришлось загнать их в чащобу! Там на них пало древнее проклятье и превратило их в оборотней! Пока они в сердце чащобы, они – люди, но стоит им перейти границу заклатья, обозначенную ручьем, и они тут же превращаются в собакоголовых чудовищ!

– Не знала, что собаки умеют стрелять из луков, – ехидно проговорила Зоряна.

– Эти – умеют, – ответил за Глеба толмач Рамон.

Новое облако стрел пролетело у путников над головами.

– Черт, время истекает! – с досадой воскликнул Глеб. – А ведь Храм уже недалеко, я чувствую его!

Балабан чуть приподнялся и обернулся к нему.

– Вот что, Первоход. Вы – бегите к Храму, а с этими собакоголовыми тварями я разберусь. Из травы выскочите по моей команде!

Глеб покосился на Хромого беса недоверчивым взглядом.

– Балабан, их там не меньше двух десятков!

Хромой бес криво ухмыльнулся.

– Мне случалось выступать и против тридцати воинов сразу! – ответил он. – И поверь мне, ходок, те воины были не менее опасны, чем твои человекопсы!

Глеб еще несколько секунд раздумывал, но третий залп из луков заставил его ускорить принятие решения.

– Если выживу, обязательно вернусь за тобой! – сказал он Балабану. – Действуй!

Балабан кивнул и вдруг одним прыжком вскочил на ноги. Новое облако стрел понеслось к нему по воздуху и непременно изрешетило бы его, но тут Хромой бес резко вскинул руку, и три десятка стрел, словно натолкнувшись на невидимое препятствие, зависли в воздухе, провисели так пару мгновений, а затем посыпались на землю, как сухой тростник.

– Бегите! – скомандовал Балабан.

Глеб, Зоряна, Лудобок, Огнерод и Рамон вскочили на ноги и побежали к лесу.

За спинами у них начался суший ад, но путники не стали оглядываться, они верили, что Балабан – слишком крепкий орешек, чтобы его смогла одолеть свора собакоголовых дикарей с луками и стрелами в руках.

* * *

Перезарядив ольстру и очистив от мелких веток и мусора спусковой механизм, Глеб почувствовал себя увереннее.

Ветер крепчал. Из сердца Сумеречной чащобы вместе с туманной дымкой болотных испарений тянулся такой жуткий смрад, что путники зажали носы пальцами, но, несмотря на это, Зоряна отбежала вдруг к багровым кустам, похожим на можжевельниковые, и там ее шумно

вырвало.

Глеб, Рамон, Лудобок и Огнерод молча подождали, пока она завершит свое дело, а затем, ни слова не говоря, двинулись дальше.

Некоторое время им приходилось продираться сквозь кусты, и чем дальше они шли, тем сильнее становился смрад. И вот, наконец, полоса кустарников кончилась, и взорам путников открылось ужасающее зрелище. Это была широкая и неглубокая долина, над которой парили облака ядовитых испарений. Облака эти стлались по земле, подобно низкому туману, а там, где земля переходила в небольшие плоские возвышенности и пригорки, виднелись десятки разлагающихся звериных трупов.

Можно было только догадываться, сколько таких трупов лежит на дне долины, под белым одеялом ядовитого тумана. От невыносимого смрада у Глеба заслезились глаза. Он поднял руку, чтобы протереть их, но вдруг замер и уставился на темную фигуру, стоявшую между деревьями.

– Ведьма Мамелфа... – хрипло прошептал Глеб, и сердце его сдавили ледяные тиски. Лесная колдунья никогда не появлялась просто так. Там, где была она, обязательно была и беда.

Но это была не Мамелфа. На сморщенном, темном лице неподвижно стоявшей старухи белели слепые глаза. Это была темная ведьма из Сумеречной чащобы.

Старуха сдвинулась, наконец, с места, прошла по колено в белом тумане к ближайшему трупу огромного лося, присела рядом и прижала ладонь к его полуразложившейся рогатой голове. В тот же миг голова зверя дернулась, а затем и весь он, огромный, тяжелый, страшный, вскочил на ноги и повернул голову к странникам. На месте глаз его белели отвратительные бельма.

– О боги... – пролепетала, в ужасе прижавшись к Глебу, Зоряна. – Старуха оживила мертвого зверя!

Темная ведьма на этом не остановилась. Быстро повернувшись, она прижала ладонь к другому мертвому зверю. Это был медведь. И тотчас полуразложившийся хищник вскочил на лапы, тряхнул головой и уставился своими белыми слепыми глазами прямо Глебу в лицо. А ведьма просеменила к следующему мертвому зверю.

Все это происходило с невероятной, поистине нечеловеческой быстротой. Ведьма передвигалась от трупа к трупу, и мертвые звери, повинаясь касаниям ее рук, поднимались на лапы и поворачивались к странникам, глядя на них своими ужасающими слепыми бельмами.

– Ходок, – негромко окликнул лысый чародей, сбросив с себя оцепенение. – Кажется, они...

Договорить он не успел. Ведьма резко выпрямилась и, указав пальцем на Глеба и его спутников, что-то громко прокричала на неведомом гортанном языке. Ожившие трупы зверей сорвались с места и бросились на путников.

На этот раз Глеб не медлил. Ольстра в его руках залаяла, как разъяренный пес. Первая пуля разнесла на куски голову медведю, вторая и третья вошли меж глаз лося, заставив его остановиться и затрясти рогатой головой, четвертая сшибла в прыжке огромного волка, левый бок которого прогнил до костей.

А ольстра все грохотала. Спутники Глеба тоже не растерялись. Первым, выхватив из ножен длинные кинжалы, больше похожие на короткие мечи, ринулся вперед Рамон. Его волосы развевались подобно черным языкам пламени, а клинки кинжалов сверкали в багровом воздухе, словно уменьшенные копии тех молний, которые обрушил на кроны оживших деревьев Облакаст.

Зоряна выбрала для боя новую ипостась. Она сама превратилась в монстра – наполовину медведя, наполовину волка – и, угрожающе зарывав, сшибла с ног взбесившегося мертвого оленя.

Провидец Лудобок, с легкостью уворачиваясь от когтей и зубов мертвых животных, рубил их боевым топором, стараясь разбить чудовищам головы или перебить ноги и лапы,

чтобы они не смогли атаковать снова.

Но самым грозным воином в отряде оказался Огнерод. Здесь, в долине мертвых зверей, он развернулся в полную силу. Столкнувшись с лысым чародеем, звери-зомби вспыхивали, как свечки, и падали в туман, объятые пламенем. Однако темная колдунья не останавливалась, и с ее адского «конвейера» поднимались все новые и новые мертвые звери.

Отбив атаку сразу трех мертвых лисиц и превратив их в мечущиеся по долине факелы, Огнерод повернулся к Глебу и выкрикнул:

– Ходок, у вас мало времени! Уходите!

Глеб ударом меча отсек голову прыгнувшей на него с дерева мертвой рыси и быстро уточнил:

– Уверен, что справишься?

– Да! – ответил Огнерод.

Обезглавленная рысь снова попыталась атаковать Глеба и едва не вцепилась ему в бедро огромными, острыми когтями, но лысый чародей ударил ее расцарапанной рукой, и рысь отлетела, объята огнем.

– Рамон, Зоряна, Лудобок – быстро за мной! – крикнул Глеб.

И снова путники покинули место боя, оставив одного из своих сдерживать сонмище мертвых, но оживших и жаждущих горячей крови лесных чудовищ.

6

Путники долго брели сквозь густую заросль красных сухих кустарников, потом пересекли несколько островков молочно-белого папоротника и странных черных цветов, которые при их приближении быстро свертывались в бутоны и выпускали белые шипы-иглы. Потом на дороге возник большой бурелом, и странники минут двадцать пробирались в путанице полусгнивших красных сучьев.

И когда, наконец, впереди показалась большая поляна, под ногой неуклюжего Лудобока что-то громко пыхнуло, и из-под сапога его кверху взметнулось облачко багровой пыли.

– Жмите носы! – громко приказал Глеб и первым прижал к носу рукав охотничьей куртки.

Рамон и Зоряна тут же последовали его примеру, да и Лудобок попытался поднять руку, но только на полпути к лицу рука его остановилась и обессиленно упала вдоль тела. А следом повалился на траву и сам Лудобок.

Глеб, продолжая зажимать рукавом нос, схватил свободной рукой Лудобока за шиворот и потащил его прочь. Оттащив увальня сажени на четыре, он отпустил его и присел рядом на корточки.

– Что с ним? – тревожно спросила, присаживаясь рядом, Зоряна. – Он жив?

– Жив, – угрюмо ответил Глеб.

Девушка, последовав примеру Первохода, убрала руку от лица, вгляделась в побледневшее лицо Лудобока, глаза которого были закрыты, а пухлые щеки – странно обвисли, и сказала:

– Тогда прочему он не...

– Потому что спит, – сухо проговорил Глеб.

– Сонный гриб? – уточнил стоявший рядом Рамон.

Первоход кивнул.

– Да.

– И сколько он теперь проспит? – растерянно спросила Зоряна.

– Не знаю. Если бы это произошло в Гиблом месте, проспал бы час или два. А здесь... – Глеб не договорил и, хмуро сдвинув брови, пожал плечами.

– Сколько у нас еще времени? – спросил Рамон.

Глеб прислушался к себе и ответил:

– Меньше получаса. Но Храм совсем рядом. – Он повернул лицо к узкой просеке, видневшейся неподалеку, прищурил темные глаза и добавил: – Там, за просекой. Я чувствую его.

Глеб и Рамон одновременно посмотрели на спящего Лудобока, а затем мрачно переглянулись. Зоряна, от внимания которой не укрылись их взгляды, нахмурилась и громко проговорила:

– Я знаю, о чем вы подумали, ходоки! Но мы не можем его здесь оставить! Не можем, ясно вам?

– Но...

– Первоход, смотри!

Глеб и Зоряна оглянулись на окрик Рамона и уставились туда, куда он показывал. У левого края поляны, саженях в двадцати от них, у самой кромки сумеречного леса-глушняка, стояли темные тени. Их было около двадцати, и стояли они странно – неподвижно, но как бы подергиваясь и колеблясь.

– Кто это? – испуганно спросила Зоряна.

Глеб вынул из кобуры ольстру и глухо ответил:

– Вертуны.

Темные фигуры резко сдвинулись с места и устремились к Глебу, Зоряне и Рамону, быстро и бесшумно скользя по траве.

Глеб выпрямился и выдвинулся вперед, намереваясь первым встретить врагов, но вдруг Зоряна отбежала от него и Рамона на несколько шагов и завертелась вокруг собственной оси.

Она вертелась все быстрее и быстрее, и вот уже не Зоряна, а черный колеблющийся смерч подскочил кверху и снова приземлился на траву, а затем с тихим гулом стремительно двинулся навстречу вертунам, захватывая по пути ветки, траву и лесной мусор и разрастаясь в размерах.

На глазах у изумленных Глеба и Рамона огромный смерч, в который превратилась Зоряна, втянул в себя вертунов, как пылесос втягивает облака пыли, и взметнулся до самых вершин деревьев.

– Бегите! – донесся из центра гудящего смерча отчаянный крик Зоряны. – Бегите же! Я не смогу их долго держать!

Глеб сунул ольстру в кобуру, затем нагнулся, подхватил грузное тело Лудобока и, крикнув от усилий, забросил его себе на плечо.

– Бежим! – хрипло проговорил Глеб толмачу, развернулся и, слегка покачиваясь под тяжелой ношей, первым побежал к виднеющейся впереди просеке.

Глава десятая ХРАМ ПАДШИХ

1

Ветер гнал по небу багровые тучи, и время от времени из прорех в тучах выглядывала красная луна. Несмотря на сгустившиеся сумерки, окрестность была видна довольно хорошо.

Продравшись через рощицу молодых деревьев, похожих на березы, только с розовато-черной корой и белыми листьями, Глеб и Рамон выбрались на большую поляну и остановились.

На другом конце поляны, зловеще выделяясь в багровых сумерках, стояло большое черное здание, сверкающее гладкими, идеально отполированными стенами.

Рамон помог Глебу положить Лудобока на траву, после чего оба выпрямились.

– Это он? – притихшим голосом спросил Рамон.

Глеб кивнул.

– Да.

– Merda! – Толмач перекрестился. – Так вот как выглядит логово Дьявола.

Порыв холодного ветра заставил Глеба поежиться.

– Ветер крепчает, – мрачно проронил он.

Затем снял с себя плащ, оставшись в одной короткой охотничьей куртке, и накрыл плащом спящего увальня.

– Побудешь с ним? – попросил он Рамона.

Несколько секунд толмач изумленно смотрел на ходока. Затем проговорил тихим голосом, в котором подрагивала обида:

– Глеб, ты не можешь так со мной поступить. Я не отпущу тебя в Храм одного.

– Тебе придется это сделать, – сказал Глеб холодным, не терпящим возражений голосом. – Это мой путь, и я должен завершить его в одиночку.

– Но...

– Рамон, никаких возражений. Если ты вздумаешь пойти со мной, клянусь Хорсом, я оглушу тебя мечом и оставлю лежать в траве.

Толмач вынул из ножен свои короткие, острые мечи и хмуро проговорил:

– Хорошо. Я подожду тебя здесь. Но если тебе понадобится моя помощь – крикни, и я тут же примчусь.

– Заметано, – кивнул Глеб. – Но пока не позову, не смей отходить отсюда ни на аршин. Что бы ты ни увидел, оставайся тут и защищай Лудобока.

Глеб отвернулся, пригнул голову от холодного встречного ветра и двинулся к черному зданию. Лес порывисто гудел. Губы Первохода были плотно сжаты, в его карих глазах застыла холодная решимость.

На первый взгляд большая поляна перед Храмом выглядела совершенно пустынной. Но стоило Глебу пройти десять шагов, как с разных ее сторон навстречу ходоку, как темные вихри пыли, двинулись зловещие фигуры. Одна, две, три, четыре, пять...

Глеб, не замедляя шага, вынул из кобуры ольстру.

Фигуры все прибывали. Шесть, семь, восемь...

Отсюда уже можно было различить лица чудовищ, охраняющих Храм Падших. Четыре долгоязыких, жилистых стригоя с налитыми кровью глазами. Бледные лица исказила злоба, на губах – оцепеневшие усмешки.

Семь или восемь рослых, мускулистых оборотней. Волчьи морды оскалены, глаза пылают голодным огнем, с клыков капает слюна.

Еще несколько черных волколаков – каждый размером с медведя.

Оборотни сорвались с места и рванулись к Глебу крупными, пружинистыми скачками. Кровососы-стригой взлетели в воздух и, раскинув черные полы плащей, подобно огромным крыльям, стремительно понеслись к Первоходу. За ними ринулись в бой и волколаки.

Первых двух стригоев Глеб сшиб в воздухе выстрелами из ольстры.

Два оборотня, оттолкнувшись задними лапами от поляны, взвились в воздух, намереваясь сбить Глеба с ног и разорвать его на части, но, прежде чем клыки тварей коснулись горла ходока, он успел разmozжить им головы серебряными пулями.

Увернувшись от рухнувших туш, Глеб прострелил грудь еще одному стригую. А потом все закружилось и завертелось. Глеб, с молниеносной скоростью перемещаясь между нападающими тварями, расстреливал их из ольстры.

Когда магазин ольстры опустел, Первоход швырнул оружие на брусчатку и выхватил из ножен заговоренный от нечисти меч Рутгор.

– Боги Хорс и Семаргл, помогите мне! – крикнул он и отсек голову спикировавшему на него кровососу-стригой.

Затем, не останавливаясь, повернулся к следующей твари. Это был волколак. Глеб рубанул его мечом наискось и повернулся к новому противнику.

Заслонив глаза ладонью от ветра, Глеб вгляделся в лицо этого противника и без всякого удивления узнал в нем самого себя. Длинные темные волосы, нос с горбинкой, покрытый

бисеринками пота лоб. Призрачная тварь!²

Глеб шагнул вперед и рубанул двойника мечом, но тот в точности повторил движение Глеба. Конец его клинка вспорол на груди Первохода куртку. Глеб отпрянул назад, его двойник – тоже.

Секунду спустя Первоход вновь ринулся на двойника с мечом, и тот сделал то же самое. Два Глеба, настоящий и мнимый, скрестили клинки, глядя друг на друга пылающими от ярости глазами.

«Дьявол! – в отчаянии подумал Глеб. – Как же мне его убить?!»

Боковым зрением он уловил новое движение и понял, что к месту схватки бежит еще один противник. Отбив удар меча, Глеб повернул голову и понял, что противник этот – стригой. Бледное, сухое, костлявое лицо. Оскаленные клыки.

В голове мгновенно созрел план. Глеб швырнул меч на землю (двойник сделал то же самое), затем схватил псевдо-Глеба за горло, напряг мышцы и резко развернул двойника к стригойе спиной. Острые клыки кровососа, готовые впиться в горло Первоходу, вонзились в сонную артерию его двойника.

Призрачная тварь разжала пальцы и захрипела. По лицу ее пробежала судорога, и черты лица стали стремительно меняться.

Когда стригой понял свою ошибку, было уже поздно. Глеб подхватил с травы меч и одним ударом отсек кровососу голову. Затем быстро огляделся. Поляна перед Храмом Падших была усеяна телами сумеречных тварей. Некоторые из чудовищ были еще живы и, с ужасом глядя на Глеба, пытались отползти подальше.

Первоход посмотрел на небо, отсалютовал ему окровавленным мечом и сказал:
– Благодарю!

Затем опустил голову и стремительно зашагал к черному зданию Храма.

2

На гладкой черной стене не было ни дверной ручки, ни самой двери. Однако на уровне двух саженей от земли Глеб увидел небольшую выемку. Ходок достал из кармана ключ, полученный от темного кузнеца, и вложил его в бороздку, как в замочную скважину.

Раздался сухой щелчок, и стена пришла в движение. Глеб испуганно отдернул руку, и как раз вовремя – кусок стены мягко и бесшумно отъехал в сторону, и в лицо Глебу ударил белый свет.

Первоход заслонился рукой, но не отступил. Подождав, пока глаза привыкнут к свету, он опустил руку и шагнул внутрь Храма.

Переступив невысокий порог, Глеб оказался в большом зале, стены, потолок и пол которого освещал ровный белый матовый свет, источник которого был непонятен. У дальней стены стоял огромный, черный, полированный шар, а на шаре, свесив ноги, сидел человек. Человек был одет в черный плащ и курил длинную коричневую сигарету. Взглянув на Глеба, незнакомец улыбнулся и сказал:

– Отличная работа, ходок! А ты гораздо сильнее, чем я думал.

Мужчина был худощав и высок. У него были длинные черные волосы, смуглая кожа и черные, миндалевидные глаза. На вид – лет тридцать, не больше.

– Кто ты? – спросил его Глеб.

Незнакомец стряхнул пепел сигареты на белый пол, сдвинул черные брови и произнес голосом охотника Громола:

– «Тьма существует, Глеб. И она всегда готова принять какую-то определенную форму». – Затем улыбнулся и весело сказал: – Я – та самая Тьма, которой тебя пугал охотник Гролом.

² О призрачных тварях повествуется в романе «Гиблое место: Посланники тьмы».

Глеб молча разглядывал незнакомца.

– Что? – насмешливо спросил тот. – Не похож? А между тем, это правда. Если тебе так удобнее, можешь считать меня персонификацией Гиблого места.

– Чем? – не понял Глеб.

– Представь себе, что Гиблое место – это не ужасная чащоба с мертвым городом, голодными прогалинами, упырями, оборотнями и тому подобными страшилками, а просто человек. Представил? Так вот, этот человек – я.

Незнакомец прищурил черные, миндалевидные глаза.

– Финал трагедии уже близок. И тебя, ходок, я сделаю его главным зрителем.

Глеб сжал зубы и процедил, с ненавистью глядя на черного человека:

– Ты не сильнее меня.

– Ты так думаешь? – Незнакомец щелчком пальца отшвырнул сигарету в сторону и презрительно усмехнулся: – Ошибаешься, ходок. Я намного сильнее, чем...

Договорить монстр не успел. Глеб вскинул ольстру и нажал на спуск. Однако что-то мигнуло перед глазами Первохода, и он остановился как вкопанный, увидев, что на черном шаре уже никто не сидит.

– Что-то потерял, Первоход? – окликнул его из-за спины насмешливый голос.

Глеб резко повернулся. Посланник Тьмы стоял у открытой двери и, чуть склонив голову набок, с любопытством разглядывал Первохода.

В отдалении послышались раскаты грома и какой-то странный шум. Незнакомец прислушался к ним и с восторгом проговорил:

– Уже скоро!

Шум нарастал и приближался.

– Слышишь этот гул, Первоход? – с улыбкой спросил посланник Тьмы. – Надвигается буря. Скоро вся ваша земля превратится в одно сплошное Гиблое место.

Белый пол содрогнулся под ногами у Глеба. Он устремил взгляд на посланника Тьмы и крикнул:

– Что такое Гиблое место? Кто вы? Откуда вы взялись?

Черный незнакомец холодно взглянул на Первохода и спросил:

– Что ты хочешь услышать? Что мы пришли сюда из другой галактики? Или – из самых глубин ада?

– Я хочу услышать правду!

– Правда в том, что ваше время подходит к концу. А наше – только начинается. – Черный человек презрительно усмехнулся. – Глупый, глупый ходок. Ведь это ты сам, минуту назад, открыл мне дверь в ваш мир. Как только я переступлю порог, вашему миру...

Глеб, яростно что-то прорывав, снова вскинул ольстру, но нажать на спуск не успел. Страшная сила вырвала ольстру из рук ходока и отбросила ее далеко в сторону.

Первоход с лязгом вырвал из ножен меч, но посланник Тьмы, чуть шевельнув рукой, выбил меч из судорожно стиснутых пальцев Глеба, а самого Глеба отшвырнул от себя на две сажени.

Ходок грохнулся спиной об пол и на мгновение потерял сознание от боли. А когда снова обрел способность видеть и посмотрел на черного незнакомца, то увидел, что за спиной у того кто-то стоит. Это был невысокий, сухопарый парень с простодушным лицом.

Парень бесшумно вынул из-за пояса кинжал, размахнулся и вонзил клинок посланнику Тьмы в спину. Черный человек вытянулся в струну и замер. А затем покачнувшись и рухнул на пол. А его убийца поднял над головой окровавленный кинжал и крикнул:

– И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю Вселенную!

Затем засмеялся и сказал, обращаясь к Глебу:

– Кажется, я вовремя появился, друг.

- Как тебя зовут, парень? – спросил Глеб, когда они вышли на поляну.
- Бун, – ответил тот и улыбнулся. – Просто Бун. Разве ты меня не помнишь?

Глеб помнил. Еще как помнил. Но сказать об этом не успел, поскольку совсем близко послышался гомон голосов, а потом из багрового, уже изрядно поредевшего тумана вышли спутники Глеба – потрепанные, исцарапанные, покрытые синяками и ссадинами, но живые. Целым и невредимым был только Лудобок. Он хлопал сонными глазами и с удивлением смотрел на Храм Падших, черным, сверкающим монолитом торчащий из тумана. Игрок Тиш выглядел не очень, кожа его была покрыта морщинами, а волосы – по-стариковски седые. Однако на ногах он стоял крепко.

Завидев Глеба и Буна, путники остановились. Глеб улыбнулся и сказал:

- Черт побери! Как же я рад вас видеть, ребята!
- Кто это с тобой, Первоход? – угрюмо спросил Тиш.
- И откуда он тут взялся? – резонно добавил Облакаст.

Бун робко потупил взгляд, а Глеб положил парню руку на плечо и представил его своим друзьям:

– Этого чудака зовут Бун. Позапрошлой ночью он напал на меня в лесу, чтобы вырвать мне сердце и съесть его. А пять минут назад он спас меня и прикончил посланника Тьмы.

Спутники Глеба продолжали молча разглядывать невесть откуда взявшегося спасителя. Первым молчание прервал Рамон.

– Глеб, как только ты отошел от меня на несколько шагов, поляну заволокло багровым туманом, – произнес он виноватым голосом. – Я ничего не мог разглядеть в этом тумане. И ничего не слышал, кроме завывания ветра.

Глеб улыбнулся и хлопнул толмача ладонью по плечу.

– Не бери в голову, дружище. Все закончилось хорошо. – Он повернулся к Буну и спросил: – Может, расскажешь, как ты здесь оказался?

Тот приободрился и с готовностью сообщил:

- После того как ты меня отпустил, я шел за вами.
- Зачем?

– Ты пожалел меня. Проявил милосердие. Как только ты это сделал, пелена безумия спала с моих глаз. Я понял, что мною овладел демон, но ты заставил меня прозреть. Когда вы уходили, я услышал, как здоровяк сказал тебе: «Зря ты его отпустил, Первоход. Впереди нас ждет много опасностей, но ты оставил опасность и у нас за спиной». Мне стало нестерпимо стыдно, и я отправился за тобой, чтобы оберегать тебя от опасностей, про которые говорил здоровяк.

- Почему же ты не объявился и не пошел с нами в открытую?

Бун вздохнул.

– Твои друзья – очень осторожные люди, Первоход. Они никогда бы мне этого не позволили.

- Ладно. Как бы то ни было, но теперь все позади.

Глеб посмотрел на своих товарищей. Выглядели они смертельно уставшими.

– Так или иначе, а дело свое мы сделали, – проговорил Глеб. – Осталось забрать Хлопушу из кузницы и вернуться домой.

- Глеб! – негромко позвала Зоряна, и голос ее дрогнул от волнения.
- Что?

– Дверь Храма Падших осталась открытой.

- Да. И что с... – «И что с того?» – хотел сказать Глеб, но осекся на полуслове.

В открытой двери что-то заклоунилось, подобно серому дыму, и в дыму этом заискрились, заиграли маленькие молнии. Несколько секунд дым стоял в дверях, как робкий гость, а потом вдруг вывалился наружу и стал быстро заполнять собой поляну. Подобно серым, искрящимся волнам, растекался он по окрестностям, а путники стояли и смотрели на него, не зная, что предпринять.

Не прошло и десяти секунд, как серый туман окутал всю поляну, и был он настолько густ и непроницаем, что Глеб потерял своих спутников из виду. А потом он услышал крик Зоряны. Глеб выхватил из ножен меч и бросился к тому месту, где она только что стояла, но крик переместился в другую сторону.

– Зоряна! – громко позвал он.

И тут закричали остальные. Тиш, Облакаст, Лудобок, Балабан, Огнерод – их крики были полны ужаса и боли. Глеб заметался по поляне, пытаясь сориентироваться по этим крикам и найти хоть кого-нибудь из своих товарищей, но все было тщетно. Казалось, туман сделал путников такими же бесплотными и неосязаемыми, как он сам.

И вдруг крики стихли – все, разом. Глеб остановился и завертел головой по сторонам.

– Эй! – окликнул он, сжимая рукоять меча так крепко, что заныли пальцы. – Где вы все?

– Глеб, что происходит? – услышал он крик Рамона.

– Не знаю! Где ты, дьявол тебя поberi?

– Я здесь!

Глеб повернулся и увидел Рамона. Тот стоял совсем близко и выглядел не столько напуганным, сколько удивленным.

Туман стал рассеиваться – так же быстро, как прежде сгущался. Прошло несколько секунд, и Глеб увидел всех своих товарищей. Они стояли в разных местах поляны с ошалелым, изумленным, перепуганным, растерянным видом.

Глеб подбежал к Зоряне, схватил ее за плечо и заглянул ей в глаза.

– Ты цела?

Девушка подняла на него мутный взгляд, несколько секунд молчала, будто не узнавала Глеба, а потом чуть качнула головой и пробормотала:

– Д-да... Кажется, да.

– Хорошо!

Глеб обернулся и окинул взглядом бледные лица Облакаста и Тиша.

– Как вы, парни?

Чародеи вздрогнули и тоже посмотрели на Глеба.

– Я цел, – сказал Облакаст.

– И я тоже, – хмуро пробормотал Тиш.

– Что это было? – резко спросил Глеб. – Почему вы кричали?

Ответил ему Балабан. Скривившись, он брезгливо произнес:

– Какая-то ледяная гадость втекла мне в рот и сдавила грудь.

– И мне тоже, – сказала Зоряна.

– И мне, – растерянно обронил увалень Лудобок.

Глеб взглянул на Рамона.

– С тобой было то же самое? – быстро спросил он.

Толмач покачал чернявой головой:

– Нет. Я слышал, как все они кричали, но со мной ничего страшного или необычного не происходило.

– Значит, нас с тобой туман проигнорировал, – отчеканил Глеб и снова обвел взглядом бледные лица детей падших богов. – Прислушайтесь к себе! – потребовал он. – Не чувствуете ли вы чего-нибудь странного?

Белокурый Облакаст повел плечами и сказал:

– У меня такое ощущение, будто моя сила увеличилась.

– Я тоже чувствую себя сильнее, – сказал Тиш и удивленно посмотрел на свои ладони, по которым пробежали белые, едва заметные искорки.

– А во мне столько силы, что я готов перевернуть мир! – восторженно воскликнул Балабан.

– А я... – Лудобок посмотрел на Глеба. – Первоход, кажется...

– Что? – быстро спросил Глеб.

– Мне кажется, что я могу повелевать временем. – Он сглотнул слюну и добавил робким, хриплым голосом: – И я могу отправить тебя в твоё время.

4

Несколько секунд Глеб молча смотрел на Лудобока, потом разомкнул губы и холодно проговорил:

– Повтори, что ты сказал.

Увалень улыбнулся.

– Я чувствую власть над временем, Первоход. Я это чувствую. Я могу войти в поток времени, как в ручей, и пройти по течению воды или вспять. Я могу вернуть тебя в твоё время.

Глеб слегка побледнел.

– Ты уверен? – сухо уточнил он.

– Да. Однако у меня такое ощущение, что скоро сила покинет меня так же внезапно, как появилась.

– Лудобок прав, – сказал Облакаст. – Я чувствую то же самое. Я силен, но ненадолго.

– И я, – подал голос Тиш. – Мне тоже кажется, что это – временный дар и скоро у нас его отнимут.

Зоряна посмотрела на черную, полированную коробку Храма, дверь которого все еще была открыта, и сказала:

– Это все Храм. Серый туман вошел в нас и удесятерил наши силы. Но как только дверь Храма закроется...

Глеб поднял правую руку, молча засучил рукав и взглянул на предплечье. Из четырех шрамов не осталось ни одного. На месте двух из них по-прежнему багровели ссадины от змеиного укуса. Третий слился с синяком, оставшимся после того, как опухоль от укуса спала. А четвертый, самый крайний, – исчез, как это бывало всегда после очередного выполненного задания. Рука была изранена, но факт оставался фактом – шрамов Сорни-Най на ней не было.

Впервые путники видели своего предводителя таким растерянным. Глеб опустил рукав и посмотрел на Лудобока. Потом повернулся и глянул на чашобу. Потом снова посмотрел на повелителя времени и произнес таким голосом, будто каждое слово давалось ему с величайшим трудом:

– Я должен спасти Хлопушу.

– Нет, Глеб! – Рамон выступил вперед и посмотрел ходоку в глаза. – Нет, – повторил он. – Ты не можешь упустить такой шанс.

– Охолони, Рамон, – сказал Глеб, но в голосе его послышалась неуверенность. – Я должен...

– Поверь, мы сможем позаботиться о Хлопуше, – поддержал толмача Облакаст. – Нас много, и мы сильны. Балабан только что сказал, что он чувствует себя способным перевернуть мир.

Глеб молчал, и взгляд его был хмур и недоверчив. Тогда Рамон положил ему руку на плечо и сказал:

– Доверься нам, Первоход. Клянусь гвоздями Спасителя, я не уйду из этого проклятого места, пока не вытащу Хлопушу из адской кузни. А они... – он кивнул на стоявших рядом детей падших богов, – помогут мне.

– Толмач прав, – сказал хромой Балабан. – Мы поможем ему вытащить Хлопушу. Уж будь спокоен.

Глеб все еще колебался. «Домой, – думал он. – Обратно домой. В родной до боли город с его бульварами, высотками, площадями, фонтанами, кинотеатрами, неоновыми вывесками баров и ярко освещенными витринами магазинов. Домой! И больше никаких темных тварей, никакого Гиблого места, никаких кафтанов, лаптей и бородатых физиономий».

В груди у Глеба так сдавило, что он едва не задохнулся. Боже, как же давно он там не был!

– Решайся, Первоход, – поторопил увалень Лудобок. – Туман совсем рассеялся, и мои силы уже начали таять.

Глеб посмотрел на Рамона. Толмач ждал ответа, чуть склонив голову набок и мерцая своими черными итальянскими глазами.

«А ведь я буду по нему скучать», – подумалось Глебу.

Он качнул головой, прогоняя неуместные мысли, потом быстро расстегнул перевязь с кобурой и ольстрой, снял ее с себя и протянул Рамону.

– Держи!

Рамон взял протянутое оружие.

– Запасные патроны – в кармашке, рядом с кобурой, – напутствовал Глеб. – Когда закончатся, ступай к кузнецу Вакару, он сделает тебе новые.

Рамон кивнул и набросил перевязь с кобурой на плечо. Глеб расстегнул сумку-ташку и тоже протянул ее Рамону. Было заметно, что он слегка нервничает.

– Там кошель, набитый монетами, – сказал Глеб. И добавил: – И еще одна вещь – терракотовая парсунка в полиэтиленовой обертке³. Помнишь большой камень у межи?

– Да, – кивнул Рамон, забирая сумку.

– Закопай эту парсунку под ним.

– Зачем?

– Один мой знакомый будет счастлив, отыскав ее через тысячу лет. Его зовут археолог Земцов, и я не хочу лишать его главной радости жизни.

Глеб повернулся к Лудобоку.

– Пора отправляться назад в будущее, – сказал он. – Можете приступать к эксперименту.

Увалень кивнул, сжал губы и сосредоточенно нахмурился. И вдруг мир вокруг Глеба и Лудобока остановился. Деревья перестали раскачиваться и шуметь под ветром, летящая над их головами птица замерла в воздухе, лица товарищей Глеба оцепенели.

А потом Лудобок поднял перед собой руки, повернулся к Храму и сделал странное движение, словно сплел в воздухе невидимую ловушку или же, наоборот, расплел. В сажени от него сумеречный воздух стал стремительно сгущаться. Прошло еще несколько мгновений, и на месте сгустившегося облака, подобно яркому взрыву, вспыхнул проход с уводящим вдаль радужным коридором.

Глеб попятился и заслонился рукой от света. Лудобок опустил руки и облегченно вздохнул:

– Готово. Ступай по этому коридору, Первоход. Он приведет тебя туда, куда ты хочешь.

Глеб шагнул к светящемуся коридору, но вдруг Лудобок насторожился и взволнованно проговорил:

– Что-то не так.

– Что? – Глеб недоуменно взглянул на повелителя времени. – Что не так?

Не успел Первоход закончить фразу, как в лицо и в грудь ему ударил порыв ледяного ветра. Удар был столь силен, что Глеб потерял равновесие и упал на траву. В тот же миг сияющий проход задрожал и стал расширяться, а из недр его послышался нарастающий гул.

– Что происходит?! – крикнул Глеб растерянному Лудобоку.

Мощный поток воздуха взметнул с земли сухие травинки и палочки и затянул их в золотую воронку времени. Поток воздуха стал стремительно крепчать, и вот уже самого Глеба потянула к воронке невидимая сила, но он успел схватиться за корень, торчащий из земли. Лудобок отскочил в сторону и вцепился руками в чахлый кустарник. Ноги его взмыли

³ История терракотовой парсунки рассказывается в романе «Гиблое место: Падшие боги».

над травой.

И тут, словно прорвало плотину, сверкающая золотом воронка стала втягивать в себя детей падших богов. Сперва она сбила с ног и протащила по траве Балабана, потом Облакаста... Подтянула и проглотила, словно огромный сверкающий рот. За ними в воронку полетел Огнерод... Потом Зоряна и Тиш. Последними ветер подхватил Буна и Рамона. Секунда – и они тоже скрылись в воронке.

Глеб пытался что-то крикнуть, но сухая трава забила ему рот. Лудобок из последних сил держался за кусты, хотя поток воздуха отчаянно рвал его навстречу разверстому радужному туннелю.

И вдруг все кончилось. Поток воздуха утих, золотая воронка сузилась до прежних размеров и замерцала всеми цветами радуги.

– Где они?! – прокричал Глеб.

– Я не знаю! – Лудобок сел на траве и провел пухлой ладонью по лицу. – Кажется... Кажется, они отправились в грядущее вместо тебя.

– Дьявол! – Глеб вскочил на ноги и подбежал к Лудобоку. – Ты понимаешь, что ты наделал?

– Я... не видел этого. Не смог предвидеть.

Первоход схватил Лудобок за грудки, рывком поставил его на ноги и хорошенько встряхнул.

– Быстро отправляй меня за ними! Ну!

Одутловатое лицо повелителя времени болезненно скривилось.

– Я не хотел этого, Первоход. Я понятия не имею, как это получилось.

– Мне не нужны твои чертовы оправдания! – прорычал Глеб. – Ты можешь меня отправить за ними или нет?

– Да. Могу. Закрой глаза, а я попробую сосредоточиться.

Глеб зажмурил веки. Несколько секунд ничего не происходило, он слышал лишь угрюмое сопение Лудобок. А потом Глеб почувствовал, что у него закружилась голова. Он хотел открыть глаза, но вдруг ему сделалось так легко и хорошо, что открывать глаза расхотелось.

Глебу показалось, что тело его плавится, растворяется, становится бесформенным. А потом тело его, как песочную фигуру, рассеивает ветер. Ветер уносит песчинки, делит каждую песчинку на молекулы и атомы и рассеивает их в ослепительно-белом Ничто.

– Прощай, Первоход... – услышал он голос Лудобок, но голос этот прозвучал словно бы из далекого далека.

Глеб вдруг почувствовал, что тела у него больше нет и что сознание его превратилось во всепроникающий теплый ветер.

Эпилог

– Поразительная, не имеющая аналогов в человеческой истории волна катастроф прокатилась по Земле...

Закадровый голос диктора был официален и спокоен, хотя по экрану телевизора ползли страшные кадры разрушений, принесенных катаклизмами.

– ...Ученые не могут объяснить, из-за чего это происходит. Многочисленные специалисты воздерживаются от комментариев, поскольку сами не в состоянии понять...

Бармен взял пульт и сделал телевизор потише. Бар был забит до отказа, но не было ни криков, ни смеха, ни звона стаканов. Посетители были хмуры и молчаливы, а если и переговаривались, то делали это чуть слышно, словно боялись слишком громкими голосами разбудить дремлющих за сумеречным окном демонов.

– Рано или поздно природа уничтожит нас, – заявил Яша Фендель, потягивая виски. – Сотрет с лица земли, как строгий учитель стирает корявые формулы ученика с классной

доски.

– Не будь таким пессимистом, – сказал ему на это Глеб. – Мы еще можем эволюционировать.

Фендель усмехнулся.

– Ты правда так думаешь? – Он качнул головой: – Нет, не верю, чтобы ты говорил это всерьез. Нет никакой эволюции, Орлуша. Все, что превышает обычные человеческие возможности, дано нам от лукавого. Все эти экстрасенсы, телепаты, маги – это дьяволово отродье, змеиный выводок. У людей есть все, что нужно, Глеб. А нужно-то нам, по большому счету, только одно. Одна единственная способность...

Фендель стряхнул с сигареты пепел, и Глеб нетерпеливо спросил:

– Какая?

Яша улыбнулся и ответил:

– Вера, Глеб. Вера – вот чем спасется человечество. Больше ничто не способно нас спасти. Ну, может быть, еще красота. А всякие там физические и психологические усовершенствования – это все не от души, а от ума.

– От лукавого ума? – прищурившись, уточнил Глеб.

– А другого и не бывает. Ну, хватит болтать. Давай-ка лучше накатим еще по пятьдесят капель.

Глеб взял бутылку «Вани Ходока»⁴, на боку которой блеснула красная этикетка, и плеснул вискарь по стаканам. Он уже ставил бутылку на стол, как вдруг рука его замерла.

– Бог ты мой... – пробормотал Глеб. Кровь отлила от его щек, а на лбу у него выступили бисеринки пота.

Он вдруг *все вспомнил*. Гиблое место, Сумеречная чащоба, дети падших богов, золотистая воронка времени...

– Гиблое место хочет протянуть свои щупальца как можно дальше! – прозвучал у него в ушах голос охотника Громола. – И не только в пространстве, но и во времени. Гиблое место сродни заразной хвори. Представляешь, что было бы, если бы его заразная частичка попала в тот мир, откуда ты пришел?

Глеб снова посмотрел на экран телевизора. Диктор продолжал вещать про небывалую волну катастроф, прокатившуюся по планете. Ураганы, землетрясения, цунами, проснувшиеся вулканы... За несколько дней произошло столько катастроф, сколько не происходило за последние сто лет.

– Да ведь это же я... – пробормотал Глеб. Бутылка «Ходока» выскользнула у него из пальцев и упала на стол.

– Орлов, ты чего? – удивленно спросил Фендель, подняв бутылку и поставив ее как надо.

Глеб посмотрел на него расширившимися от ужаса глазами и хрипло прошептал:

– Я привел их сюда. Я выпустил бесов из бутылки.

– Что? О чем ты?

– Я впустил в наш мир страшную заразу. О Господи...

Бармен взял со стойки пульт и сделал телевизор погромче.

– Волна катастроф докатилась и до нас, – сообщил диктор. – На Москву надвигается буря, которую синоптики заранее окрестили «бурей столетия». Представители мэрии просят москвичей не выходить сегодня после полуночи из своих квартир. А тех, кто находится вдали от дома...

Глеб отвел взгляд от телеэкрана, посмотрел на Фенделя и проговорил упавшим голосом:

– Яшка, оно уже здесь. Оно уже здесь.

– Что? – не понял Фендель. – Кто здесь?

⁴ Ироничный перевод названия виски «Джонни Уокер».

Глеб собрался с духом и вымолвил два страшных слова, так тихо, словно они могли взорваться у него во рту:

– Гиблое место.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В РОМАНЕ
«ПОЛНОЧЬ, XXI ВЕК: ПЕПЕЛ».